

ВАСИЛИЙ ВЕЛИЧКО

РУССКИЕ

РЕЧИ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Серия самых выдающихся книг, рассказывающих о борьбе русского народа с силами мирового зла, русофобии и расизма:

- Булацель П.Ф.** Борьба за правду
- Бутми Г.В.** Кабала или свобода
- Вязигин А.С.** Манифест созидательного национализма
- Грингмут В.А.** Объединяйтесь, люди русские!
- Достоевский Ф.М.** «Царство антихриста»
- Дубровин А.И.** Черная сотня
- Жевахов Н.Д.** Еврейская революция
- Иванов В.Ф.** Русский мир и масонство
- Ильин И.А.** Национальная Россия
- Марков Н.Е.** Лики Израиля. Войны темных сил
- Меньшиков М.О.** Письма к ближним
- Нилус С.А.** «Близ есть, при дверех...»
- Осипов В.Н.** Записки ниционалиста
- Пасхалов К.Н.** Русский вопрос
- Тихомиров Л.А.** Битва за Россию
- Шарапов С.Ф.** После победы славянофилов
- Шафаревич И.Р.** Русофобия
- Шевцов И.М.** Бородинское поле
- Шмаков А.С.** Еврейские речи
- Величко В.Л.** Русские речи
- Никольский Б.В.** Сокрушить крамолу
- Платонов О.А.** Загадка сионских протоколов

ВАСИЛИЙ ВЕЛИЧКО

**РУССКИЕ
РЕЧИ**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2010**

Величко В. Л. Русские речи / Сост. предисл. и коммент. А. Д. Степанов / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 400 с.

В книге представлены главные труды одного из вождей Черной сотни, поэта, публициста Василия Львовича Величко (1860-1903), внесшего большой вклад в создание влиятельной монархической организации Русское собрание. Царское самодержавие, считал Величко, является совершеннейшей формой правления в России, в нем главный залог исполнения Россией ее всемирно-христианского призвания, укрепления внешнего государственного могущества и внутреннего государственного единства. Царь, верховный судья и выразитель народной совести в делах государственных, не может подлежать никакой ответственности ни перед кем, кроме Бога и истории. Всего себя без остатка Величко отдавал делу борьбы за национальные интересы России. Предсмертные слова вождя Черной сотни, обращенные к друзьям, были о судьбе Отечества: «Думайте о благе России, Царя и народа! Душа Царя – душа народа! Он божий ставленник, живая связь народа с Богом! Народ не виноват в пороках русской интеллигенции. На крыльях его духа Россия вознесется над миром».

Большинство произведений Величко в настоящем издании публикуются впервые после 1917 года.

ISBN 978-5-902725-31-2

© Институт русской цивилизации, 2010.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Василий Львович Величко родился 2 июля 1860 года в городке Прилуки Полтавской губернии в дворянской семье. Род Величко происходил от известного запорожского казака-летописца, автора «Летописи событий в Юго-Западной России в XVII веке» Самуила Величко. Детские годы будущего поэта и общественного деятеля прошли в родовом хуторе Вернигоровщине. Его ближайшие предки были дружны с крупными деятелями российской культуры Н. В. Гоголем, М. И. Глинкой, Н. И. Костомаровым, которые часто гостили у семейства Величко в Вернигоровщине.

В 1870 году будущий поэт был определен для обучения в киевский пансионат Даниэля, затем поступил в элитное Императорское Училище правоведения, которое было своего рода «кузницей чиновничьих кадров» Российской Империи. Училище было основано указом Государя Николая I в 1835 году по инициативе и на средства принца Петра Георгиевича Ольденбургского для воспитания юридически грамотных кадров для административной и судебной деятельности. Ему был присвоен статус первоурядного учебного заведения, воспитанники Училища уравнивались в правах с питомцами знаменитого Царскосельского Лицея. Среди выпускников училища были выдающиеся государственные деятели: председа-

тель Совета министров И. Л. Горемыкин, обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев, министр внутренних дел А. Г. Булыгин, тверской губернатор Н. Г. Бюнтинг; видные деятели русской культуры: мыслитель и поэт И. С. Аксаков, композиторы П. И. Чайковский и А. Н. Серов, поэты А. М. Жемчужников и А. Н. Апухтин, критик В. В. Стасов, чемпион мира по шахматам А. А. Алехин, депутат Госдумы священномученик Сергей (Шейн) и другие.

В 1883 году Василий Львович окончил курс Училища правоведения. Писать стихи он начал еще в бытность студентом. Первое стихотворение Величко появилось в 1880 году в «Живописном обозрении». А вскоре его стихи уже печатали «Свет», «Русская мысль», «Новое время», «Вестник Европы», «Русский вестник», «Северный вестник», «Нива», «Неделя» и другие мало-мальски известные тогдашние периодические издания. В 1890 году вышел первый сборник его стихотворений, в 1894 году – второй. Кроме того, Величко был автором нескольких драматических произведений, одно из которых, комедия «Первая муха», было даже удостоено Грибоедовской премии.

Василий Львович был душой литературного кружка, который существовал в конце 1880-х – начале 1890-х годов в Петербурге и собирался у его родственницы Марии Муретовой. В этот кружок входили крупнейшие деятели русской культуры: друг Величко известный русский философ В. С. Соловьев, писатели Н. С. Лесков и Д. Л. Мордовцев, художники И. Е. Репин и Н. Н. Каразин, профессора университета А. Н. Веселовский и А. М. Ладыженский.

* * *

В поэзии Василий Величко был, прежде всего, продолжателем традиций русской философской лирики. В его творчестве многое перекликается со стихами

Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. К. Толстого. «Очарованный родной Украиной», Величко стремился в звуках и ритмах выразить красоту родных мест:

*Как томны вербы над водой!
Как нежен плеск волны влюбленной!
Как сладок воздух, упоенный
Левкоем, розой, резедой!*
(Стансы гр. А. А. Голенищеву-Кутузову)

Но поэт не только восхищается красотой природы, замечая везде величие творения, он отмечает и величие Творца. Природа у Величко живая, она не только дышит, но и ... молится:

*Зарницы в меркнувшей дали!
Как просто все и вместе пышно!
Во всем биенье сердца слышно
Творцу молящейся земли!*
(Стансы гр. А. А. Голенищеву-Кутузову)

Или в другом месте:

*Притаились воды, каждый листик дремлет,
Словно чудной речи все в раздумье внемлет,
Словно в созерцанье Бога погруженная,
Тихою молитвою молится вселенная...*

Воспевая красоту родной Малороссии, Величко отмечает и бытовые особенности жизни народа, размышляет об истории края. Его стихотворение «Мой хутор», которое он посвятил своему отцу, звучит сегодня крайне актуально, как отповедь очевидца нынешним самостийникам, лживо обличающим «москалей» в эксплуатации жителей Украины:

*А воцарялся мир над золотом степеней,
И песни радостно сливались с работой:
Без гнета власть была, и рабство без цепей,
И строгость мудрою освящена заботой.*

Но Василию Величко не чужда была и традиция гражданской лирики, традиция М. Ю. Лермонтова и Н. А. Некрасова. Его стихотворение «Сумерки» – яркое обличение современного образованного общества:

*Все отцвело, все песни спеты...
О, мы несчастней дикарей!*

И дальше:

*Теперь умом зовут сомненье,
Насмешка – гения печать,
Благоразумие – уменье
Неправду видеть... и молчать!*

Поэта возмущают «мутные потоки пошлости вседневной», он жаждет правды, борьбы за идеалы:

*И не жизнь, о Боже, и не сон могильный!..
О, взгляни же в душу скорбную мою!
Окрыли надежду, дай мне воли сильной!
Если жизнь, – да будет жизнь любвеобильной;
Смерть, – так смерть за правду! Смерть в
честном бою!*

(«Мутные потоки пошлости вседневной...»)

Гражданская лирика Величко пронизана патриотическим чувством. В стихотворении «Отчизна» это выражено, пожалуй, лучше всего:

*Она в душе могучего народа
Небесной истины зерно!*

Столь же точно и глубоко Величко понимает сущность Самодержавной власти:

*В непререкаемом сознаньи
Безбрежных прав, владеемых царем,
Царь падал ниц пред Божьим алтарем,
В мольбе, в надежде, в покаяньи!*

Величая Россию «дочь Мессии», поэт говорит, что Русский народ избран Богом не для господства над другими народами, а для служения:

*И знали все, и знают ныне:
В веках скорбей, страданий, славных дел
Свершается таинственный удел, –
Служенье крестное святыне!*

Русская идея у Величко – это, **во-первых, идея Православная**. Поэт понимает, что вне Православия, без Православия России и русского народа быть не может. «Служенье крестное святыне» – основа бытия русского народа. Величко показывает, что русские люди именно через исповедание православной веры становятся единым народом:

Как близок смертным вечный Бог,
Как веет дух Его во храме!

...

И с каждым словом ектеньи,
Как будто жгучие струи,
Сердца сливают воедино!
Нет ни слуги, ни господина,

*Никто не знатен, не убог:
У всех Единый, Кроткий Бог...*

Русская идея у Величко – это, **во-вторых, идея Монархическая**. Поэтому он призывает «верить в строй, нам Богом данный». В прекрасном стихотворении «26 февраля (Памяти Царя-Миротворца)», посвященном весьма почитаемому поэтом Императору Александру III, рефреном звучат слова:

*Чья мысль, и скорбь, и речь, и дело –
России мощь и торжество!..*

Русская идея у Величко – это, **в-третьих, идея Народная, Национальная**. Поэт призывает верить не только в Богом данный строй, но и

*В народ, сквозь прорезь облаков
Христовой правдой осиянный:
Он богатырь богоизбранный,
Пройдет с ней бодро в даль веков!*

Таким образом, существо Русской идеи, согласно Величко, составляет бессмертная уваровская триада: «Православие, Самодержавие, Народность».

* * *

К середине 90-х годов у Василия Львовича Величко было все, чего только может пожелать литератор: популярность в литературных и окололитературных кругах; хотя и не шумный, но устойчивый успех у публики, любовь многочисленных поклонников и друзей. Его имя можно было часто встретить на страницах многих журналов.

Однако в 1896 году Василий Величко порывает с прежним божественным образом жизни и уезжает в Тифлис редактировать газету «Кавказ». Злые языки связывали неожиданное решение поэта возглавить газету с желанием поправить свое финансовое положение. Однако люди, имеющие подобную мотивацию, не ведут себя так, как вел себя на Кавказе Величко, который, защищая русские национальные интересы, нажил себе немало влиятельных врагов. Поэтому более достоверным выглядит предположение, что главным мотивом возглавить газету для поэта стало желание попытаться повлиять на мировоззрение образованного слоя России. Величко был представителем той – немногочисленной – части русской элиты, которая отчетливо видела опасные тенденции в жизни русского общества.

Возглавив редакцию крупнейшей русской газеты на Кавказе, Величко волей-неволей должен был определить свою позицию по национальному вопросу, столь сложному и запутанному в этом регионе. Национальные отношения для Василия Львовича, судя по всему, были интересны и в силу личных причин – *в мировоззрении поэта политический консерватизм и русский национализм занимали существенное место.*

Разбираясь в кавказской национальной проблематике, Величко сформулировал собственную концепцию решения национального вопроса на Кавказе. Согласно его воззрениям, русская власть на Кавказе должна делать ставку, прежде всего, на немногочисленное русское население, которое было представлено здесь в основном старообрядцами и сектантами. Такой подход характерен для русских монархистов начала XX века, которые активно ратовали за преодоление старообрядческого раскола и всегда подчеркивали, что старообрядцы – тоже русские люди. Главным союзником русского народа на Кавказе, по мнению поэта, должен быть единоверный

грузинский народ. Позитивно относился он к многочисленному, но неразвитому и маловлиятельному в ту пору мусульманскому населению Кавказа. А вот главного врага русскому делу на Кавказе Величко видел в лице хорошо организованной и мощной армянской плутократии. Армянские дельцы, по оценке Величко, срослись с продажным окраинным чиновничеством, образовав весьма могущественную мафию. Они бессовестно эксплуатировали лояльных русской власти магометан. Поэтому новый редактор русской газеты объявил войну мафии. Свои статьи в газете «Кавказ», которые впоследствии были изданы отдельной книгой под названием «Кавказ: Русское дело и междуплеменные вопросы» (СПб., 1904), он посвящал главным образом угрозе русским национальным интересам, исходившей от армянской плутократии и армянского революционного движения. Эта книга В. Л. Величко была издана в Баку в 1991 году в разгар армяно-азербайджанского конфликта, и это единственное его произведение, переизданное после 1905 года. Сегодня политическая конъюнктура на Кавказе иная, Армения является союзником России, а Грузия и Азербайджан, напротив, – противниками. Значит ли это, что Величко ошибался? Думается – нет, ибо он ориентировался не на изменчивые конъюнктурные факторы, а на фундаментальные требования национально-ориентированной политики России.

Три года возглавлял Василий Львович главную русскую газету на кавказской окраине. Три года длилась его борьба за русские национальные интересы. Но силы были слишком неравные, и в 1899 году Величко не по своей воле вынужден был оставить редакторское кресло. К тому времени он нажил себе немало влиятельных врагов из числа бюрократии, которые искусно развязали против поэта кампанию лжи и клеветы. Даже в феврале 1904 года будущий священномученик отец Иоанн Вос-

торгов, выступая в Тифлисе на панихиде по усопшему поэту, отмечал: «Да, так много у него врагов, что даже открытые молитвенные собрания для поминовения покойного служителя русского дела не безопасны в смысле возможности... преследования за них, давления и осуждения со стороны сознательных или бессознательных врагов русского дела».

Умудренный опытом борьбы за русские национальные интересы, Василий Львович Величко покинул Кавказ. Отныне делом его жизни становится стремление зажечь «самосознания зарю» (строка из его стихотворения). ***Поэт становится не только певцом Русской идеи, но и борцом за Русскую идею.***

* * *

В это время в Петербурге велась активная работа по созданию национального русского кружка, из которого вскоре выросла первая черносотенная организация «Русское Собрание». Инициаторами русского национального общества выступили видный сановник и один из самых популярных писателей того времени князь Д. П. Голицын (литературный псевдоним – Муравлин), а также редактор и издатель самой авторитетной тогдашней газеты «Новое время» А. С. Суворин. Василий Львович активно включился в эту деятельность, став одним из самых активных участников процесса.

Идея создать русский национальный кружок родилась в конце XIX века в среде русских писателей, ученых и сановников, которых удручали угасание веры и денационализация русского общества. Уже самим названием «Русское Собрание» был брошен вызов общественному мнению. Ведь космополитизм у русского образованного слоя являлся в ту пору признаком «хорошего тона». Как писал один из современников, «Русское Собрание» за-

родилось, «когда любовь к отечеству была в забвении», «когда стало невыгодным быть русским человеком».

Среди учредителей и руководителей «Русского Собрания» мы видим крупных государственных деятелей, видных представителей отечественной науки и культуры, таких как генерал-майор, будущий ректор Военно-юридической академии М. М. Бородин; известный публицист-славянофил, генерал-контролер А. В. Васильев; сын известного русского военачальника, генерал-майор граф Н. Ф. Гейден; профессор К. Я. Грот; статс-секретарь Государственного Совета барон Р. А. Дистерло; профессор Академии Генерального штаба генерал-майор А. М. Золотарев; известный историк и искусствовед академик Н. П. Кондаков; будущий министр земледелия А. В. Кривошеин; помощник директора Публичной библиотеки, доктор русской истории Н. П. Лихачев; будущий статс-секретарь Государственного Совета В. А. Лыщинский; профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии и директор Археологического института Н. В. Покровский; начальник Николаевской Академии Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Н. Сухотин; директор управления государственными ссудо-сберегательными кассами Государственного банка А. П. Никольский; будущий товарищ министра внутренних дел А. Н. Харузин; писатели и публицисты М. М. Коялович, В. П. Сватковский, А. А. Суворин, С. Н. Сыромятников, Н. А. Энгельгардт, В. Г. Янчевецкий (Ян) и другие.

Величко был избран членом Совета «Русского Собрания». Впрочем, свою борьбу он продолжал главным образом на поприще публицистики. В апреле 1902 года известный издатель, отставной полковник и сербский генерал Виссарион Виссарионович Комаров получил право на издание старейшего консервативного журнала «Русский вестник». Журнал был основан еще в 1856 году од-

ним из корифеев русской журналистики М.Н.Катковым, но к началу XX века порядком захирел. Комаров пригласил Василия Величко стать соредактором журнала. Новая редакция замышляла превратить «Русский вестник» в главный рупор национального движения. В первом же номере, вышедшем при новом руководстве журнала, было опубликовано «Письмо к нашим читателям», судя по стилю, принадлежавшее перу В. Л. Величко. В этом обращении редакция заявила о своем намерении сделать журнал «прочным связующим звеном для русских людей, любящих родину и жаждущих плодотворного объединения во имя ее блага». Дабы не возникло никаких сомнений, редакция разъясняла, что основой для объединения должна стать русская триада: «Православие, Самодержавие и Народность», которая «суть такая же жизненная истина для России, как крылья для птицы, как воздух для тех, кто дышит».

В «Русском вестнике» в полной мере раскрылся талант Величко-публициста. В 1902–1903 годах он опубликовал цикл статей под общим – весьма характерным – названием «Русские речи». Эти статьи, составившие впоследствии второй том полного собрания публицистических сочинений В. Л. Величко (СПб., 1905), были посвящены самым злободневным проблемам русской жизни. Их проблематика и даже сами заголовки свидетельствовали о том, что Величко намеревался сформулировать цельную идеологию складывавшегося тогда русского патриотического движения.

Уже в первой статье *«Интересное время»* Величко, вопреки русской публицистической традиции ругать время, в которое живет автор (в духе знаменитой некрасовской фразы «бывали хуже времена, но не было подлей»), с надеждой смотрит на современность. Он предлагает «антинекрасовскую» формулировку – «бывали, конечно, времена более яркие, но давно не было

времени более интересного». Для Величко период начала XX века представляется интересным, прежде всего, потому, что в общественной жизни он замечает ростки русского национального самосознания. Он с удовлетворением отмечает, что необходимость «подчинения русских племенных интересов и национального достоинства аппетитам западных капиталистов и стремлениям враждебно-обособляющихся российских инородцев» все более открыто оспаривается интеллектуальной элитой. «Начинающаяся теперь национализация русской мысли и жизни» – событие, по убеждению автора, столь же масштабное, как и противоположная ему по направлению эпоха преобразований Петра Великого, положившая начало столь необходимому в тот период культурному сближению с Западом. Воплощением зрелости и духовной силы России, полагает Величко, явился Царь Александр III, «венценосный провозвестник и ревнитель русской национальной идеи». Доказательствами начавшегося поворота в общественной жизни поэт считает создание «Общества ревнителей русского исторического просвещения» и «Русского Собрания». Величко оптимистично заявлял, что в данный момент необходимы «общий подъем самоотверженного, вдумчивого патриотизма, дружная работа общества рука об руку с правительством, без доктринерской вражды или холопского фрондирования по отношению к представителям и системе государственного дела». Тогда результатом непременно станет «подъем национального самосознания».

В следующей статье «Русской речи» на тему *«Отвлеченный и живой человек»* Василий Величко обращается к трудам современных ему французских мыслителей – Э. М. Вогюэ, И. Тэна, Г. Лебона, Ж.-А. Гобино и других. Причину своего интереса к французским мыслителям поэт объясняет, во-первых, тем, что, как пока-

зывает исторический опыт, именно французы первыми смело берутся за разрешение возникающих социальных проблем, а, во-вторых, тем, что существует сходство «многих черт племенной и общественной психологии русских и французов». Именно идеологи Французской революции в конце XVIII века, считает Величко, «изобрели отвлеченного человека». И вот теперь, на рубеже XIX–XX веков, именно французские мыслители отмечают иные тенденции в общественной жизни, а именно то, что содержанием общественного процесса становится борьба национализма и космополитизма. При этом национализм как чувство естественное, корни которого лежат «в психофизической природе человеческих групп», безусловно присущ живому человеку. Космополитизм же как «явление преимущественно искусственное» свойственен именно отвлеченному человеку, «несуществующему и не могущему существовать». При этом Величко формулирует совершенно не политкорректный для его времени тезис о преимуществах империи как «педагогического учреждения». Противоречие между имперским государственным устройством и национальным вопросом, «выдвигаемым самой жизнью», разрешается, по Величко, именно применением педагогического принципа. «Все племена — ее [Империи. – А. С.] равно любимые дети [курсив автора. – А. С.]; каждому из них она должна прививать начала добра, справедливости и законности; но педагогические приемы должны быть сообразованы с индивидуальными характерами как отдельных личностей, так и племенных групп», — пишет автор «Русских речей». Опорой племенной самобытности и национальной идеи, по его мысли, является религия, которой противостоит космополитизм — «измышление беспринципного, язычески настроенного торгово-промышленного класса, плод не всегда бескорыстного равнодушия к живым явлениям».

Василий Величко отмечает, что отвлеченный человек – весьма опасное явление не только в метафизическом, но и в конкретно-историческом плане, ибо он является врагом общественной нравственности. В статье *«Враг общественной нравственности»* русский мыслитель показывает, как относится космополит к ближним – к семье, роду, народу и государству.

Величко не удержался, чтобы не включить в свои «Русские речи» саркастическую главку *«Как делают голову»*. Феномен русской интеллигенции он видит именно в том, что «ей заменили натуральную, здравомыслящую русскую голову поддельною, приспособленною к водворению в ней отвлеченного человека». Трагедия России состоит в том, что «молодым людям с очень ранних лет делают голову», а «людей с искусственными головами можно считать украденными у матери-России».

Поскольку особое место в ряду «делателей головы» занимают писатели, следующую статью *«Духовная сущность и свобода писателя»* поэт посвящает задачам литературы, прежде всего – русской литературы. По его мнению, «общество, которое понижает уровень писателя, утрачивает... самое понятие призвания и назначения литературы, перестает ее уважать, т. е., попросту говоря, хамеет» и движется по наклонной плоскости, ведущей «к помойной яме». Отталкиваясь от суждений великих русских писателей («чтобы быть писателем, надо прежде всего страдать» – Ф. М. Достоевский; и «отличительной чертой литератора я считаю готовность страдать за свои убеждения» – Н. С. Лесков), Величко утверждает, что писательство должно быть именно служением. Только тогда оно оправдано, только такое отношение к своему делу является основой духовной свободы писателя.

Принципиально важной для идеологии русского патриотического движения во все времена была проблема соотношения между государственной централи-

зацией и местным самоуправлением. Не случайно автор «Русских речей» посвятил ей обстоятельную статью «*Самоуправление и самодеятельность*». Величко констатирует, что, во-первых, «без постоянного мирного взаимодействия между правительством и обществом, между регулирующими предначертаниями власти и свободным творчеством обывателя, ей подчиняющегося», обойтись невозможно; что, во-вторых, для России очевидна «необходимость сильной центральной власти, без помощи которой самому единству нашей империи грозила бы опасность». Между тем он отмечает, что главный орган самоуправления – земство, идея которого является «вполне законной, благой и плодотворной с национальной точки зрения», – большинством земских деятелей понимается «не в национально-русском, а в западническом смысле, в основном противоречии с идеей самодержавия». «Значительная часть людей, воспитанных беспочвенною школою и космополитическою печатью, смотрит на земство как на *переходную ступень* [курсив автора. – А. С.] к западному парламентаризму, водворение которого в России было бы равносильно распадению нашей империи, а потому столь желательно нашим инородцам, с евреями во главе, и зарубежным врагам», – уверен Величко.

Однако в царствование Императора Александра III была начата «тяжкая, неблагодарная, не показная и потому в основе *самоотверженная* [курсив автора. – А. С.] работа оздоровления нашего национального организма». Эту работу, считает публицист, надо продолжить. Он предостерегает от отрицания полезности земства или совместимости его с русским государственным строем. По мнению Величко, «вопрос именно *в мере вещей*, в точном *разграничении* [курсив автора. – А. С.] прав и обязанностей и в трезвом отношении к действительности». Он обрушивается с критикой на

тех, кто утверждает, что «Самодержавие зиждется на одном бюрократизме», называя такой взгляд нерусским и лукавым, противоречащим «и нашей истории, и нравственным основам нашего строя».

«Не отрицать принцип самоуправления следует в наши дни, когда народу необходимо развивать и сосредоточивать свои творческие силы! Нет, надо чаще и возможно убедительнее напоминать, что *в идее русского самоуправления заключается не политическая тенденция, а призыв к честной и толковой самодеятельности* [курсив автора. – А. С.]. Надо, с глубокою верою в будущность русского народа, призывать к общественному труду и развитию, не колеблющему его исконных государственных устоев, а дающему народной жизни яркость, мощь и полноту», – считает Величко. Стоит отметить, что мысли автора развиваются в русле славянофильской концепции государственного устройства.

Логично, что Величко не мог пройти мимо самого острого социального вопроса того времени, посвятив ему статью *«Вопрос о рабочих»*. При этом он нарочито формулирует тему именно так, а не привычно – «рабочий вопрос», как он рассматривается «с культурно-еврейской точки зрения». Таким образом, русский мыслитель предлагает рассматривать тему именно в бытоулучшительной парадигме и говорить только о проблемах рабочих, а не привносить в нее политику. Отвергая политизацию проблемы, Величко одновременно выступает сторонником активной позиции государства в этой сфере, считая, что государство должно защищать законные требования рабочих, ограждать их от чрезмерной эксплуатации капиталистами. Верный своей националистической методологии, Величко и в данном случае обращает внимание на национальное измерение проблемы, отмечая: «Нехорошо, когда русская фабрика фактически находится не в русских руках». Величко приветствует проявле-

ние здорового самосознания у рабочих, которые создают собственные организации, «свободные от воздействия агитаторов и стремящиеся улучшить свой быт мирным, законным путем». По мнению поэта-мыслителя, нужна кропотливая работа среди рабочих и прочих сословий, для чего нужны соответствующие кадры: «Велик спрос на русских деятелей, мыслящих честно и верно, дорожащих основами родного строя, любящих народ... Ждут добрых сеятелей и деревня, и фабрика, и канцелярия, и редакция, и синклит».

Рассматривая социальные проблемы глазами русского националиста (потому его статьи и названы «Русскими речами»), Василий Львович Величко, разумеется, не мог обойти стороной собственно национальную проблематику. Помимо того, что он посвятил целую книгу своих статей национальному вопросу на Кавказе, составившую первый том собрания его публицистики, он четырежды в своих «Русских речах» обращается к этой проблеме. Сначала в статье *«Иностранцы и украинцы»* Величко рассматривает украинскую проблему в целом. Сказав немало горьких слов по поводу украинского сепаратизма, он отмечает и серьезную культурную пользу, которую получают «русские и иностранцы от общения между собою». Из статей, посвященных национальному вопросу, становится очевидно, что Василий Величко являл собой тип не этнического националиста, но *идеолога русского имперского национализма*. И, пожалуй, именно этим он наиболее актуальным представляется сегодня. К примеру, Величко подчеркивает, что как бы ни был тяжел для русского человека украинский опыт, но именно он «дает более глубокое понимание истинных русских национальных нужд», именно на окраинах яснее видны те *«священные источники»* [курсив автора. – А. С.], в которых русские люди должны черпать творческую силу и патриотическое вдохновение».

Вовсе не за русификацию инородцев ратует мыслитель. Нет. В единстве русского народа и инородцев он видит «залог будущего культурного расцвета нашей много-страдальной родины».

Между тем, одну группу инородцев Василий Львович выделяет особо, посвящая ей целых три статьи. Впрочем, здесь он не оригинален в кругу идеологов русского патриотического движения начала XX века, ибо речь идет о евреях. Еврейскому вопросу Величко посвятил статьи: «*Роковой вопрос*», «*Сионизм*» и «*Исход*». В своих размышлениях он исходит из очевидного для него тезиса: «Наиболее инородным из всех инородцев у нас является еврейское племя. Вопрос о евреях в России чрезвычайно сложен и трудно разрешим, так как евреи — элемент разлагающий, противосоциальный, с точки зрения какой бы то ни было арийской государственности, особенно же русской, которая зиждется на стихийно ненавистных всякому типичному еврею православию и самодержавию Божией милостью».

Вопрос о евреях Величко считает большим вопросом для всех европейских народов, мучительным для всего человечества «и, может быть, в принципе неразрешимым». Поэтому он называет его «роковым вопросом». Характеризуя особенности еврейского мирозерцания, Величко обращает особое внимание на 1) ненависть евреев к христианству; 2) «отрицание национальной идеи в пользу «отвлеченного человека», прикрывающего собою еврейские расовые вожеления»; 3) веру в прогресс, которая основывается на вере в предстоящее пришествие мессии, который здесь, на земле, и в земных формах должен возвеличить Израиль. Показательно, что, хотя Величко и пишет об угрозе со стороны еврейства, он резко выступает против бытового антисемитизма, когда силы тратятся на мелочи, а не на борьбу с идеями. По мнению поэта, еврейский вопрос — это «такой Гордиев узел, кото-

рого сразу никак нельзя разрубить, а который надо *медленно и умело развязывать*» [курсив автора. — А. С.].

Отдельно Величко рассматривает такое малоизвестное в то время русской публике явление, как сионизм. При этом он привлекает статьи еврейских авторов, жестко критикующих вожаков сионизма. Русский мыслитель призывает внимательно присматриваться к сионизму, проявлять трезвомыслие и осторожность, не впадая в сентиментальность. Кстати, он особо подчеркивает связь сионизма с масонством.

Сионисты делают вид, пишет Величко, что они озабочены вторичным «исходом» еврейского народа в землю Ханаанскую. Однако разговоры об «исходе» он считает своего рода дымовой завесой для еврейских притязаний на господство над европейскими народами и, прежде всего, над русским народом. Иронизируя над лозунгами лидеров сионизма, Величко замечает, что «евреям в черте оседлости тесно именно с точки зрения паразитической», они хотели бы эксплуатировать население других местностей, менее приспособленное к самозащите.

Автор «Русских речей» формулирует, казалось бы, парадоксальную мысль, что решение еврейского вопроса может быть достигнуто через «борьбу за русские национальные идеалы», через «духовное оздоровление наших образованных классов». Ограничения для евреев могут быть отменены только «без вреда для духовных и материальных интересов русского народа», только как «реальный и радостный результат нашего национального роста». «Это будет единственный достойный исход», — подчеркивает Василий Величко.

Статья «Исход» — это последняя «Русская речь» Василия Львовича Величко. Хотя ни по содержанию, ни по стилистике она не является итоговой. Видимо, автор предполагал продолжить свои «Русские речи», поскольку

ку он не рассмотрел еще целый ряд проблем, важных для формулирования идеологии русского патриотического движения. Однако этого не случилось...

* * *

Казалось бы, Василий Величко с головой ушел в политическую публицистику и редакторские хлопоты. Однако поэт оставался поэтом. Ничего удивительного, что его больше манили образы, а не логические конструкции. Поэтому Величко не только продолжал писать стихи, но и создал в этот период свое наиболее масштабное художественное произведение — историческую драму в пяти действиях «Меншиков», которая увидела свет в 1903 году. Василий Львович создал величественное художественное полотно, в центре которого фигура знаменитого полководца и государственного деятеля Александра Даниловича Меншикова. При этом любимец Петра Великого и, по выражению Пушкина, «счастья баловень безродный» предстает у Величко не только крупным политиком и сановником, но и носителем русского национального мирозерцания. Сюжет драмы посвящен последним годам жизни Меншикова, когда он из «полудержавного властелина» превратился в гонимого новым правителем — Императором Петром II — рядового человека. У Величко Меншиков, который имеет возможность при поддержке гвардии низложить юного Императора, сделавшего ставку на его врагов, смиряется и склоняет выю перед Помазанником Божьим. В изгнании, когда от него отрекаются его бывшие друзья, когда в суровой сибирской ссылке умирают жена и любимая дочь, Меншиков, подобно Иову Многострадальному, смиряется и познает истины бытия.

В уста Меншикова поэт вкладывает дорогие для него самого мысли и чувства, к примеру, что подлин-

ное служение Отечеству может иметь только духовно-нравственную основу. Александр Данилович так исповедует цель служения:

*Лишь тот слуга престола и отчизны,
Кто, им служа, стремится к Божьей правде!..*

Еще более важная мысль (я бы сказал даже — прозрение Величко) излагается в беседе Меншикова со шведским посланником. Князь, пытаясь объяснить чужеземцу загадку России, обращается к сказочным образам («по щучьему велению») и предлагает искать истоки мощи России «в незримых тайниках», «в незыблемой твердыне народных сил». Действительно, обманчивая слабость России соблазняла многих западных завоевателей, сложивших себе шею о возникшую «из ничего» русскую твердыню. Величко устами Меншикова так формулирует тайну России:

*России вы не знаете, барон!
Поймут ее не скоро чужеземцы!..
Она сильна не деньгами, не войском:
Сокрыта мощь в незримых тайниках!
Настанет миг – по щучьему веленью
Все явится: дружины и казна!
Из ничего возникнет все, что нужно!
Не бранныя сокровища нам дал,
Не создал их Петра могучий гений,
А лишь открыл таившийся под спудом
Народных сил неистоцимый клад!
Народных сил незыблема твердыня!*

Драма «Меншиков» явилась последним крупным художественным произведением Величко, поэтому ее можно рассматривать как своего рода наказ поэта и обще-

ственного деятеля русскому народу, русскому обществу. Не случайно, последние слова Меншикова звучат как гимн Великой России. Гонимый генералиссимус, стоя на краю могилы, провидит великое будущее Родины, служению которой были отданы все его силы. Возможно, Величко предчувствовал уже и свою кончину, ибо эти слова звучат как завещание русского поэта, уповавшего на возрождение Отчизны:

*Привет тебе, немеркнущее пламя
Народных дум, страданьями рожденных!
Привет любви, дарованной Христом!
Простору нив, раздолью силы русской,
Заре надежд, созвездиям преданий!..
Привет тебе... Великая Россия!*

К сожалению, насколько нам известно, драму «Меншиков» зритель так и не увидел. И сегодня, увы, ее нет в репертуарах театров...

* * *

В 1903 году Величко готовил к печати новую книгу стихов. Было у него много и других замыслов. Однако осенью он неожиданно заболел и в октябре 1903 года вынужден был сложить с себя обязанности второго редактора «Русского вестника». В ноябрьском номере журнала было опубликовано его короткое письмо к коллегам и читателям: «Слагая с себя, в силу личных обстоятельств, обязанности второго главного редактора «Русского вестника», считаю нравственным долгом от души поблагодарить моих уважаемых собратьев, сотрудников журнала, за их помощь делом и сочувствием, облегчавшую мне выполнение моего скромного труда. С читателями, знавшими меня, главным образом как автора нескольких

статей, я не прощаюсь, так как надеюсь, по мере сил, послужить еще пером журналу, имя которого связано с заветами родной мне литературы. Октябрь 1903 года. Полтавская губерния).

Этим его надеждам не суждено было сбыться. Василий Львович Величко скончался 31 декабря 1903 года. Он умер в самом расцвете сил – в возрасте 43-х с половиной лет. Болезнь протекала хоть и скоротечно, но тяжело. Врачи оказались бессильны. По свидетельству очевидца, облегчение больному дали только саровская вода и посещение отца Иоанна Кронштадтского.

Всего себя без остатка В. Л. Величко отдавал делу борьбы за национальные интересы России. Даже на смертном одре мысли его были о судьбе Отечества, о Царе и русском народе. Очевидец его кончины приводит предсмертные слова поэта, обращенные к друзьям: «Думайте о благе России, Царя и народа!.. Душа Царя – душа народа! Он Божий ставленник, живая связь народа с Богом!.. Народ не виноват в пороках русской интеллигенции. На крыльях его духа Россия вознесется над миром!.. Уходите в деревню! Там будут выработаны формулы, которые победоносно выведут Россию на истинный путь!..».

Господь даровал Василию Величко конец благий. Вот свидетельство очевидца его кончины: «Не было ни сутолоки, ни криков. Было тихо и торжественно... Так умирают лучшие русские люди. Чистая и могучая душа поэта и борца русской самобытности уходила из пораженного болезнью тела величаво и спокойно».

По заключению врачей, смерть поэта наступила от воспаления легких. Тысячи людей переносят эту болезнь и выздоравливают. А Величко умер. Его неожиданная кончина породила слухи о насильственном ее характере, об отравлении поэта. Однако никаких достоверных сведений в подкрепление этой версии нет.

Между тем, известный духовный писатель Сергей Нилус обратил внимание на мистический смысл смерти Величко, назвав ее «таинственной и загадочной». В своей знаменитой книге «Близ есть, при дверях» Нилус рассказал один примечательный факт, связанный с этой неожиданной смертью. Величко был близким другом философа Владимира Соловьева. После смерти В. Соловьева, которая наступила в 1901 году, Василий Львович написал о нем книгу-воспоминание. Как известно, в последние годы жизни Соловьев был полон апокалипсических предчувствий и настроений. Его последнее предсмертное сочинение «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» включало вполне самостоятельную «Повесть об антихристе», которой философ придавал важное значение. В связи с этим произведением Величко вспоминал: «Любопытно, что он [Соловьев. – А. С.] однажды, прочитав приятелю в рукописи эту повесть, спросил его внезапно:

– А как вы думаете, что мне за это будет?

– От кого?

– Да от заинтересованного лица. От самого!

– Ну, это еще не так скоро.

– Скорее, чем вы думаете.

Приятель Соловьева, рассказавший мне [Величко. – А. С.] это, и сам тоже немножко мистик, подобно всем верующим людям, добавил потом не без волнения:

– А заметьте, однако: через несколько месяцев после этого вопроса нашего Владимира Сергеевича не стало: точно кто вышиб этого крестоносца из седла».

Сергей Нилус добавляет, что через два года не стало и самого Василия Львовича Величко, рассказавшего эту историю. В связи с этим Нилус замечает: «Достоинно внимания, что и Соловьев, и Величко умерли в молодых еще годах и полном расцвете физических и духовных сил».

В статье «Духовная сущность и свобода писателя» Величко обратился с пламенным призывом ко всем русским литераторам посвятить свой талант служению не идолам бренного мира сего, но вечным идеалам и святыням. Он писал: «Пусть каждый, вступающий в священный храм литературы, скажет себе: «Не хочу быть ярким электрическим фонарем на дверях растленного кафешантана. Я предпочитаю быть *еле видной восковой свечечкой пред алтарем моей святыни!!!*» [курсив автора. – А. С.].

Так он и прожил свою жизнь, горя пред алтарем русских Святынь скромной восковой свечой.

А. Д. Степанов

РУССКИЕ РЕЧИ

ДУХОВНАЯ СУЩНОСТЬ И СВОБОДА ПИСАТЕЛЯ

Мне уже приходилось говорить о том, как русскому обществу «делают голову». В числе «делателей головы» особо видное место занимают писатели. Взаимодействие общества, школы и литературы так непрерывно и сильно, что мудрено сказать, какая из этих, то союзных, то борющихся сил проявляется могущественнее и резче; трудно бывает порою, в этом круговороте и «обмене веществ», отличить даже причину от следствия. Так, например, казалось бы, что в каждую данную минуту общество состоит из людей, подготовленных школою и затем ведомых по пути развития литературой. Но, с другой стороны, литература, как показывает жизненная практика, сильно влияет на школу, в лице ее руководителей и питомцев. В настоящее время нередко встречаются даже педагоги, восторгающиеся Максимом Горьким и обучающие своих питомцев на государственный счет пугачевской морали босячества. С третьей стороны, общество, дающее школе контингент учащихся и учащихся, а литературе ее жрецов, — стихийно влияет на тех и других. Когда нравы общества грубы и бытовой, практический материализм преобладает над возвышенными стремлениями, — понижается культурный уровень школы, становящейся ареною явлений, унижительных для ее достоинства, да и для достоинства всего класса, претендующего на обра-

зованность; когда служащее низким стремлениям общество победоносно влияет на писателя, то этот последний может дойти до уровня пьяного илота¹.

Картина такого падения достойна гамлетовской скорби, ибо писатель есть учитель по преимуществу, прямой потомок первоучителей человечества, — и роль илота столь же мало ему подобает, как и священнику.

Весьма замечательно, что такое общество, которое понижает уровень писателя, утрачивает, в наказание себе, самое понятие призвания и назначения литературы, перестает ее уважать, т. е., попросту говоря, *хамеет*; следуя за вождями модными, а не уважаемыми по заслугам, оно становится всею своею грузной массой на наклонную плоскость, ведущую к помойной яме.

Нечто подобное, увы, замечается у нас теперь, да и не у нас одних, а в образованном обществе почти всех стран, воспринявших так называемую европейскую цивилизацию. Только у нас это явление резче, во-первых, потому, что мы моложе и восприимчивее ко всякой инфекции, а во-вторых, потому, что зарубежные враги и домашние смутьяны упорно и умело прививают нам яд, разлагающий не только жизненные формы, но и самые идеалы, без которых и общество, и школа, и литература утрачивают творческую силу. Вопрос об этом печальном явлении у нас необходимо, поэтому, рассматривать в связи с общественной и духовной эволюцией других народов. Необходимо свести несущественные разновидности к одному знаменателю, выяснить сущность писательского призвания и характер отношений писателя к обществу.

За последние несколько лет очень часто обсуждаются вопросы о сущности литературы, особых приметах писателя и т. д. Во Франции и Англии этим вопросам посвящена целая литература; и русское общество не из одной только подражательности интересуется

ими, — но повинуется в данном случае чувству, которое можно назвать инстинктом самосохранения. Кроме ряда помещавшихся в «Книжках Недели²» весьма интересных статей М. О. Меньшикова³, вышедших затем отдельной книгой, известной статьи графа Л. Н. Толстого об искусстве и множества других исследований и очерков, посвященных тем же предметам; во многих заседаниях здешнего нефилологического общества поднимались эти вопросы, с целью не только научною, но и поневоле практической: в наше время духовного кризиса они носят болезненный характер. Пока сердце не болит, мы забываем о нем; а начнутся перебои — и вспомним невольно!..

Дело неладно: понятия спутались, руководящие начала и священные традиции потонули в «пенистом океане печатного слова», как выражается Томас Карлейль⁴. И публика, и даже сами писатели обходятся без этих руководящих начал и традиций, которые, по некультурному мнению многих, представляют собою устаревший хлам. Даже среди талантливых писателей встречаются люди, смотрящие на дело с ремесленной, промышленной точки зрения. Интересный пример такого непонимания я приведу ниже, а пока замечу, что обилие рассуждений о сущности писательского призвания, будучи вызвано печальным состоянием современной литературы, вместе с тем несомненно признак хороший: язва найдена, лекарство против нее изыскивается и, с Божьей помощью, найдется. Целебные элементы есть в душе у каждого писателя, который достоин этого высокого имени.

Несколько лет тому назад вышли в «Книжках Недели» интересные воспоминания г. Фаресова⁵ о покойном Н. С. Лескове; автор близко знал его и совершенно точно приводит его слова, которые мне не раз приходилось слышать от Лескова во время моей долгой дружбы с этим глубоко характерным художником слова.

«Писатель — это мученик, — говаривал Лесков, — кто смотрит иначе, тому лучше не вступать в литературу; отличительной чертой литератора я считаю *готовность страдать за свои убеждения*... Он не напишет ни одной строчки ни за какие деньги, если усомнится в ее достоинстве. Только бездарности бывают всегда довольны своими произведениями. Но не стоит останавливаться на литературном пружении тех писателей, которые говорят, что у публики желудки луженые и все переварят. Настоящий литератор никогда не будет таким циником. Служа пером бессмертным истинам, он ощущает писательскую гордость, — *и хотя бы вокруг него все, симпатизирующее ему, вымерло, не умрет ничего в нем самом*. С этим ему легко нести свой крест»...

Будучи под неизгладимым впечатлением своего тернистого писательского пути, Лесков впадал даже в некоторую крайность и находил, что писатель «должен *всегда* идти против господствующих взглядов», имея лучший и более критический взгляд на положение вещей.

Это не всегда верно само по себе и не ко всякому писателю применимо. Например, *опережать* какое-либо течение — не значит идти против него.

Гордясь тем, что он никогда не принадлежал к числу писателей «фаворитных» и «добродетельных» в партийном смысле, покойный Лесков говаривал: «Мне всегда подозрителен писатель, никогда не выносивший на своей груди гнева толпы и зазнавшийся от ее восторгов».

Некоторым диссонансом наряду с этими возвышенными словами звучит помещенное на другой странице указанных воспоминаний следующее рассуждение Лескова, которое может быть объяснено только случайною неловкостью выражения:

«Мы не получаем, — говорит он, — ни чинов, ни жалованья, ни пеней. Все наши радости сосредоточены во вдохновенных наших занятиях. *Ничего почти в награду*»...

Это сопоставление вдохновенных радостей с отсутствием награды отдает неудовлетворенным материализмом.

По поводу всех этих речений один известный романист написал тогда же в большой газете фельетон в более «современном» духе и пришел к выводам, которых никак нельзя было бы ожидать от человека, обладающего талантом и поэтому, казалось бы, призванного служить истине, добру и красоте.

По его мнению, во-первых, готовность страдать за свои убеждения не является характерною принадлежностью писателя, а необходима во всякой деятельности. Труд писателя, как и всякого другого представителя свободной профессии, как, например, *ремесленника*, оплачивается различно, смотря по степени его талантливости. В чинах нет никакой надобности. Надо устроить только всякие учреждения взаимопомощи, быть талантливым и усердным, — и «можно жить безбедно».

Причем же тогда страдания? И какие, мол, тут страдания, если все обстоит столь благополучно?! Можно бы возразить, однако, что сапожнику меньше приходится страдать за убеждения, чем писателю. Между этими «профессиями», смею думать, есть некоторая идейная и бытовая разница, по крайней мере, в глазах людей, уважающих литературу.

Чтобы «радикально» опровергнуть взгляд Лескова, фельетонист приводит характерный случай из жизни Достоевского.

Отец одного молодого поэта принес гениальному писателю стихи своего сына и пожелал услышать мнение о них. Достоевский прочел и нахмурился: — Зачем все это пишется? *Для того, чтобы быть писателем, надо прежде всего страдать!..*

Обиженный отец, привыкши смотреть на всякую деятельность, и в том числе на литературную, как на ка-

рьеру, взял тетрадку обратно и ушел, а Достоевский закричал ему вдогонку: «Лучше не быть тому писателем, кто сам не страдал и не хочет страданий!»...

Эта фраза кажется автору фельетона верхом нелепости: ну какой здравомыслящий человек хочет страданий?! Всякому хочется побольше радостей, — а писатель такой же человек, как и все! Ему нужен-де только талант и талант: «писатель с талантом — светильник во тьме; писатель без таланта — жалкий писатель»!

Так называемой большой публике этот некультурный фельетонный взгляд, вероятно, понравился: в нем нашли много успокоительного здравого смысла и писательской скромности. Припомнили, кстати, что Достоевский «был человек ненормальный»! Ну как представить себе господина, который собирается стать писателем и потому «хочет страданий»? В буржуазной голове такое понятие не укладывается. С ее точки зрения ясно, что и сам великий Пушкин был не в своем уме, когда сказал: «я жить хочу, чтоб мыслить и страдать!»

Да-с, господа, талант прежде всего, — а в остальном писатель такой же человек, как и все.

И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он!

Особых примет у него нет, кроме разве потертого костюма и нервно-бесцеремонного выражения; даже длинные волосы встречаются все реже...

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется...⁶

Позвольте-с! Во-первых, что такое «божественный глагол»? Набор слов в державинском духе, высокопарная чепуха!

Так думает большая часть людей поверхностных, особенно с легкой руки г.г. фельетонистов, толкующих с кондачка об этом важном предмете и предпочитающих подделываться под ходячие взгляды, нежели повышать их.

Казалось бы, что не стоит и возражать против таких суждений. Но вопрос об особых приметах писателя и борьба его за духовную свободу представляет в настоящее время одно из самых больных мест нашей культуры; то или иное решение его влечет за собою различные глубокие последствия, как принципиальные, так и практические, ибо литература, питаясь жизненными фактами, вместе с тем гипнотически влияет на общество и создает жизненные явления, наряду с их описанием и критикою.

Поэтому надо выяснить, что такое писатель, каковы его признаки и исторические судьбы в связи с развитием общества; неизбежны ли страдания в борьбе за духовную свободу и возможно ли оградить эту свободу в наш век своеобразного экономического рабства и умственного опошления.

1

Что такое писатель? Начну с такого определения, которое как будто носит анекдотический характер, но, в сущности, содержит указание на самый генезис вопроса.

К одному беллетристу приходил перебелять рукописи старый сенатский писарь, типичнейшая канцелярская машина дореформенных времен: во фризовой шинели, бритый, с тонкими губами, безжизненными глазами маньяка и жидкою сединою, зачесанною вперед на виски.

Старик не писал, а рисовал буквы, мог работать до бесконечности и отличался убийственной молчаливостью. Однажды он, во время перерыва работы, огляды-

вая мутным взором стены кабинета, вдруг обратил внимание на один портрет:

— Кто это?—спросил он равнодушным тоном, шамкая губами и растягивая слова.

— Пушкин...

— Не слыхал... он что же... служит где-нибудь?

— Служит... в царствии небесном.

— Аа... значит, в государственной канцелярии? — спросил старик не без юмора, предположив, очевидно, что беллетрист упомянул о самом что ни на есть хорошем месте службы.

— Нет, он умер... Ведь это Пушкин, писатель Пушкин...

— Аа... пи-са-тель? Это хо-ро-шо...

Пауза. Старик стал внимательно вглядываться в лицо великого поэта: губы и подбородок выбриты, взор спокоен, руки сложены на груди.

Все, кажется, в порядке. Вдруг писарь сделал брезгливую гримасу:

— А почему же волосы... того?

— Что?

— Прическа не в аккурате... Верно зашибал?.. Вздохнув, он продолжил, приосаниваясь:

— Вот, у нас, в сенате, был писатель... Скоропостижный...

— Что? Умер?

— Нет, спился. Фамилия Скоропостижный... Из духовных был. Любил, хе-хе, за галстук. А уж вот был писатель! Тремя почерками писать мог: и прямо, и с отвалцем назад, а уж если для богатых купцов прошение, по полтиннику за лист по широкому номеру, — так он вам такого эльзевирцу⁷ подпустит, что прямо слеза прошибает.

И я замечал-с, что начальство, при всей своей строгости, признавало такие прошения подлежащи-

ми удовлетворению-с! Талант... Вот уж именно это от Бога-с!..

И бросив брезгливый взгляд на курчавую голову Пушкина, канцелярский философ углубился в работу...

От Бога-с! Не только сущность, но и самая техника писания — высший дар Божий человеку. Животные, так или иначе, переговариваются между собою; но только человеку дано посредством письменности побеждать время и пространство.

Называя создание письменности *героическим трудом*, Томас Карлейль говорит: «Книга запечатлевает в себе душу всех прошедших веков. Все, что человечество делало, о чем мыслило и чем оно было, — все это покоится, как будто бы объятые магическим сном, — там, на страницах книг. Книга — величайшее сокровище человека! Литература, постольку, поскольку она литература, есть апокалипсис природы, раскрытие открыто лежащей тайны, или, как выражается Фихте⁸ в своих эрлангенских лекциях, — непрерывное откровение божественного в земном и человеческом»...

Итак, литература есть не только отражение жизни, но и *откровение*.

Она — *сама по себе жизнь*, более тонкая и духовная, чем то, что принято называть жизнью в обычном смысле слова. Она не только создает свои, отвлеченно литературные явления: нет, ее власть простирается и на факты реальной жизни! Она создает монархии, парламенты, революции, поддерживает или разрушает семью, общину, церковь и т. д. Отвлеченные литературные произведения порождают живых, реальных людей, с тем или иным духовным и даже физическим обликом.

Такого взгляда держались сотни мыслителей и критиков, начиная с авторов священного писания и кончая злополучным «декадентом в своей жизни», Оскаром Уайльдом⁹, который в своих «Intentions» весьма интерес-

но говорит о силе внушения литературы. И впрямь: разве Гамлет навязался в цельном виде Шекспиру и сделал его творцом одного из величайших в мире художественных произведений? Нет! Шекспир, собрав из жизни материал по крупицам, создал Гамлета как тип, — и потом от этого типа народилось и продолжает нарождаться множество Гамлетов, больших и малых.

А наш Марлинский¹⁰?! Далеко ему до Шекспира, как до звезды небесной, — а сколько он расплодил так называемых «московских черкесов», незаконных духовных детей Амалат-бека! Если всмотреться в авторскую личность Лермонтова и попытаться воспроизвести ее писательскую родословную, — то не найдет ли беспристрастный критик, что в жилах даровитого «неведомого избранника», отрекавшегося от байронического плаща, текла художественная кровь Марлинского?!

А какое огромное потомство у самого Лермонтова! Как песок морской! Я уже не говорю о так называемых «нюющих поэтах», произведения которых — вода из лермонтовской ванны! Нет, обратите внимание на то, сколько мирных обывателей, начиная с кандидатов на судебные должности, продолжая юными рабами латинской грамматики и кончая наиболее развязными из штабных писарей, Лермонтов силою внушения превратил в карикатуры Демона и Печорина! Сколько титулярных советниц, томных институток и шустрых белошвеек пустилось играть небезопасные роли Тамары и княжны Мери!..

Внушение — слишком жалкое, плоское, приватдоцентское определение великой тайны человеческого духа, или точнее одной из тайн мироздания! Недаром в священном писании сказано: *В начале было Слово.*

Что же такое писатель? Кто этот маг и волшебник, владеющий словом и, даже после своей смерти, заставляющий людей проникаться этим словом, родиться от него? В древние времена, когда все знание (иногда весь-

ма обширное и глубокое, как в Индии и Египте) сосредоточивалось в руках могущественного меньшинства, тщательно охранявшего тайну этой силы, — жизнь подчиненного большинства отличалась животным характером, была полна животных радостей и страхов. Тогда появлялся человек, происходивший, очевидно, из меньшинства, одаренного знанием, или просто «избранник небес» — и *без всякой надобности для своего материального, животного благополучия*, говорил народу великие слова. Смертным он говорил о бессмертии, преходящим — о вечности, невольникам лжи — о высшей правде. Он говорил от имени бога, кто бы ни был этот бог: умерший ли предок, Ормузд¹¹, Зевс¹² или Иегова¹³. Он был непременно *искренен*: уверовав в высшую силу, или, хотя бы, в отвлеченную идею (как, например, Сакья-Муни¹⁴) он *заговорил, потому что не мог не заговорить*.

Будучи исключением из массы, этот непрошенный проповедник являлся *ненормальным* человеком с точки зрения современных ему материалистических понятий. Если же считать животную жизнь и невежество ненормальными для человека, а общение с божеством и стремление к проникновению в тайны мировых законов естественным человеческим призванием, — то упомянутый проповедник был праотцем истинно культурного человека. Он являлся, вместе с тем, *прототипом, праотцем писателя*.

Человеческое стадо признавало его, в широком смысле слова, ненормальным, т. е. или божественным, или преступным, или... безумным, т. е. «одержимым». В первом случае от него требовались *чудеса*, и он основывал просветительные культы.

Во втором, особенно когда он был неприятен властному меньшинству, — его прогоняли или побивали камнями. Надо полагать, что это случалось нередко.

В указанной выше, весьма своеобразной и в некоторых чертах верной статье об искусстве, граф Толстой говорит, что в каждое данное историческое время существует высшее понимание смысла жизни, выражающееся *в религиозном сознании*, ясно высказанном передовыми людьми и чувствуемом всеми. Эти слова, приложимые, однако, далеко *не ко всякому времени*, в полной мере должны быть отнесены к началу истории, когда вся умственная и нравственная жизнь людей проникалась и определялась религией. И вряд ли может подлежать сомнению, что письменность, изобретенная человеком, которого непосредственное потомство обожествляло, которого Карлейль называет героем, а мы просто назовем первым писателем, — первые строки свои посвятила Богу.

Так было вначале, так оно в тайниках своей сущности осталось и до сих пор. Недаром Жуковский¹⁵ говорит о высшем роде литературы: «поэзия есть Бог в святых мечтах земли!» Лучшего определения до сих пор не придумано.

Первая рукописная книга была плодом бескорыстного акта, являлась или последствием проповеди, или заменой ее. Из почтения к бессмертной идее автор даже нередко скрывал свое смертное имя.

Когда расширился круг людей, способных не только читать, но и критиковать, картина меняется и начинается *искушение* для первобытного писателя. Раздаются хвалы и порицания, появляется спрос на книгу, возникает *зародыш книжного рынка*. Тщеславие и корысть посягают на душу писателя. Требования критики и рынка, в связи с упадком тех или иных верований и наступлением скептицизма, порождают светскую литературу, светскую не только по форме и сюжетам, но и по внутренним тенденциям.

Постепенно происходит ряд явлений, который может быть назван *демократизацией духа*. Высокая ис-

тина, став достоянием толпы, не подготовленной к ее восприятию, извращается, утрачивает свой истинный смысл и чистоту; объективное знание, будучи благотворною зиждительною силой во власти благого разума, становится силою безразличною или вредною во власти разума беспринципного или низких инстинктов.

В этом *трагизм истории писателя*. Им создана аудитория, которая качественно ниже его и слабее его вначале, а потом подавляет его своей массой, диктует ему свои законы, превращает слабого писателя в раба или гаера, посредственного — мучает и заставляет бороться за авторскую личность и покоряется только сильному. Материализм не философский, а инстинктивный, бытовой, животный, — становится, как чудовище, перед писателем и преграждает ему путь.

Писатель сам вызвал его из мрака бессловесности, он сам положил начало демократизации духа, выполняя свою трагическую миссию, сообщая многим то, что было вполне доступно ему одному, да и то в мысли и чувстве больше, чем в словах.

2

Соблазны растут, — и некоторые писатели начинают колебаться, *писать для тщеславия или корысти*, *ostentationis aut quaestus causa*. Сильнейшие, как Гомер¹⁶, Эсхил¹⁷, Вергилий¹⁸ и другие вечные творцы, остаются верными себе, и даже в светских произведениях не порывают связи с божественным источником литературы. Положим, искушения, которым подвергаются первые писатели, вначале не особенно велики: книга, в силу своей редкости, дороговизны и глубины содержания, а также вследствие тогдашней медленности социальных перемен, доступна лишь умственной аристократии того времени. Но демократизация духа уже началась.

Она, строго говоря, началась с того момента, когда прототип писателя, проповедник, провозгласил равенство людей перед высшею силой, или идеей. От принятия этого тезиса до признания полного равенства людей между собою оставался один шаг — и он сравнительно скоро был сделан в смутном дотоле сознании нескольких людей. Солнце этой благородной фикции взошло, и оно должно было совершить свой путь.

В сущности, весь исторический процесс, направление которого должно считать уже определившимся, может быть назван гигантскою попыткою людской семьи разрешить богочеловеческую задачу: определить отношение людей к создавшей их Силе, к природе и между собою. Тайны науки похищаются у завладевших ею монополистов, письменность разветвляется на неисчислимые, частью прикладные отрасли; но главный тройственный ствол ее — философия, религия и искусство (служение истине, добру и красоте) стремится к небу, несмотря на все препятствия.

В области социальной демократизация духа, как это ни странно на первый взгляд, создает монархию. Монарх есть, в сущности, первый венчанный демократ, первый вооруженный носитель идеи равенства людей перед Божеством и земною властью, а стало быть, и между собою. Эта идея явно противоречит земной действительности, но по задаче божественна, — и вот в чем, быть может, коренится происхождение слов «Божией милостью», вытекающих из самой сущности вещей. Демократизация духа, с целью *очеловечения человека*, сообщение высших знаний и прав возможно большому числу людей, остававшихся дотоле в пренебрежении, есть богочеловеческая задача литературы, — и, быть может, поэтому великих жрецов искусства называют «поэтами Божьей милостью», как монархов мысли.

Но, как выше сказано, *сообщить знание и высокие понятия легче, нежели воспринять их*, особенно если воспринимающий заражен наследственными пороками и душевными недугами, внушенными природой, выработанными многовековым рабским или животным состоянием. Тот, кого природа и история предназначили для рабства, *остается и по освобождении только разнужданным*, т. е. более лукавым или буйным рабом.

Истинная перемена к лучшему достигается лишь *переменою нравов*, а последняя отнюдь не обеспечивается прогрессивными реформами, которые нередко на деле понижают культурный уровень массы, вместо того, чтобы повышать его. Сущность жизни, оставаясь неизменною, побеждает и извращает какие угодно новые ее формы. Припомню случай, который я уже пересказал стихами в своем сборнике «Восточные мотивы». Какой-то миссионер прибыл однажды на острова далекого океана, населенные людоедами. Когда он стал отговаривать этих людей от людоедства, они возразили ему, что сами природные условия заставляют их придерживаться этого гнусного обычая: бывают месяцы, когда у них очень много рыбы и птиц, но бывает и время, когда буквально есть нечего; тогда они садятся в челны, совершают набег на соседние острова, мужчин убивают, молодых женщин берут на племя, а старых... едят.

Миссионер научил дикарей заготавливать рыбу и птиц впрок, чтобы устранить печальную необходимость есть старух. Обратив всех в христианство и благословив их на новую жизнь, он отплыл. Прошло несколько лет — и благодушный патер вновь приехал к своим прозелитам¹⁹ и был принят ими, как истинный благодетель, как насадитель спасительных познаний: «Дай вам Бог здоровья, — сказали ему дикари, — вы нас воистину просветили! Теперь, благодаря вам, у нас имеются всегда в запасе солёные... старухи»!..

В непомерно быстром увеличении аудитории, состоящей преимущественно из людей, дух которых исторически не подготовлен к восприятию истины и передаче ее следующим поколениям, — в этом роковом явлении заключается главная опасность для писателя да и для истинной культуры. *В храм идеала вторгаются инстинкты — и начинается торг.*

Изобретение пороха и книгопечатания производит как бы татарское нашествие душевно грубых ценителей, покровителей и покупателей книги. Писатель взят врасплох: он заражается общественным недугом, как врач в больнице. Когда праотец писателя шел проповедовать истину, он видел перед собою открытого врага и был готов на муки. А тут ему приносят *тайную заразу* те социальные условия, которые он сам же, отчасти, вызвал к жизни.

Положим, в исторический момент этого первого кризиса он был во всеоружии христианской религии, открыто руководившей жизнью. Но самое религиозное понимание было так грубо, что нередко истинно христианская, истинно человеческая мысль задыхалась под гнетом формального культа, а носитель ее погибал в муках. В одном слове «инквизиция» все сказано.

В тот же роковой момент поднялась из праха веков античная красота и зажгла зарю Возрождения. В ней было много материалистического, язычески чувственного — и удесятерились соблазны, туманившие душу писателя. Папские вакханалии, подрывавшие самую веру, всеобщая роскошь образованных классов и пресыщение породили *скептицизм*, который, по меткому замечанию Карлейля, представляет собою *черную немочь, губительный недуг жизни, ее духовный паралич.*

Писатели одни из первых заболели этим недугом и предали не сжиганию, а попранию все, чему дотоле поклонялись люди. Западная аристократия нравствен-

но пала и утратила инстинкт самосохранения, которым в высочайшей мере обладала поднимавшая уже голову корыстная буржуазия. Народная масса изнемогала под гнетом неумело привилегированных утешителей. Одни писатели пошли в услужение к буржуазии, другие искренно возмутились народным стоном, третьи продолжали забавлять аристократию разрушением и осмеянием прежних святынь. Все вместе вызвали стихийное течение, которое их обезличило, свалило и понесло, как полая вода.

Писатели посеяли революцию, народ потрудился на этой кровавой ниве, а буржуазия собрала все плоды в свои житницы. Она воцарилась надолго и жестоко.

В первое время она обладала большим духовным содержанием, так как находилась под обаянием побежденного врага, считала себя в долгу у своего союзника-народа и, как всякая молодая сила, верила в свое призвание. Она сразу, по-видимому, искренно провозгласила формальное равенство всех перед законом. Истинная сущность буржуазного миросозерцания проявилась только впоследствии, с развитием техники и образованием денежного феодализма. Тогда же обнаружилась и вся *ограниченность воздействия объективного правового порядка*, играющего преимущественно роль культурной *изгороди*, по обе стороны которой фактически могут совершаться всякие нарушения права в смысле более глубоком и жизненном, — *нарушения кровных человеческих интересов*. Обнаружилось также, что идеализм буржуазии — поверхностный, школьный, взятый напрокат и весьма легко уступающий голосу страстей, облеченных в форму приличную, с виду мирную и, главное, безнаказанную.

Особенно жирным пятном буржуазное миросозерцание разлилось во Франции, где традиционные перегородки ранее перегнили. В Германии, благодаря всесос-

ловной практичности ее населения, социальная борьба приняла более мирный характер, вследствие чего там мог развиваться, по крайней мере на время, истинный идеализм, ныне уступающей место наступательному беспринципному нищезанятию.

И французские, и немецкие писатели, почуяв тлетворное дыхание «материи», вначале попытались сделать все, чтобы не угасать духа. Французские попытки, большею частью, не удавались, быть может, потому, что служители аполонового алтаря подходили к нему с волею, ослабленною страстями и суетой, с нечистою душою и руками.

Плодами этих попыток явились ложный сентиментализм и романтический прыжок в окно из душной буржуазной комнаты. Все это было крикливо, пестро и мишурно. Лакей Рюи Блаз²⁰, совсем не типичный для своей профессии, попирает душевным величием вельможу. «Дама с камелиями²¹», — камелия сама, — оказывается такой героиней, что хорошим матерям семейства перед нею приходится прятаться в кусты.

Почему непременно лакей и гетера? Если писатели хотели не просто льстить и продавать свои книги выдвигавшимся лакеям и гетерам, а действительно реабилитировать человеческую натуру, возжечь надежду на торжество духа, — то это им не удалось! Такая священная задача доступна только здоровому, искреннему, *реальному* творчеству, проникнутому религиозным духом. Но такое творчество появляется лишь после того, как искренний, серьезный идеализм сделал свое дело.

В Германии подъем идеализма в начале прошлого века, героическая борьба с надвигавшеюся тучей буржуазного мирозерцания, самоотверженные, пламенные попытки очеловечить человека — все это вместе составляет грандиознейшее в мире зрелище. В воспоминании об этой титанической борьбе за идею будующие

представители духа почерпнут силу, найдут верный компас для плавания средь «океана печати», все более мутного и пенистого!..

Германская метафизика озаряет немеркнувшими лучами бесконечное пространство. Лессинг²², Шиллер,²³ Гёте бросают в мир огненные слова, направляют против несметных полчищ темной силы свои бессмертные художественные воплощения богатырей. И богатыри вначале побеждают, но потом их томят измором и... берут в плен. В плену, впрочем, с ними обходятся прилично: одевают в красивые тисненные машиной переплеты и заключают в темницы банальных полированных шкапов. Их изредка проветривают, с ними ведут холоднопочтительные беседы, — а детей даже заставляют говорить с ними, чтобы дети знали естественных врагов нормального буржуазного человека.

И умные, хорошие дети не шумят, не мешают папаше фальсифицировать вино, придумывать неофициальные и незаметные налоги на обывателя или свершать мнимо бескровную жертву — стричь грюндерские купончики... Дети беседуют с мертвыми богатырями в ожидании более «благоразумной» деятельности и более скотски-живых развлечений.

Портреты великих творцов, заключенные в багетные золоченые рамы, глядят со стен, оклеенных пошлыми обоями. И человеку, понимающему весь трагизм их пребывания в этих лавочках, просто удивительно: как они языка не высунут и не покажут его своим тюремщикам?..

3

Материализм бытовой воцарился, к сожалению, не только над умами, но и над нравами, найдя в них готовую животную подпочву. Прикладные стремления

заменяют бескорыстную мысль, техника оттесняет искусства, мертвая машина не только заменяет живого человека, но воцаряется над ним, немедленно понижая его творческий уровень. Общество человеческое подвергается особой казни, перед которою египетские казни были детскою забавою.

Провозглашается *единовластие материи*, материализм возводится в культ, посягая не только на карманы, но и на самую душу обывателя, устанавливается рабство, и даже нечто худшее, чем рабство: *вольная и невольная продажа свободы, чести и чего угодно*. Правовые понятия этому не препятствуют, потому что они слишком объективны и формальны для жизненных запросов.

Буржуазия одела право в свою ливрею, заковала его в свои кандалы.

Идеалом вольной химии и техники является замена простого и естественного искусственным, — то есть, говоря попросту, *фальсификация*. Идеалом материалистического культа является *превращение человека в дрессированное и практично мыслящее животное, или в зверя*, — смотря по различию характеров и настроению. Представители этого миленького культа, служа, в сущности, интересам больших капиталистов, располагают и большими средствами, и полчищем герольдов²⁴, и умением воздействовать на публику, вступая в союз с ее слабостями. Тут приобретают особое разлагающее значение *еврейская психология*, еврейский расовый культ *золотого тельца* — своего рода Ваала²⁵, пожирающего или уничтожающего носителей идеала и попирающего целые народы. Зыблются нравственные начала, зыблется или подгнивает арийская государственность и общественность под натиском или просачиванием этой мутной волны.

Добрая половина людей, примыкающих, по недоразумению или по инерции, к модному разлагающему

течению, — в сущности духовно принадлежит к числу друзей народа, государственного порядка и христианских начал; зараза овладела ими случайно, по их недомыслию или неосторожности. Так умеренный и трезвый, но не опытный человек может отравиться поддельным вином.

Знаменитые ученые фальсифицируют питательные продукты, вытесняют нравственные понятия в области права, торгуют знанием и вдохновением. Те, на кого общество смотрит с надеждою, оправдывают ее лишь на словах, а на деле изменяют ей...

Но совесть не умирает, душа человеческая томится. Одни, подобно алкоголикам, жаждут окончательного озверения — и неверно понятая весть о физиологическом родстве человека с обезьяной принимается ими с шумным восторгом, как благодетельное открытие: они даже идут дальше и, так сказать, громко хрюкают!.. Другие жаждут выхода или хоть воплей отчаяния. Такому спросу отвечает небезуспешно и предложение.

Писатель уже не так выделяется, как прежде: по верному замечанию Карлейля, он идет в густой толпе людей, столь поразительно похожих на него, что подлинника от подделки почти никто не отличает.

Граф Л. Н. Толстой совершенно правильно указывает, что само общество, ввиду обилия подделок и извращения вкуса, утрачивает способность отличать бриллиант от стекла. Еще более верно замечание того же автора, что искусство, став профессией, значительно ослабело, *вследствие утраты искренности*. Одни писатели пускаются во все тяжкие, открывают *торговлю мыслями и чувствами* распивочно и на вынос; другие, более или менее искренно, испускают вопли отчаяния, и общество, вопреки своему материализму, прислушивается к ним. Чувство мировой скорби не менее властно, чем самый материализм.

Байрон²⁶ сыграл свою трагическую симфонию, потрясающее впечатление которой кое-где нарушается почти промышленною рассчитанностью эффектов; занял Леопарди²⁷; Шелли²⁸, в отчаянии, залетел в поднебесные туманы; Мюссе²⁹ с горькой иронией спросил: «Dogs-tu content, Voltaire³⁰?!»...

Третьи, как бы в исступлении, хохочут над всем, все выцыганивают и пачкают грязью. Это похмелье материализма, в связи с ненавистью к нему! Таков Гейне, этот сильный, но больной пересмешник, жонглирующий великими идеями и издевающийся над всем, — причем, однако, трудно выяснить, где кончается похмелье и где начинаются еврейские торговые соображения, в расчете на бойкий спрос. Он вообще представляет собою одну из интереснейших, мучительнейших загадок литературной клиники. Где же ему исцелить наболевшую человеческую душу?! Эта задача уже не по силам ни старому идеализму, которому не хватает реальных слов для народившихся новых понятий, — ни мировой скорби, которая сама себе выколола глаза в тот момент, когда нужно было зрение особенно напряженное, зрение мистическое, чтобы видеть во тьме.

Духовная природа человека, среди полного торжества животной жизни, не раз требовала *мистицизма*; и он появлялся, — но неосмысленный, чувственный, болезненный, в форме глупых суеверий и кликушества, с которыми и было ошибочно связано понятие мистицизма. Его зрячесть во тьме была зрячестью кошки, а кошка не может заменить пророка!

Чтобы зачерпнуть воды живой и утолить духовную жажду общества, литература должна была искренно, сердцем вернуться к мистическому первоисточнику истины и добра — к *религии*. И заслуга самого смелого, самого яркого почина в этом деле в нынешнем веке принадлежит русской литературе. Гений Достоевского с

мистической прозорливостью нашел, во мраке и грязи, искру божественного огня, показал ее и зажег ею сердца! Гигантская работа Владимира Соловьева является решительным шагом в области пророческой мысли, по пути к тому синтезу, который Б. Н. Чичерин³¹ удачно называет *универсализмом*, т. е. высшим соглашением разнообразных элементов человеческого духа, с указанием места и значения каждого в общей системе. Тот же Чичерин в своей «Социологии» бодро глядит в будущее, предвидит наступление такой гармонии и в литературе, и в обществе. Герберту Спенсеру³², резко предсказывающему победу социализма и «грядущее рабство» личности, русский мыслитель отвечает не менее резко: «Социализм неосуществим, и именно потому, что он слишком низок, а не слишком высок для человеческой природы»...

4

Названные русские писатели — слишком крупные люди, чтобы по ним можно было судить о современном положении большинства писателей и о трудности их борьбы за духовную свободу. Внешние материальные условия, в которых находится письменность, до крайности затрудняют борьбу. В доброе старое время существовала *рукопись*, потом появилась *книга*. Книгу вытесняет так называемый *толстый журнал*, вытесняемый в свою очередь *журналом иллюстрированным*, который дает и беллетристику, и картинки, и популярно-научные сведения, и олеографии, и вышитые подушки, и все, что хотите, в виде премии, начиная с контрамарки дешевой столовой, продолжая выпиленной рамочкой и кончая чуть не билетом на кладбищенское место.

Последнее слово печати принадлежит, однако, не ему, а ежедневной *газете*, этой всесильной ныне

мелочной лавочке мысли. Содержание лавочки стоит дорого, и предпринимателю нужно расширять круг потребителей, т. е. угождать им. Ясно поэтому, что газета, сравнительно с книгой, является менее высоким органом литературы; в большинстве случаев она отрицательно влияет и на писателя, и на публику. Даже самая честная газета есть все-таки не лучший вид серьезной письменности, сопряженный с особенною трудностью служения истине и добру, хотя бы потому, что газета дает сведения, собранные наскоро, не подвергнутые зрелой оценке!

А если она находится в руках людей без серьезного нравственного и умственного ценза, как ныне большая часть популярничающей уличной прессы или крупные органы, пристраивающиеся к финансовым тузам и стачкам?

Легко можно себе представить, какие ужасы она может вытворять, каким орудием шантажа и систематического развращения она может быть в грязных руках. Во что может превратиться критика! Она может похоронить в молчании какое угодно крупное произведение и раздуть наглуго бездарность. И чем больше полуобразованных, лениво мыслящих читателей, получающих сведения о внешнем мире и крохи кое-каких познаний исключительно при посредстве газет, — тем хуже для истинной литературы, которая отделена от толпы своевольными газетными феодалами. Захотят — пропустят, захотят — убьют, или надолго заключат произведение глубокой мысли в темницу неизвестности.

Никогда не забуду последнего свидания своего с покойным Бестужевым-Рюминым³³, происшедшего незадолго до его смерти. Разговорившись о литературе, он вдруг сделал болезненную гримасу и, указав на газету, брезгливо спросил: «Вам это не внушает суеверного страха?!!».

Еще бы не внушать страха, когда вся серьезная книжная литература состоит почти в крепостной зависимости от разбойничьих станов, именуемых газетами! Нам, русским, сравнительно еще хорошо, так как у нас, по крайней мере, есть еще газеты, русские не только по имени, — и эта часть печати стоит значительно выше иностранной; на ней сказываются в большей или меньшей мере религиозные основы, народолюбие, честность мысли и тот особенный универсализм, который свойствен русскому духу.

Обществу должна быть особенно дорога газета честная, в достойном ведении которой есть несомненный *героизм*, отказ от барышей, готовность на всякие неприятности.

Так или иначе, газета вызвана жизнью и неустранима. Поэтому, конечно, все изложенное должно являться для наиболее идейных писателей стимулом только к тому, чтобы *идти в газеты*, с целью умерять наносимое ими зло и не давать ему разрастаться, — идти с целью сеять «разумное, доброе, вечное»!..

А разрастись газетному злу недолго. Плоды уличной прессы встречаются на каждом шагу, и какие пышные, махровые! Целая вакханалия лжи и издевательства над чем угодно! Мещанка NN, служащая днем в суровской лавке³⁴, а вечером надевающая модный лиф, отправилась отдохнуть душой в какой-нибудь танцкласс и раскрыла там своему приятелю череп глиняным кувшином из-под оранж-амера. Затем она не убежала, а гордо отдалась в руки правосудия: она *хочет суда*, потому что вспоена помоями «развивающей» уличной по духу прессы и практически понимает современную жизнь. Ее оправдают! Адвокат, — духовно близкий автору прочитанного ею уголовного романа, — скажет, что эта женщина — Гамлет³⁵ в юбке, или Офелия³⁶, но только не в тихом, а в более энергичном экстазе или помешательстве! Не все же

тихо с ума сходят! Подобно героине любой пошлой модной пьесы, новая Офелия произнесет «я жить хочу!» — и дело в шляпе. Ее непременно оправдают, на страх другим обывательским черепам и во славу человекоубийственного сентиментализма!..

Все охвачено духом лжи, находится в чаду, парализующем чувствилища, которыми здоровый человек воспринимает истину. И найдется доморощенный поэт, обезьяна французского декадента, который придет в восторг от «жеста с кувшином оранж-амера»! *Le geste est beau*³⁷! Ах, какой удивительный символизм в словах «Orange-amere»! «Orange» — апельсин... словно музыка из «Миньоны»³⁸!... А затем слово «amere», — горький! Какое пророческое сочетание, какая раздвоенность, какая художественная недосказанность! Положим, убийство — поступок противообщественный... Но ведь «все противообщественное прекрасно и все прекрасное противообщественно»! Остальное пошлость! Последние слова декадент произнесет особенно торжественно, подобно тому, как Гамлет произносит свое «The rest is silence!»³⁹.

Мудрено писателю отстаивать духовную свободу, когда, по выражению Карлейля, «герои ушли, шарлатаны остались!».

5

Как только заходит речь о свободе писателя, обыкновенно первым долгом выдвигается вопрос о *цензуре*, причем проявляется превеликая путаница понятий. Во-первых, принято считать, что и *de facto*⁴⁰ цензура одна; а между тем их три. Первая из них, правительственная, исходя из коренных государственных принципов, говорит: так нельзя. Кто признает целесообразность государства, как учреждения воспитывающего общество и руководя-

щего им, тот должен признавать и необходимость цензуры, вооруженной знанием общественной психологии, проникнутой идеалами гуманного государства и, *в крайних случаях*, ради ограждения общественного спокойствия, говорящей во имя их: «*Так нельзя*». Она нередко стесняла публицистические порывы нервных или мятежных жрецов поврежденной печати, мешала иногда торопливому, горячему служению вопросам дня, прикрывала порою то, что для блага страны следовало обнаружить; но безусловно никогда она не наносила вреда высшим формам литературы: *ни одно великое произведение не осталось под спудом и не погибло по вине этой цензуры*. Наряду с этим можно указать много примеров, когда ее умиряющее воздействие приносило пользу обществу, в котором готовы были разыграться дикие страсти.

Писатель, желающий *разумной*, а не хаотической свободы печати и вместе, конечно, добра и покоя обществу, может желать только *свободы содержания* литературных произведений, *свободы мысли*, а не *формы их*. Государству и обществу нужна свобода мысли, свобода критики, — но именно разумная свобода в культурных формах, а не вакханалия или заразительная истерия, вносящая смуту, а не ясность мысли. Во всяком случае, слава Богу, что постепенно проходят времена, когда запрещались в поваренной книге «цыплята на вольном духу», но это не значит, что умная и проникнутая гражданскими идеалами правительственная цензура вовсе не нужна. Кстати, надо отметить, что у нее есть важное положительное качество: она касается *одного* определенного произведения, не предрешая судьбы следующих, могущих вылиться из-под того же смелого пера.

Совершенно лишена каких бы то ни было положительных черт *другая цензура*, неофициальная и заметная только тем, кому понятна сущность общественной жизни. Эта цензура *посягает прямо на содержание пись-*

менности, не стесняясь притом в выборе средств для своего давления. Она обыкновенно находится в руках преобладающего общественного класса, овладевшего большинством газет и разными модными многолюдными учреждениями. Она стесняет свободу самой мысли и старается упразднить ее, чтобы всех и все привести к одному знаменателю. Во времена реакционные она мысли об освобождении крестьян называет преступлением и на каждом шагу указывает на необходимость телесного наказания. В так называемые либеральные времена она требует молчания о промышленных стачках и эксплуатации одного класса или народа другим, порицает религиозность и преданность государственной идее.

Эта цензура, при посредстве принадлежащих ей органов печати и болтунов, кричит: «Это низость, проповедь мракобесия, шпионство. Ату его! Душить его надо, мстить ему и памяти его!» Или: «Это нигилизм, потрясение основ, измена отечеству! Арестовать его!»... Начинается с преувеличения и сейчас доходит до лжи. Мстительная ложь проникает даже в историю литературы, в хрестоматии и словари, чуть не в руководства!...

Большая часть печати, нуждающейся в материальном сочувствии толпы, раболепствует перед этой цензурой, совершенно забывая о призвании литературы. Это одна из гнуснейших форм *terrora*, перед которою, если строго разобрать, меркнут ужасы инквизиции... Писатель робеет, ежится, вступает в позорные компромиссы. Пуще огня он боится «передовых» студентов, бойкотирующих «писем в редакцию», боится утраты популярности и тем самым зачастую приобретает только его фикцию.

Авторская личность уменьшается, эскамотируется, исчезает, точно шарик в руках у фокусника. Круг читателей грубеет, смеется фокусам и обращается к прежнему своему пророку с наглым требованием: «Circenses!⁴¹ Забавляй меня, такой-сякой!»...

Естественным продуктом этой цензуры является *третья*, которую проще назвать *рыночной* и которой принадлежит еще, увы, большое будущее. Это *цензура издательская*, которая не столько запрещает, сколько требует и *заказывает*, уже всецело руководясь только вкусами большой публики, или, вернее, слабостями ее. Ее угрозы — голод и отсутствие известности; ее дар — низведение писателя на уровень холопа и шута.

К этому дару, к этой низкой роли его приготовила вторая, партийная цензура, лишившая его духовной самобытности; третья затем велит ему «потрафлять хорошим господам». Он и потрафляет.

Немудрено, что при таких условиях сама публика не уважает податливого писателя, а к самостоятельному зачастую проявляет грубую нелюбовь; дурным общественным элементам, вроде гоголевского городничего или разбойников промышленности и темных общественных дельцов, ненавистны редкие независимые писатели, которых, вдобавок, систематически травит и опорочивает вторая, партийная цензура, большею частью *двусторонними доносами: по начальству и публике*, а лучшая часть общества перестала относиться с уважением к писательской профессии, в рядах которой насчитывается слишком много всякого сброду. Да и как отличить добросовестного слугу правды от продажного писака, когда последний пишет зачастую более «занятно»? Личность неизвестна, интонации не слышно, бумага не выдает лжи, а вдумываться в писания некогда, так как в завтрашнем номере газеты будет новый калейдоскоп фактов и бойких фраз.

Положение воистину трагическое и требующее настоящего героизма от писателя, — героизма ежедневно-го, ежеминутного, в течение всей жизни. Писателю времен упадка римской империи или при инквизиции было легче, по крайней мере, тем, что расправа была коротка и

самолюбие не так страдало. Да и величайший бич истинной литературы — рыночное отношение к книге — почти не существовал в ту пору, когда писательство было не профессией, а призванием.

6

После всего вышеизложенного, надо полагать, само собою выясняется, что такое писатель и каковы его особые приметы. Карлейль, считающий его героем, и Фихте, называющей его пророком, требуют от него глубокого проникновения божественной идеей, требуют известной *святости*. Л. Н. Толстой тоже требует религиозности, но как настоящий мрачный сектант суживает ее сферу, *отрицая красоту*, косвенно пробуждающую «чувства добрые».

Названные выше мыслители правы в принципе. Но можно ли требовать святости в начале духовно старого двадцатого века? Можно ли требовать от всякого просто талантливое писателя, чтоб он был большим героем или пророком?

Обязательна может быть религиозность только в более широком и производном смысле слова. Во-первых, писатель должен считать свое дело святым, писать только по призванию; стало быть, у него должна быть вера в Высшую истину и любовь к людям, т. е. те мысли и чувства, которые являются истинными стимулами и духовным содержанием благородного литературного творчества. Эти мысли и чувства неизбежно приведут писателя к религии, если он человек последовательный: *вне религии нельзя найти ни критерия нравственности, ни источника любви*. Если же он и не дойдет до религии, то все же возвышенный взгляд его на свое дело, и все то, что он скажет искренно и бескорыстно, послужит, так сказать, «проведению дороги через хаос». Сам

того не зная, он будет, если не носителем, то слугою божественной идеи.

Стало быть, сущность вопроса заключается, прежде всего, в отношении писателя к своему делу. Есть, например, благородные материалисты-теоретики, так сказать, рыцари материализма, одушевленные любовью к человечеству и жаждой правды. Конечно, они заслуживают полного почтения и объективного сочувствия. Их было много у нас в 60-е годы и их работою добыто много полезного фактического материала. Если согласиться с таким мнением о плеяде этих деятелей, то надо признать, что одним из основных принципов писательской деятельности должна быть *терпимость* и даже *объективное уважение ко всякой непродажной искренней мысли*, благодарное признание плодов ее. С этой точки зрения можно одинаково уважать за искренность и прямоту людей самых различных лагерей, не разделяя взглядов того или другого, но признавая, что каждый из них дает частицу истины.

Идеалом писателя, мыслящего возвышенно и справедливо, должен быть *универсализм*. Ему, по выражению Чичерина, ничто не может быть чуждо, так как он призван указать и вызвать к жизни высшую гармонию Сущего. Все великие писатели универсальны для своего времени; само собою разумеется, что *содержание универсализма постоянно осложняется*, соответственно с историческим развитием человечества, — и чем дальше, тем эта задача становится труднее; оттого подобные писатели так редки. По ним можно проследить всю историю человеческого развития, как по неугасимым маякам.

Остальные, менее крупные писатели, достигают этой полноты лишь по приближению, — а таковых большинство. Поэтому остановимся на более широкой и скромной формуле, под которую могли бы подойти ис-

тинные писатели всех направлений и калибров: писатель есть человек, пишущий *исключительно по призванию то, что он считает истинным и полезным для людей.*

Ясно, что он всегда *страдал* и с каждым днем его страдания должны увеличиваться. Во-первых, отличительные свойства идеала, побуждающего его писать, суть абсолютность и недостижимость, и, стало быть, на языке жизненной практики, *идеал* — синоним *страдания*. Каждый шаг, приближающий к нему, все более обнаруживая земные несовершенства, усугубляет рознь между мечтой и действительностью, вызывает тревогу, предвещает неравную борьбу с теми, кому эта действительность выгодна или дорога.

Во-вторых, самое *творчество есть страдание*, если согласиться с тем, что усилие, не вполне успешное, всегда мучительно. От смутного чувства нужно перейти к единственной лучшей мысли, отринув прочие, и облечь ее в единственную лучшую форму, также отринув прочие. В обоих случаях происходят процессы выбора и передачи или превращения, и для обеих функций аппарат не годится: творческое чувство неизмеримо полнее и шире, чем мысль, а мысль неизмеримо обширнее и вернее, чем ее литературное выражение. Иногда творческое чувство, безусловно, непередаваемо мыслью и словами и доступно только музыке, у которой, в свою очередь, есть свои крайние пределы.

Итак, мысль есть страдание, как сказал Флобер⁴²; а наш великий художник слова Тютчев, сетуя на узкие пределы литературной передаваемости, даже говорит: «Мысль изреченная есть ложь». В течение всей своей работы писатель ведет отчаянную *борьбу с языком*, изобретает новые слова, устраняет опошленные выражения, придумывает новые сочетания. Недаром великий Гете, в разговоре с Эккерманом⁴³, называет язык *чудовищем* (Ungeheuer).

В борьбе с языком необходима строгая критическая деятельность ума, а между тем она нередко слабеет именно во время творческого возбуждения. Оттого великие писатели дают вылежаться своим произведениям. Когда покойному жанристу Федотову⁴⁴ сказали по поводу какого-то этюда: «ах, как просто!» — он отвечал: «Да, просто, когда переделаешь раз со сто». Вспомните Гоголя, сжигающего свою рукопись!

Стоит взглянуть на любую черновую тетрадь серьезного писателя, прочесть его письма, обнародованные нескромными людьми, — и откроется целый океан страдания. Возьмем, например, весьма интересную во многих отношениях переписку Флобера. Вот, что говорит он Луизе Коллэ⁴⁵, которую называет своей музой: «Чем дальше, тем больше я сознаю свою неспособность к выражению идеи... Я совершенно изнемог от постоянного раздражения, вызываемого во мне этою работой... Где граница между вдохновением и помешательством, между идиотством и экстазом? Разве не нужно быть художником, чтобы видеть иначе, чем другие люди? Искусство не игра ума, а специальная атмосфера... Оно, подобно иудейскому Иегове, требует жертвоприношений. Рви же плоть свою, бичуй себя, валяйся в пепле, унижай прах, плюй на свое тело, вырви сердце из груди! Ты будешь одинок, ноги твои будут окровавлены, адское чувство отвращения будет твоим спутником; ничто, радующее других, не будет радовать тебя; что для них является ничтожным уколом, то станет для тебя мучительною раной! Ты затеряешься в толпе. Только вдали, на горизонте, будет сиять для тебя слабый свет. Но он будет все расти, сделается громадным, как солнце, золотые лучи его озарят твое лицо, проникнут в тебя, ты весь просветлеешь, почувствуешь себя воздушным, состоящим из одного духа!».

Разве каждая строка в этих отрывках не говорит о страдании? Положим, здесь кстати заметить, что Флобер,

как видно из той же переписки, — натура неуравновешенная, раздвоенная. Как личность, он буржуазный, прозаичный эгоист, даже по отношению к любимой женщине.

Автор в нем неизмеримо выше человека и борьба между обеими натурами доходит до настоящей пытки...

Неуравновешенность и двойственность натуры есть один из серьезнейших источников писательского страдания. У человека, ставшего писателем, появляется как бы вторая духовная природа, управляемая собственными законами и большею частью стоящая выше личной натуры того же человека, с которой она ведет ожесточенную борьбу. Например, Лесков был очень физический человек с кипучими страстями и нравственным обликом материалиста, а в литературе он являлся одним из крупнейших представителей идеализма. Нередко творец возвышенных произведений является безнравственным, как Мюссе, или мелко тщеславным и стяжательным, как Гюго⁴⁶ или Фет⁴⁷. Весьма характерно, что биографии крупных писателей всегда наносят ущерб обаянию их произведений.

Случаи, когда частная личность писателя подавляет авторскую, встречаются все чаще в наше время как результат демократизации духа, убивающей волю, и господства материализма, заменяющего призвание профессией. Эти явления привели бы к смерти литературы, если бы литература не была бессмертна и не выдвигала хоть изредка крупных характеров. У Некрасова⁴⁸ огромный талант был подавлен сравнительно малою личностью; все недолговечное, некрасивое и фальшивое в его произведениях, т. е. большая часть этих последних, есть плод именно личной слабости, а все возвышенное создано талантом. А наряду с этим не очень крупное дарование Алексея Толстого, при посредственном уме, создало бессмертные произведения, благодаря возвышенной личности. Гениальные произ-

ведения гр. Л. Н. Толстого принадлежат *огромному художнику*, а слабые попытки фальсификации или произвольного извращения христианства *гораздо менее крупному личному характеру его*, обуянному самомнением и другими слабостями.

У истинного писателя есть еще страдания, происходящие от того, что он пишет, т. е., что он духовно переживает. Что должен был испытывать автор Карамзовых? А Данте? Недаром жители Вероны, встречая Данте и глядя на это царственно печальное лицо, говорили: «Вот человек, который побывал в аду». Что было на душе у Шекспира, глубже других постигшего трагизм человеческой жизни? *Все великое печально, как выражение духа, томящегося в земной неволе.*

Жизнь писателя в обществе также нелегка. Литературная среда не вполне нормальна как среда: подле настоящих писателей трутся поддельные, очень ловко замаскированные, — и у всех нервы расстроены страданиями тщеславия, срочною работою; много недобрых чувств и мало прочных радостей. Не только для того, чтобы черпать сюжеты и краски, но и для того, чтобы жить душою, — надо возвращаться в обществе. Но и там скверно: скучно, мелкие расчеты, отсутствие искреннего интереса к литературе! Партийная или просто банальная газета загипнотизировала умы и подчинила самую публику цензуре партийной или торгашеской.

Несомненно, что в этом *виноваты*, в значительной мере, *сами писатели*. Так называемый успех достигается тремя способами: или писатель подлаживается под модные вкусы, тогда он духовно низок; или он отвечает на запросы общества, которому духовно равен, отличаясь только способностью более или менее красиво выражать настроения того же общества, — и тогда шумность успеха обратно пропорциональна его прочности; таков, например, Надсон⁴⁹. Или, наконец, писатель, бесцензурный

в широком смысле слова, мыслящий вполне свободно, силою таланта и стойкостью убеждений покоряет публику. Таков русский витязь Достоевский, зажегший тысячи сердец во время почти всеобщего, всестороннего отрицания и скептицизма.

Вряд ли чувства публики к нему можно назвать любовью! Юбилей можно справить пьяным обедом, могилу забросать цветами и даже «освятить» демонстрацией; но рознь между героем и толпой, скрытая или явная, — факт неизбежный. Не надо забывать, что Пушкина, в сущности, загубил светский круг, не знавший, «на что он руку поднимал!»⁵⁰ А так называемый «либеральный лагерь» по временам покушается произвести насилие над самою тенью гениального поэта, посмертно вербуя в ряды своих крикливых гусей этого могучего орла, созданного для воли на лазурном просторе небес!..

7

Итак, английский мыслитель прав, требуя героизма от писателя. Чтоб не ходить далеко, напомним, что наша родная литература богата примерами героизма. Жуковский и Гоголь, — первый устами, второй пером, — говорят правду грозному Императору. Писатели сороковых и 50-х годов пишут против крепостничества во время его преобладания. Чичерин бросает смелый укор всемогущему Герцену за недостаток истинного патриотизма и терпеливой любви к народу; граф Ал. Толстой одинаково смел и честен по отношению к сильным мира и господствующим общественным течениям.

Дружно гребите, во имя прекрасного,
Против течения,⁵¹ —

говорит он звучным стихом.

О титане Достоевском и говорить нечего. Ученик и друг его Владимир Соловьев жертвует всем благополучием земным: во время разгара естественной после 1 марта⁵² реакции он напоминает о христианском всепрощении, а затем, что еще возвышеннее, рискует популярностью в наиболее шумных интеллигентных кругах, указывая на духовные основы *христианского самодержавия*... Он думает так или иначе — и говорит, не справляясь ни с чьими взглядами и не боясь ничьего гнева!

Это все герои, люди большие. А что делать более скромным труженикам печати? Как отстоять святыню своего дела и цельность своей, хотя бы маленькой, авторской личности?

Ответ один: *вырабатывать личный характер*, вопрос о котором, почему-то, за последнее время, в пренебрежении. *Даже школа о нем совершенно забыла, — и в этом ее главный, тяжчайший грех, в этом ее позорное бессилие...*

Надо идти на страдания и уметь их выносить без лишнего крику. Не надо забывать, что неуменше страдать зачастую комично, а иногда вызывает не только зевоту, но и ожесточение в публике. Мировая скорбь хороша, да и то в свое время, а банальное нытье на давно исчерпанные темы, коренящееся иногда только в убожестве авторской мысли, в страдании тщеславия, желудка или кармана, является признаком дурного литературного тона. Оно еще больше дискредитирует литературу в глазах общества.

Чтобы материальные условия не душили писателя, надо, по возможности, освободить от них свое святое дело, не принимать их в серьезный расчет: не надо смотреть на литературу, как на источник дохода, а надо находить отраду в самом процессе творчества. Зарабатывать можно и другим ремеслом, а в литературе, в служении высокому призванию, надо искать духовных радостей и

мук!.. В крайнем случае, — если призвание и профессия совпадают, — надо сократить свои потребности. Ясно, что писатель, предающийся фактически многоженству, посвящающий досуг прожиганию жизни и склонный вообще к роскоши, будет всегда интриганом, кондотьером⁵³ еврейских и иных финансистов, фальсификатором каких угодно понятий, идеалов и программ. Этот тип, к сожалению, насаждается именно крупными газетами, огромные бюджеты которых развивают «лихачество пера», нередко с шантажным оттенком и во всяком случае с утратой уваженья к высшим идеалам литературы. Жестокий кризис литературы как профессии даже весьма желателен: тогда все ремесленники и торговцы, именующие себя литераторами, перешли бы к более выгодным и нормальным для них занятиям. Эта сторона дела, впрочем, еще не так опасна.

Гораздо опаснее *жажда популярности*. Партийная цензура зиждется на этой жажде, одною рукою раздавая незаслуженные венки, а другою — подавляя свободных авторов или шантажно им угрожая. Нужно победить это искушение, — и такая победа по плечу не одним только знаменитым героям. Могут же безымянные солдатики умирать за отечество, зная, что о них даже история скажете коротко: «Выбыло из строя столько-то нижних чинов». Они делают это не потому, чтобы каждый солдат хотел и непременно надеялся быть генералом: они выше этого, потому что служат великой идее.

Только на таком служении основано все прочное и возвышенное на земле. Только оно дает духовную свободу.

Пусть каждый, вступающий в священный храм литературы, скажет себе: «Не хочу быть ярким электрическим фонарем на дверях растленного кафешантана. Я предпочитаю быть *еле видной восковой свечечкой перед алтарем моей Святыни!!!*»

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Я-то спою, исполню свой долг, –
заявил петух, – а рассветет ли, или
нет, это уж не от меня зависит...

Грузинская пословица.

Поэт сказал в недобрую минуту:

Бывали хуже времена,
Но не было подлей!

В недобрую минуту это можно сказать, более или менее, о всяком времени, потому что всегда найдется достаточно данных для приведения впечатлительного, нервного человека в неприятное состояние.

Многие охотно применяют приведенное двестишье к нашим дням, глядя на докучный сумбур, довольно явно царящий в умах нашей интеллигенции и проникающий отчасти даже в низшие общественные слои. Признаться откровенно, и мне случалось вторить таким неутешительным суждениям; большой вины тут нет, ибо никому не возбраняется быть нервным, а современная наша общественная жизнь, в итоге, духовному успокоению мало содействует...

Но на безнадежном выводе раздраженного поэта окончательно остановиться нельзя, когда есть налицо и

иные признаки, а именно признаки серьезного обновления и культурного подъема, хотя не очень распространенные и наглядные, но, тем не менее, в действительности существующие и чреватые значительными последствиями.

При виде этих признаков, я прихожу к глубочайшему убеждению, что бывали, конечно, времена более яркие, но давно не было времени более интересного. Спешу оговориться, что наше время представляет особенный интерес только для внимательного наблюдателя жизни, а не для тех, кто лишь подавлен ее сумбуром и склонен поддаваться мрачной лени или брюзжанию под предлогом гражданской скорби, чтобы тем не совсем искренно оправдывать свою «славянскую непроизводительность».

– Помилуйте, мол, ну что можно делать в наши дни, когда... и т. д.

Многие возразят, конечно, что тридцать-сорок лет тому назад время было гораздо интереснее: эпоха великих реформ, период ломки, созидания, подъема общественного пульса и температуры, расцвет надежд, поступательное движение во всех областях жизни и мысли и т.п.

Они будут неправы, ибо интерес во всем этом был для исследователя, отличающего плоды от корней, преимущественно внешний. Это был взрыв результатов, причины которых не только теперь, но и тогда были многим ясны: прививка и пересадка западно-европейских понятий, форм и учреждений на мало подготовленную русскую почву.

В ломке для культурного человека ничего особенно интересного нет: это вещь простая и всегда немножко грубая; при торопливой ломке вредного и отжившего всегда разрушается что-нибудь полезное и жизнеспособное. Ломающие всегда хотят отличиться, из побуждений прямолинейно принципиальных, а также и неизбежных соображений личной выгоды или тщеславия.

Насаждение, созидание – вот прекрасные вещи, когда они происходят вдумчиво, серьезно: не в силу отвлеченных теорий и не в виде экспериментов над живою человеческою средою, а на основе всестороннего знакомства с нею, разумной любви к ней и того национального чутья, которое иногда, за отсутствием документальных данных, служит надежным пробным камнем для проектируемых мероприятий.

Такого рода созидательная работа в мировой истории встречается весьма редко в высококультурных странах, в которых общественность всесторонне разработана. Но и по отношению к государствам столь благополучным, современные серьезные знатоки общественной психологии находят, что так называемые «великие», или коренные, реформы, резко меняющие жизненный склад, суть меры противосоциальные и опасные, подобно тем «лошадиным» средствам, от которых умирают отдельные люди, попадая в руки слишком решительных эскулапов. Живая, а не воображаемая, жизнь создается постепенно, и постепенно же должны отмирающие формы заменяться другими; при этом надо помнить, что *есть формы и учреждения глубочайше органические, посягательство на которые влечет за собою смерть государственного или общественной организации.*

Среди духовно крупных реформаторов шестидесятых годов были и такие, которые надлежащею вдумчивостью не всегда обладали, вследствие чего творчество их порою носило характер отчасти «переводной» или компилятивный: одни добросовестно и с пламенною верою в свое дело подчинились западным теориям, другие – классовым инстинктам, третьи – желанию отличиться перед начальством и печатью домашней и зарубежной, которой, кстати сказать, побаивалось и само начальство.

Поезд с этими господами стал на рельсы, раздались звонки, свистки – и дело двинулось по намеченным шаблонам...

Картина была во многих отношениях трогательная, поразительная – и не прав покойный Щербина¹, назвав эти лихорадочные дни «комическим временем»: в искренних ошибках бывал истинный трагизм, а, кроме того, осталось от тех дней и ценное наследие, которое долго еще будет благом для родины.

Но оригинальных оттенков во всем этом было немного. С точки зрения *коренных* созидательных идей, картина была любопытна вначале, а потом столь же мало интересна, как роман, окончание которого заранее косвенно предсказывается самим автором, желающим подслужиться моде: если принято заканчивать слиянием сердец в законном браке, – то так оно и будет: если, как в шестидесятые годы, брак считается нелепым стеснением и оскорблением памяти нашего предка-орангутанга, то героиня романа, будь она даже супругою сановника, непременно убежит с каким-нибудь лохматым господином южного типа...

Характерною и предрешающею многие подробности чертою указанного яркого времени являлось то, что, при многих проектах, мечтаниях и даже мерах, имелся в виду несуществующий *отвлеченный человек*, искусственно выдвинутый и воцарившийся в умах нескольких поколений.

Наше время гораздо интереснее, прежде всего потому, что на высотах современной западно-европейской философской и научной мысли, у которой наша интеллигенция постоянно просит указаний, сравнительно недавно произошел серьезный переворот в воззрениях на общественную психологию и основы государственной науки. Отвлеченный человек сдан в архив. Не только доказана непровержимыми данными несостоятельность

теорий, трупам которых еще покорна наша российская интеллигенция, но и разоблачены те шулерские приемы, которыми, при довольно сходных с нами условиях, на Западе стараются поддерживать господство этих теорий разные дельцы, привыкшие черпать в них политическую силу и обильный корм.

Покуда наука и жизнь еще не опровергли этих теорий и не внесли серьезных поправок в устарелые ныне формулы, среди ревнителей того, что оказалось заблуждением и за границей, и у нас, были, несомненно, люди духовно высокие, искренние и прямые. Они служили тому, что считали истиною. Теперь бы такие люди призадумались и не закрыли бы глаз на живые факты и веские доводы. Дельцы – статья иная: они сознательно лгут и поддерживают ложь, пока это им выгодно, пока это дает им престиж, влияние и деньги.

Многие из российских жрецов отвергаемого наукою кумира, казавшиеся еще сравнительно недавно апостолами правды, народного блага и прогресса, опиравшиеся на яркие и популярные в ту пору научные авторитеты, – ныне иначе не могут быть названы, как ослепшими фанатиками или ханжами омертвелою культа. Да, большинство именно ханжами, потому что им приходится теперь замалчивать науку, знанием которой они продолжают кичиться, и усиливать до крайности свою партийную цензуру; не то, – ведь, упаси Боже, кто-нибудь разоблачит их фарисейство и докажет, что их мнимый «либерализм» есть не всегда бескорыстное служение инородческой буржуазии, а мнимая забота о народе – стремление подорвать государственную силу, во исполнение зарубежных приказаний или ради удовлетворения классовых appetitов, не имеющих ничего общего с любовью к народу.

И цензура этих ревнителей «свободы» далеко оставляет за собою недомыслие тех времен, когда у нас

воспрещались в поваренной книге «цыплята на вольном духу»; она превосходит жестокость темных дней, когда в романских странах людей науки инквизиторы сажали в подземелья.

В программу этой, не только оборонительной, но и наступательной цензуры входят и «заговор молчания», и недостойные клеветы против личности людей, дерзающих мыслить самостоятельно, и втаптывание в грязь некоторых таких созидательных понятий, как национальная идея, приверженность к исторически сложившемуся государственному строю, религиозное мирозерцание и др.

Все средства бывают хороши, чтобы только утаить шило в мешке, а оно торчит – и публика начинает его замечать.

Появление Максима Горького² есть до известной степени логическое последствие фарисейства, ханжества его духовных родителей, покровителей и трубачей. Ему, как человеку более непосредственному, надоели эти улыбающиеся авгуры³, эти калхасы⁴ мнимого прогресса и действительного разложения, драпирующиеся в гуманитарные тоги. Он вышел на улицу, да и брякнул все, о чем они умалчивали или говорили намеками. Мало сказать «брякнул»: запел целую «песнь торжествующей... разнузданности»...

Голос свежий, зычный, не без искренних нот – и хотя песнь не очень приличная, но успех она имела оглушительный и понравилась даже многим из тех, для кого реальное торжество разнузданных инстинктов явилось бы в социальном отношении «третьим пунктом». Это у нас в России давно уже так сложилось, под влиянием не переваренных западных теорий: многие радостно и даже злорадно потирают руки, когда кто-нибудь рубит тот сук, на котором они сидят и о крепости которого обязаны заботиться!.. Такое немножко лакейское злорад-

ство вытекает, вероятно, из инстинктивного сознания, что болтовня останется болтовней и ничего рокового в сфере двадцатого числа не произойдет. Отчего же не побаловаться этими «*idees subversives comme aperçus de morale*»⁵», — как говорил Щедрин⁶.

Успех Максима Горького, при *всем* убожестве его идей, объясняется именно тем, что он, подобно своим циничным героям-босякам, бесцеремонно изложил истинное исповедание той среды, которая его возвеличила.

Это уже шаг вперед, подобно тому, как сыпь на больном теле, облегчающая диагноз болезни, есть шаг вперед в положении пациента.

Некоторые обыватели с пылким воображением считают названного «пророка» фатально-могучим «бу-ревестником» и находят, что русский строй переживает болезнь смертельную. Это мрачное заключение кажется мне преувеличенным. Спору нет: болезнь серьезная, но исход ее — в руках врачей и, отчасти, самого больного. Нужен строго-обдуманый, последовательный режим, некоторая диета и, главное, *хорошее питание и свежий воздух*. При таких условиях менее опасны случайности, которые, впрочем, вообще менее опасны государствам и народам, нежели отдельным лицам. Повторяю: конечно, необходимо посерьезнее думать о гигиене и лечении больного — на Бога надеяться, а самим не плошать!..

Апостол босячества, как прорвавшийся нарыв известного миросозерцания, сослужит свою службу тем, что господам фарисеям той же школы ни в какую благообразную тогу драпироваться уже не придется. Лучшая часть общества им уже не поверит и мода на них пройдет. Пройдет мода и на откровенное босячество: в маленьких дозах оно, пожалуй, даже интересно, но если до бесчувствия — так покорно благодарим! Цинизм порождает тошноту и нравственную реакцию.

Маститый А. М. Жемчужников⁷, вероятно, не предвидел вырождения прогрессивного фарисейства в откровенное босячество, когда сказал по другому поводу:

«Возможно маску снять; зачем снимать рубашку?!»

Наше общество, включая сюда молодежь, если еще не перерастает своих гипнотизеров и мистификаторов, то, во всяком случае, проявляет некоторую склонность избавиться от устарелого выдохшегося гипноза. То здесь, то там приходится слышать речи, выходящие из рамок и программы недавно полновластного либерализма. Один из главных, и в последнее время наиболее настойчиво выдвигаемых пунктов этого буржуазного исповедания, уродующий и компрометирующий всю его программу, *а именно, подчинение русских племенных интересов и национального достоинства аппетитам западных капиталистов и стремлениям враждебно-обособляющихся российских инородцев* — этот пункт оспаривается все более открыто, и притом не ретроgrадами, не консерваторами, а даже людьми, склонными покуда исполнять остальные требования упомянутой программы. Это честные, но робко и непоследовательно мыслящие люди, не решающиеся отстать от знакомого берега и пойти путем самостоятельным. Если живость ума, темперамент или жизненные явления заставят их вдуматься в эту программу, то ее здание почти целиком рухнет в их глазах.

Некоторые из составных частей либеральной программы, несомненно, почтенные, созидательные и душеполезные, войдут, конечно, как строительный материал, в новую постройку воззрений и жизненной практики. Вряд ли можно, например, отрицать справедливость равенства всех пред судом или необходимость заботиться, прежде всего, о нуждах народной массы, благополучие которой составляет силу государства; вряд ли можно отрицать необходимость просвещения народа или предпочтительность в области духовной, творчески-

нравственного воздействия, а не материального... И людям противоположного направления, борющимся теперь с заблуждениями отживающего либерализма, придется заговорить по-иному, отказаться от некоторых крайностей, дающих силу... только их противникам.

Строго говоря, понятия «либерализма», «консерватизма» и тому подобные этикетки уже отживают; они искажены, отменены, полуразрушены жизненной практикой. У крайних даже консерваторов чаще всего встречается широчайшая терпимость, т. е. либерализм в идеальном смысле слова, а у крайних либералов — деспотизм и черты рьяного сыщика, доносящего на своих противников на три фронта: и их собратьям, и «либеральному судилищу», и начальству. С другой стороны, игнорирование жизни и приверженность к устарелым аргументам у некоторых людей первой категории, по своим последствиям, может быть названо «белым нигилизмом»; а прогрессисты мнимые, заматерелые на своих шаблонах, отстаивая то, что наука отвергла, — являются истинными ретроgrадами.

Настоятельно нужна *переоценка ценностей*... Переворот в воззрениях неизбежен. Если бы Н. С. Лесков⁸ теперь написал «Смех и горе», то оно вышло бы гораздо пикантнее, чем двадцать лет назад: уж больно много людей «не на своих местах и не при своем деле». Добросовестные, самостоятельные взгляды не могут окаменеть и нуждаются в развитии, в постоянных поправках, сообразованных с живою правдою.

Я лично на себе испытал такой радикальный переворот под влиянием ряда ярких, вопиющих фактов, воочию доказавших мне и несостоятельность, и глубокую безнравственность именно приведенного главного пункта, буржуазно-либерального исповедания. Мне довелось видеть на кавказской окраине⁹, как плутократическая армянская стачка, захватив в свои руки все жиз-

ненные силы целого края, не исключая совести многих представителей служилой интеллигенции, орудовала всеми заповедями либерализма для того, чтобы совершать и прикрывать самые бесчеловечные, самые противообщественные деяния. Выборное начало служило незаконному преобладанию и неправому стяжанию армянских богачей; формально-правовой порядок — успехам, опять-таки, представителей этого изворотливого народца, с которыми на попроще судебной казуистики не могут соперничать сыны племен более наивных и благородных, в том числе русские.

Отсутствие искренно-продуманного национального направления в экономической политике повлекло за собою материальное закабаление, опять-таки, даже представителей «господствующей» народности, которая, для блага самих же кавказских туземцев, должна бы занимать в крае достойное, авторитетное положение. Куда ни глянь — везде было то же самое, как результат отвлеченной, нежизненной программы, проникшей не только в наше общественное сознание, но и в склад наших учреждений. Мучительно до нестерпимости было глядеть на неизъяснимые, бросающие тень на наши правящие классы страдания русских простолюдинов, погибавших и от беспомощности в тяжелых естественных условиях, и от нестроения местных дел, и от сатанинской бесчеловечности враждебно-влиятельных инородцев, порою беспрепятственно к ним применявшейся. Эпопеи духоборческая и переселенческая таковы в своих подробностях, что свидетелям хоть некоторых эпизодов нельзя вспоминать о них без суеверного ужаса.

Любому русскому «интеллигенту», заучившему на школьной скамье ряд теоретичных воззрений, не оправдываемых жизнью, полезно бы поближе присмотреться к тому, что совершается в этом крае. При малейшей склонности к добросовестному, самостоятельному мышлению,

он сперва будет испуган и возмущен, а потом взглянет на указанные явления, как на пробный камень, неопровержимо доказывающей нелепость или неискренность шаблонно-либеральной программы.

Но вот что особенно типично: всякий раз, когда приходилось разоблачать наглядными фактами те или иные дрянные стороны местной жизни, — это вызывало яростнейшие нападки со стороны наиболее известных представителей современной либеральной печати. Этими последними наглядно проявлялось чувство совершенно одинакового достоинства с чувством дореформенных взяточников, готовых утопить в ложке воды всякого, кто откроет те или иные темные шашни. Очевидно, эти люди «не при своем деле» состоят! Какая-то принципиальность нехорошей тайны! Мне вначале прямо не верилось, что такое явление возможно; я приписывал его недоразумению, клевете, устно и письменно выяснял некоторым, лично знакомым, ревнителям «прав человека» истинное положение вещей; показывал им характерные письма духоборов, русских простолюдинов, наконец, даже туземцев, пригнетенных местною инородческой плутократией; ссылался на факты, официально констатированные лучшими представителями русской власти.

Помимо всяких личных соображений, которые при настоящей убежденности роли не играют, — разгоралась во мне до крайности принципиальная любознательность. На одной чашке весов — реальные народные страдания, издевательство над законом, нравственностью, культурой; на другой — приверженность к программе, которая опровергается и наукою, и жизнью. Что перевесит? Неужели факты, наглядные, бесспорные, не имеют силы убеждения?..

Оказалось, что не имеют. И здесь, как и в других сферах жизни, против неискренности и ханжества какие угодно факты бессильны! Тут властвуют и лож-

ное самолюбие и слепое партийное буквоедство, и, в единичных случаях, побуждения, гораздо менее извинительные, выясняющие, почему упомянутый пункт занял такое преобладающее значение в программе российского либерализма...

Люди, перед которыми развертывалась во всех неприглядных деталях картина, бегло здесь очерченная, не могли не понять, что упомянутая неискренность коренилась и в несостоятельности самой программы, и в нравственно-гражданском уровне ее ревнителей, о которых пришлось сказать: «Эге! Голубчики, так вот вы каковы!..»

К такому выводу, незаметно для самой себя, под влиянием мало-мальски серьезного столкновения с живыми явлениями действительности, приходит постепенно вся добросовестно мыслящая часть русского общества. Шаблонные теории отпадают, постепенно шелушатся при будничных спокойных условиях, а при виде народных страданий переворот в человеке с сердцем совершается мучительно быстро и резко: либерализм без народолюбия и с непременною уступкою всего национально-заветного, — да это банкирский, гешефтмахерский либерализм, а не ревность о «правах человека»! Что нам до отвлеченного человека, — когда живому нашему соплеменнику и брату надо помочь исполнить долг духовно развитого гражданина?! Отойдите, книжники и фарисеи! Переоценку ценностей! Отбросить надо истрепавшийся, разлагающийся хлам!..

Но без формул, без программ никакое мыслящее общество не может и не должно обходиться.

Какова же будет формула, которая взамен отжившей даст более честный ответ на запросы действительности, залечит раны прошлых скорбей и ошибок, сольет различные общественные слои в дружную семью, во имя блага родины и реальных прав живого человека?

Заранее начертать ее трудно, так как она еще в периоде зачатия для большей части нашего образованного общества. Несомненно одно: что органически составною, созидающею частью ее должна быть и будет струя русской самобытности, стремление к упрочению и развитию наших исконных творческих начал. Это подтверждается многими знаменательными признаками. Это — явление, представляющее глубочайший философский, научный и жизненный интерес, — главный интерес нашего времени, так как речь идет о коренной перемене целого мирозерцания.

Это — явление, по жизненным последствиям своим, приблизительно равноценное преобразованиям времен Петра Великого, положившим начало необходимому нам культурному сближению с Западом и нашему мировому политическому могуществу. Начинаясь теперь национализация русской мысли и жизни должна быть признана таким же шагом вперед, как упомянутые преобразования, ибо она является признаком здорового органического усвоения полезных нам начал, сообразованного со свойствами нашей самобытности; при разумной работе придется отбросить только лишнее, противоречащее нашим исконным устоям и творческим началам.

Люди, наиболее верные этим началам, пламенные и чуткие, — наши славянофилы, — давно уже повели работу в желанном направлении; труд их своевременно сделал свое дело, оздоровляющим образом повлиял и на часть нашего образованного общества, и даже, отчасти, на степень жизненности нашего законодательного развития.

Но, так или иначе, преобладающего значения они не получили, так как и наша гуманитарная наука, и большая часть влиятельной печати, и общественные кружки находились и доселе находятся во власти устарелого ныне подражательного западнического направления; устарелого потому, что, как выше сказано, на За-

паде и серьезная наука, и жизнь уже вступили на иной, более разумный путь.

Мы так привыкли за триста лет без особенного разбора заимствовать многое у Западной Европы, что невольно, по поводу замечаемого теперь подъема национальных чувств, возникает вопрос: не заимствуем ли мы и теперь это течение у кого-либо из соседей, хотя бы, например, у германцев, зашедших по этому пути, пожалуй, даже слишком далеко?

На этот вопрос, к счастью, приходится ответить отрицательно. Если были и бывают по этой части заимствования, то исключительно в редких крайних и не всегда искренних проявлениях русского национализма, напоминающего в таких случаях прусское «юнкерство»; иногда, при полной искренности и благородстве побуждений, некоторое «западничество» консервативного национализма выражается в примеси узко-сословных или узко-полицейских (в стиле Лоренца фон Штейна¹⁰) воззрений на нашу государственность.

Истинно-творческий подъем русской национальной идеи следует признать явлением естественным, результатом не только непосредственно вызвавших его отдельных событий, но и государственного созревания нашего в широком историческом смысле этого слова.

Воплощением нашей зрелости и духовной силы явился Царь Александр III¹¹, венценосный провозвестник и ревнитель русской национальной идеи. Завет Его выполняется и преемственно-державными трудами и свободным творчеством той части русского общества, которая оказалась на высоте этого призвания.

Так как никакое серьезное национальное движение немислимо без исторической школы в широком творческом значении этого слова, то в память безвременно угасшего Самодержца возникло «Общество ревнителей русского исторического просвещения». Не-

торопливо, без рекламы и шума, но неуклонно выполняет оно свою благородную задачу, распространяя знание истории и любовь к русскому заветному прошлому в правящих классах и давая народной массе здоровое патриотическое чтение.

Затем, с лишком год тому назад, возникло и с чрезвычайною быстротою разрослось своеобразное «Русское Собрание»¹²; невзирая на крайне расплывчатую формулу коренных статей устава и на единичные слабые попытки истолковывать и применять эту формулу способами, бесполезными с точки зрения сосредоточения русских духовных сил, — молодое общество успело уже зарекомендовать себя как орган трезвого русского самосознания, свободный от мелкого политиканства и увлечения пустыми фразами, склонный к добросовестной спокойной работе.

В Харькове, по почину профессора Вязигина¹³, возник небольшой журнал «Мирный Труд», вокруг которого группируются ревнители национальной идеи. В Москве кружок националистов, с г. Герасимовым во главе, издает весьма интересные сборники, дышащие любовью к русскому делу. Надо надеяться, что эти благие начинания разовьются.

Быстрый успех обоих вышеназванных обществ объясняется прежде всего тем, что вопрос назрел — и многим разрозненным русским людям, думавшим родную думу, достаточно было только найти желанные очаги, чтобы броситься к ним отогреть наболевшую душу, истомленную долгим безвременьем и насильственно навязанною ложью противонациональных программ. На разных окраинах, где с особенною остротою чувствуется несостоятельность этих последних и сознается необходимость углубить и утвердить русскую идею, силу и престиж, — раздались восторженно-приветные голоса, и сердца забились радостною надеждой.

Движение это, повторяю, создано самою жизнью — и потому неизбежно разрастется в мощный всепобеждающий поток: это Антей¹⁴, стремящийся прикоснуться к родной почве и предчувствующий свою будущую силу.

От людей, не примкнувших еще к этому течению, но и не возражающих целиком против него, приходится слышать иногда такое суждение:

«Ну, хорошо-с! Пусть развивается русское самосознание на окраинах, где у нашего народного дела несомненно есть сплоченные, организованные враги! Это можно понять; с натяжкой можно допустить то же самое по отношению к нашему космополитическому Петербургу. Но, помилосердуйте, разве в какой-нибудь Тульской или Смоленской губернии не преобладают русские люди? В каком «обращении» или «обрусении» они еще нуждаются? Чего им достигать?»

В ответ на это можно спросить, в свою очередь:

«А разве эти бесспорно-русские люди, образованные по-заморскому в наших университетах туляки, калужане, смоленцы и т. д., по складу мыслей своих близки к народной среде!? Разве их культурная работа, — общественная, казенно-служебная и частная, — приносит все те живые плоды, какие она принесла бы, если бы эти деятели были усовершенствованными типичными представителями русского племени, а не полуиностранцами или просто беспочвенными «интеллигентами»?»

Не бывает ли случаев, когда эти люди, сами по себе, быть может, вполне достойные, подвергают народную массу экспериментам, в силу своих отвлеченных взглядов, и причиняют ей ненужные стеснения и даже огорчения? Смотрит ли на них народ, как на ближайших своих просвещенных друзей и надежных руководителей? Наконец, в случаях, когда происходят столкновения интересов между ними и крестьянами, то разрешаются ли эти столкновения так, чтобы духовная связь разных эле-

ментов родной России оставалась по существу верною нашим историческим земским заветам, нерушимо благо-родною, сердечною?

Старая формальная связь, основанная на принуждении с патриархальным оттенком, реформою Царя-Освободителя расторгнута; и слава Богу: крестьянин, кормилец Земли Русской, стал полноправным гражданином! Но значит ли это, что он уже не нуждается в постоянной культурной помощи образованных правящих классов? Или, как думают некоторые доктринеры, правящих классов вовсе не нужно, а нужны только избирательные ящики и шары, причем шары пьяного сапожника и трезвого мыслителя должны иметь одинаковую ценность? Но существует ли в мире хоть один действительно культурный народ, которому достаточно состоять из одних только крестьян, а не нужно никакой умственной аристократии, поддерживаемой и внешними условиями и традициями, чтоб эту высокую роль выполнять свободно и с достоинством?!..

Разве теперь не нужна связь на новых, более высоких началах между этими членами единой семьи? Может ли достойно жить великая нация, жизненные силы которой разрознены или враждебны между собою? Создать такую добровольную связь труднее, чем принудительную! Тут есть над чем призадуматься, есть над чем поработать!

Такой работы, положим, сделано много, и притом людьми по-своему искренно народолюбивыми, между прочим, и сердечно-чистыми учениками фарисеев либерализма. Но можно ли отрицать, что их труды зачастую носили отпечаток односторонности, тенденций разрознивающих, а не созидательно объединяющих русскую жизнь?! Разве не было целой категории выборных мировых судей, решавших дело в пользу крестьянина, даже когда прав не он, а помещик? Положим, из среды

с другим направлением потом выдвигались иногда земские начальники, склонные поддерживать барина. И то и другое не желательно, не нужно, является результатом и фактором пагубной розни во взглядах и жизни! Куда ни глянь — всюду выросла эта рознь! Разве мало было приговоров общих судебных установлений, извращающих народный взгляд на правосудие? Разве мало, наконец, беспочвенная интеллигенция вообще вносила нелепой смуты в помещную жизнь и обывательское сознание.

Почва для этой смуты была готова, так как еще не зажили раны от произведенного реформами разрыва органических частей русского строя. Новому полноправному гражданину сразу мудрено было отделаться от жгучих воспоминаний рабства, о которых с такою проникновенною христианскою любовью говорит Тютчев¹⁵:

«Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,
Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет...
Кто их излечит, кто прикроет?
Ты, риза чистая Христа!..»

Увы! Наиболее шумная и энергичная часть нашей интеллигенции, во имя отвлеченных, иногда даже отвлеченно благородных, но мертворожденных теорий, отрекалась от живой помощи Христа, и это пред лицом наивно верующего народа, и в такой исторический момент, когда *только на этой основе*, освящающей благоденственное и мирное житие, можно было созидать цепь новых отношений?! Что мог думать народ о них, о самом себе, о положении вещей в России, о новом пути, открывавшемся пред ним? Свои права он сознал довольно быстро, под влиянием самозванных учителей и собственного инстинкта; но так ли быстро и глубоко сознал он от-

вечающие им *обязанности*, являющиеся единственным серьезным признаком истинного гражданского роста? События последних дней дают неутешительный ответ на этот серьезный вопрос...

Так или иначе, ни один добросовестный наблюдатель русской жизни не станет спорить против того, что для установления нормальной и плодотворной связи между разрубленными реформой частями русского национального организма нужна вдумчивая систематическая работа, вдохновленная беззаветною любовью к родине. Нужны, стало быть, очаги, где бы сосредоточивались и разрастались эти чувства и разрабатывались эти спасительные мысли. Ведь ничто не делается само собою, ничто не дается даром; да и не прочно то, что дается даром...

Во внутреннем духовно-национальном подъеме, а не в окраинной борьбе заключается сущность нашей задачи и главный смысл культурного патриотизма. Окраинная борьба до известной степени неизбежна и необходима, но для русского достоинства важно и для дела полезно, чтоб она велась во всеоружии благородного национального самосознания, а не посредством вспышек чисто зоологического патриотизма, иногда неумеренного и даже неискреннего. При лучших условиях эти порывистые вспышки, иногда несомненно вызываемые горькою необходимостью, приносят сравнительно малую долю пользы, свидетельствуя попутно о том, что русский центр, небогатый возвышенным самосознанием, шлет на окраины людей, не стоящих на высоте своего созидательного и воспитательного в государственном смысле призвания.

Общий подъем самоотверженного, вдумчивого патриотизма, дружная работа общества рука об руку с правительством, без доктринерской вражды или холопского фрондирования по отношению к представителям и си-

стеме государственного дела, — вот что нужно теперь нашей родине, вот что должен ей дать и непременно даст подъем национального самосознания.

Конечно, неизбежны при этом и борьба возрений, и недоразумения, и ошибки, — но главное течение должно направиться по этому руслу. В наши дни живет-ся тяжело именно потому, что это течение не вошло еще в должную силу.

Либерализм не удовлетворяет никого, топчется на месте, все более отставая от жизни; устаревая местами аргументация консерватизма требует обновления; босячество и иные формы общественной анархии имеют успех *не как направление*, а скорее, как *наркотическое развлечение* общества, тоскующего именно от отсутствия определенных творческих идеалов.

У каждого времени есть своя общественная гармония, свой синтез, своя равнодействующая борющихся течений и воздействий, по которой при нормальных условиях должен проходить путь общественного развития... В нарастающий новый синтез, надо полагать, войдет все жизнеспособное и ценное из двух противоположных программ, устаревшие формулы и даже названия которых отойдут в область истории.

Говоря серьезно о подъеме национального самосознания, нельзя не иметь в виду мнений двух замечательных русских умов: К. Н. Леонтьева¹⁶ и Вл. С. Соловьева¹⁷. Первый, как убежденный консерватор и государственный, опасался неумеренного национального подъема, грозящего, по его мнению, прорывом целостной государственной гармонии; второй, как ревнитель нравственно-религиозной идеи, признававший за государством высочайшее воспитательное значение, опасался возведения национальной идеи в культ языческий, с прорывом тех нравственных норм, в которых государство должно черпать силу и усматривать свою общечеловеческую цель.

Это — опасения, которые необходимо иметь в виду при обсуждении вопроса о границах уравновешенной национальной идеи. Своевременно придется вернуться к более подробному обсуждению приведенных взглядов; пока же достаточно отметить, что оба носители этих взглядов были, тем не менее, пламенными русскими патриотами, каждый на свой лад. Очевидно, голос природы был сильнее умозаключений, и силою вещей в них было достигнуто совмещение того, что казалось им несовместимым.

Даже если допустить, что эти мыслители правы с точки зрения общественной психологии, если, действительно, в подъеме национального самосознания есть опасная оборотная сторона медали, то все же вопрос об этом новом течении является главным вопросом наших дней, подлежащим возможно более продуманному решению.

Он поднят не случайно: правда, и все, что происходит у наших западных соседей, и окраинные дела и делишки наши подняли и обострили интерес к нему; но первопричиною и коренным возбудителем его приходится признать всю совокупность явлений русской жизни за три столетия, в особенности за XIX век. Тут действует начало стихийное, которого остановить нельзя, а можно лишь отчасти регулировать.

У многих русских людей это стихийное начало находится еще в периоде бессознательном и в противоречии с теми взглядами, которые они исповедуют, так сказать, машинально, под влиянием плохо поставленной школы, тенденциозной печати и поверхностных разговоров с многочисленными представителями шаблонных теорий. Поэтому необходимо обоснование самой законности, научной и жизненной ценности данного вопроса.

Блаженной памяти славянофилы трудились над ним, частью с большей или меньшей наглядностью за-

имствуя аргументацию и даже идеи у западных писателей (например, Н. Я. Данилевский¹⁸ — у Рюккерта¹⁹), частью черпая это чутьем в стихийных началах русско-славянской народной сокровищницы. Как сказано выше, они не имели решающего успеха, — быть может, потому, что общественное развитие быстро шло у нас по иному пути.

Раз отвергнутые формулы и показавшаяся неубедительной, хотя бы самая стройная аргументация, обыкновенно получают печальное наследие в виде неразумного предубеждения против них со стороны последующих поколений. Кроме того, с одной стороны, на Западе за последние годы обоснование национальной идеи стало на значительно более твердую теоретическую и практическую почву; и многое, бывшее при славянофилах предметом спора, ныне уже спору едва ли подлежит; с другой стороны, и русская жизнь дала ряд весьма ценных указаний, которыми удобнее воспользоваться, не стесняясь рамками прежних националистических формул. Ввиду изложенного, мне не придется в следующих главах этого труда часто прибегать к помощи тех незабвенных деятелей, которым русское общество обязано неугасимостью национального самосознания. Практически важнее теперь исследование выросших с того времени новых данных.

Не беру на себя смелости всестороннего разрешения поднимаемого здесь насущного вопроса: пусть это сделают заправские ученые, светила общественной науки, — если, как я надеюсь, найдутся среди наших ученых люди, не утратившие русского национального чувства во всей его полноте и творческой силе. Одно это чувство и заставляет меня взяться ныне за перо. Дай Бог хотя бы правильно поставить поднимаемый вопрос, хотя бы вызывать сознательное к нему сочувствие!..

ОТВЛЕЧЕННЫЙ И ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК

Какой бы ни возник серьезный, крупный вопрос в жизни любого из европейских народов, можно быть вполне уверенным, что смелая попытка разрешить его прежде всего делается во Франции, в этом горниле гениальной мысли, яркого творчества и самоотверженного стремления к истине, в этом нервном чувствилище людской собирательной личности. Сходство многих черт племенной и общественной психологии русских и французов и долгое воздействие этих последних на наше общество – все это побуждает меня, при обсуждении указанного в заглавии вопроса, воспользоваться данными французского опыта для «русских речей».

В первой Февральской книжке «Revue des deux mondes¹» за 1901 год, известный французский критик и публицист виконт Э. М. Вогюэ² затронул в статье «En seuil d'un siècle» (На пороге века) весьма существенный для всего современного человечества, и в частности для родины автора, вопрос *о соотношении между космополитизмом и национализмом*.

По справедливому замечанию почтенного академика, потомки Адама встречают нынешний новый век гораздо менее спокойно, чем прежние поколения. Мы нервны, мы не без основания мнительны, подобно Филиппу III³, предчувствовавшему свою кончину. Покуда

речь еще не о кончине, но будущее несомненно чревато грозными загадками. Самая запутанная и громаднейшая задача, которую предстоит разрешить наступившему веку, — это конфликт между космополитизмом и национализмом. Автор спешит оговориться, что употребляет оба термина не в ходячем партийном их применении и толковании, ибо, по его мнению, политика — самая неточная из всех наук и превеликая мастерица уродовать слова, которые нужны ей не столько как средства для точного определения понятий, сколько как метательные снаряды.

Вогюэ сравнивает наше время с периодом распада Римской империи, когда потомки квиритов⁴ должны были чувствовать то же, что ныне современные националисты. Со времени того великого кризиса, вопрос никогда еще так не обострялся, как теперь. В средние века широкое лоно христианства и феодальная идея заменяли или устраняли национализм. Эпоха возрождения имела также значение нивелирующее. Национальное чувство стало *определяться* лишь с образованием больших современных государств, а развилось и обострилось оно благодаря частым войнам. Религиозные войны XVI века привели к обособлению англичанина, германца, испанца, итальянца и др. Вопреки утверждению космополитов, считающих свое учение прогрессивным, *Вогюэ совершенно справедливо отмечает отсутствие постоянного соотношения между успехами цивилизации и ростом космополитического сближения народов*; это последнее в XVII и XVIII вв. идет наглядно на убыль. Тогдашнее влияние французских нравов и идей на остальные народности и страны не может быть названо победою космополитизма, так как этот последний обуславливается *взаимностью* воздействий. Воздействие же одностороннее сопряжено всегда с немалым вредом, с ломкою естественных форм жизни и неприятным гнетом. Пример

такого явления автор видит в воздействии петровских реформ на Россию, до последнего времени проявляющегося в нравственном и бытовом раздвоении.

Французская революция в конце XVIII века, в порыве метафизического увлечения, изобрела *отвлеченного человека* и до того отреклась от понимания действительности, что в программу ее вошло даже отрицание того религиозного источника, из которого непосредственно вытекли, так называемые, «великие принципы». Восставшие «освободители человечества» стали штыками вводить в Европе новый космополитизм и... вызвали невиданную дотоле реакцию национального чувства. Автор справедливо приписывает такой неожиданный результат именно тому, что в наступательном космополитизме поднялась мутная волна жестокой «животности»; Наполеон⁵ обобрал и обагрил кровью всю Европу, которой, конечно, не могла прийтись по вкусу подобная «проповедь свободы». В руках проповедников изменились семена — и скоро на деле показались всходы национальной идеи, окрасившей собою весь прошедший век.

Наука, имевшая претензию сблизать народы, весьма усердно послужила именно *обособлению* тех, кого мнимо «либеральное» вмешательство Франции заставило познать и отстаивать свою самобытность. Археологи, филологи, историки, благосклонные критики и т. д. усердно послужили национальной идее, даже на Балканском полуострове, где дотоле были, по мнению г. Вогюэ, народы без истории. Объединяются Италия и Германия, первая при непосредственной помощи Франции, вторая — благодаря слабости ее сопротивления. В Австрии национальные вопросы довольно давно уже отодвигают на десятый план все прочее...

Правда, другие науки (преимущественно точные) и их плоды — развитие техники, промышленности, путей сообщения, методов труда, городские удовольствия, нра-

вы и обычаи — все это вливает широкую струю космополитизма в жизнь крупных европейских центров. Париж во время последней выставки напоминал собою древний Рим на закате могущества, но только новейшее смешение языков было еще гораздо богаче, пестрее и шумнее. Но все это далеко еще не предрешает, по мнению Воюэ, победы космополитизма; и если его представители, стригущие человеческое стадо, возлагают преувеличенные надежды на успехи нивелирующих течений, то они напрасно забывают, что каждому серьезному приливу космополитизма соответствует естественно протестующий взрыв национальной идеи. Пример событий, последовавших за первой Французской революцией⁶ в Европе, весьма поучителен. Да и в настоящую минуту стоит призадуматься и над героической борьбой Трансвааля⁷ и над гордиевым узлом далеко не разрешенных китайских осложнений⁸.

По мнению автора, национализм и космополитизм — принципы между собою непримиримо враждебные, — и неизвестно, который из них победит в борьбе. Двадцатый век будет посвящен, главным образом, этой борьбе, которая в частности уже весьма болезненно отражается на современной французской жизни. Франция встрепенулась, испугалась, увидев, что ее заедают посторонние элементы, что она отстает от соседей в отношении расового роста и экономического прогресса. Она чувствует, что горе ей, если она утратит главную силу созидания и самозащиты — свое национальное нравственное единство.

Проявление инстинкта самосохранения началось с *протекционизма*, рост которого, по мнению г. Воюэ, неизбежно будет ограничен насущными требованиями самой же экономической жизни. Затем испуганными французскими патриотами была замечена склонность перенимать иностранные произведения, идеи и фор-

мы, могущие, по их мнению, обезличить даже французскую литературу и искусство. Стремление отстоять «латинский гений» выразилось, между прочим, в демонстрациях против вагнеровских опер. Г. Вогюэ справедливо осуждает резкость такой реакции, указывает, что Франция во дни литературного расцвета не боялась заимствовать чужое, и находит, что надо избегать лишь механического восприятия внешних духовных даров, а необходимо стремиться к их усвоению, т. е. к претворению их в продукты национального творчества. Усвоение есть признак здорового, смелого организма.

Космополитизм и национализм – факты, влияющие на практическую жизнь, и с ними нельзя не считаться. По мнению Вогюэ, надо, по возможности, произвести между ними «разверстание угодий». Во имя цивилизации и идеи всечеловечества, следует любезно принимать в своем доме зарубежных гостей, но не следует подозрительным гостям давать ключи от своего дома. С этой точки зрения зарубежное господство над клеточками разных частей организма Франции, или отраслями ее управления, нельзя не признать ужасным. Этот факт, быть может, преувеличивается встревоженными националистами, но напрасно космополиты стараются вовсе отрицать его, относить к области злостных выдумок или призраков. Вряд ли один призрак мог бы так взбудоражить целую страну, затронуть ее насущные интересы. Неверно и указание космополитов на то, что Франция не встревожена. Если тревога еще не вызвала серьезного протеста против указанного гнета, и если этот протест нашел себе сравнительно не очень серьезное выражение в парламентских голосованиях, выборах и т. д. — так это потому, что избирательное начало есть нечто несовершенное, рутинное, зависящее от причин случайных и неосмысленных; прежде всего, к стыду для всякого народоправства, орудием выборов являются деньги. Смут-

ное неудовольствие, однако, стихийно растет и является все более ярким показателем того, что Франция видит хозяйничанье космополитической камариллы, и чаша национального терпения все наполняется.

Космополиты возразят, что сетования эти неосновательны: кто способнее и искуснее — тому, мол, и книги в руки. Г. Вогюэ на это правильно отвечает, что *общество целой страны не есть школьный класс, в котором награждают лучших учеников; общество — нечто более сложное; основные права его членов истекают из иного источника*. Пусть англичанин или немец искуснее меня во многом: я признаю его превосходство в отдельных специальных отраслях и предоставлю проявить его, *но не дам вытеснить себя с родной земли, на которую я имею особые неотъемлемые права, ибо она состоит из праха многих поколений моих предков. Вот где самый центр тяжести вопроса*.

У национализма есть и философское обоснование: он с успехом может противопоставить правам разума *реальные права бессознательно творческого инстинкта*. Если в прошлом веке поклонялись разуму, анализу и критике, то в конце века философы всех стран воздали особый почет бессознательному творчеству, усмотрели *в инстинкте* истинный источник силы, *запас живучести рас*. По всему видно, что это воззрение подтверждается жизнью.

В заключение г. Вогюэ рекомендует правителям своей страны не закрывать глаза на реальные факты и считаться с их последствиями, ярко проявляющимися не только во Франции, но и в других странах. Он отмечает, что подъем национализма повсеместен, и потому надлежит смотреть на него, как на общее, а не единичное или случайное явление. Будущим правителям французского народа предстоит задача, требующая большого чувства меры или вкуса, вообще свойственного французам, и по-

тому задача осуществимая: *искусно лавировать между подводными камнями двух крайностей, уметь сочетать гостеприимство по отношению к иностранцам и справедливость к маленьким инородческим группам, с незыблемым принципом, в силу которого «ключи от французского дома» должны находиться в безусловно надежных родных руках.*

Статья виконта Вогюэ написана красиво, тактично и... немножко поверхностно. По поводу нее вспоминается тезис академика из романа Додэ⁹: *L'academie est un salon.* Г. Вогюэ говорит, как в салоне или в академии, предпочитая ставить вопрос, нежели разрешать его, предпочитая удовлетвориться беглым намеком, нежели утомить свою раздушенную аудиторию. Многое приходится читать у него между строк. Еще больше заставляет читать между строк сама жизнь, выдвигающая разбираемый вопрос в формах зыбких и еще не вполне отчетливых, оставляющих значительный простор и анализу, и чутью. Почтенному академику спасибо за то, что он счел уместным заговорить на эти темы, но к его интересным соображениям можно и нужно добавить весьма многое.

2

Весьма любопытно то, что даже такой умный писатель, как виконт Вогюэ, ставит национализм и космополитизм на одну доску, как понятия более или менее *равноценные* и, с точки зрения науки, равноправные, доступные общему масштабу. Может быть, почтенный академик в душе и смотрит на дело иначе, но он не подчеркнул существенной *генетической* разницы между обоими понятиями. Это необходимо сделать.

Национализм – факт по преимуществу *естественный*, корни которого надо искать в психофизической природе человеческих групп, именуемых расами. Он

плод того инстинкта, который существует и будет существовать, пока не переведутся на земле живые организмы. Трудно себе представить такие объединительные течения, моды и условия жизни, которые бы могли стереть глубокие черты этого, по одной из основ своих, *зоологического патриотизма* человеческих племен.

Космополитизм, как плод не инстинкта, а мысли и чувства, есть явление *преимущественно искусственное*, производное: недаром самое яркое выражение его совпало с изобретением несуществующего и не могущего существовать *отвлеченного человека*. Космополитизм следует признать, конечно, лишь преимущественно, а *не безусловно* искусственным, так как одним из факторов его является свойственная более или менее всем людям мечта о едином человечестве – доброе побуждение, которое тоже отчасти, но только отчасти, можно назвать естественным. В природе ведь не одна борьба, но и симпатия, и симбиоз. Но последнее все-таки представляет собою некоторого рода роскошь или духовный десерт, а десертом сыт не будешь.

Непонимание истинной природы и пределов влияния космополитизма и национализма, невзирая на очевидные успехи последнего в XIX веке, – почти повальное в нашем современном обществе. Реальные факты говорят одно, а человеческие мозги продолжают твердить крепко заученный урок из старого учебника, плод долгих идеологических заблуждений. У этих заблуждений есть своя история – весьма интересный эпизод из общей истории социально-политических парадоксов.

Вскоре по изобретении пороха и пушек, сделавших феодальные твердыни значительно менее неприступными, усилилась в Западной Европе королевская власть, опиравшаяся вдобавок на противовес, который оказывали феодалам буржуазные, городские классы населения. Под влиянием этого тогда возникла *безусловно неверная*,

но оправдывавшаяся тогдашними обстоятельствами мысль, что государство есть *механизм*. Эта мысль нашла себе философское выражение и сильно упрочилась за долго еще до Французской революции конца XVIII века, которую она даже отчасти вызвала. В силу неисправимой склонности человечества к парадоксам, в XIX веке эта мысль была поддержана *обособившеюся* естественной наукой, которая свела все к какому-то машинальному развитию материи, сама ограничила и поле своих исследований, и богатство своих выводов.

Настоящее естествознание, не закрывающее глаза на реальные факты, должно было бы авторитетно поддерживать и национальную идею, и многое другое, не исключая даже религии¹⁰, а между тем наука, столько шумевшая о своей независимости от каких бы то ни было «предрассудков и суеверий», склонила свои знамена перед противонаучным и противофилософским суеверием позитивизма и подала руку механической теории. Эта последняя, в сущности, царит доселе и в законах многих стран, и в печати, и в жизни, то в форме добросовестного дилетантского непонимания, то в виде лукавых оговорок, ради целей, не имеющих ничего общего с исканием истины.

Казалось бы, что может быть нелепее? *Если отдельный человек признается за организм с живыми психофизиологическими функциями, то почему объединенная происхождением и расовыми чертами большая группа людей считается, ни с того, ни с сего, механизмом?* Новейшие труды по общественной психологии представляют сплошной и ярко талантливый протест против такого заблуждения: они наглядно выясняют, что *и племя, и народ, и государство, и даже отдельные, ярко окрашенные бытовыми условиями группы людей – суть живые организмы, жизнь которых нормируется особыми естественными и духовными законами.*

Ипполит Тэн¹¹ в одной книге, написанной значительно ранее его гениальных исторических трудов, проводит, между прочим, неверный и впоследствии им же отринутый взгляд: он говорит, что мозг новорожденного человека похож на белый лист бумаги, на котором жизнь (воспитание, среда, случайные встречи и т. д.) напишет свои буквы. Неверность такого взгляда доказывается целым рядом строго научных сочинений о наследственности не только физической, но и духовной. Эту наследственность легко проверить каждому наблюдательному человеку на практике.

Наследственность в большинстве случаев восполняется и *поддерживается* воспитанием. Лисица учит своего детеныша красть кур и заметать след хвостом; заяц – отыскивать капусту, бегать побыстрее и притворяться мертвым; лев – отважно нападать на врага, а крот – делать подземные ходы. Горец дает своему ребенку кинжал, русский мужик сажает его на снопы, везомые с поля, а армянин или еврей приучает его к счетам и торговле. Так было издревле, так будет еще очень, очень долго, если не до скончания веков.

Если взглянуть в исторические судьбы народов, то нельзя не заметить, что расовые особенности их характера, в большинстве случаев, только *развивались*, а не при-туплялись под влиянием внешних условий. Положим, какая-нибудь раса отличается корыстолюбием и вообще наиболее дорожит материальными благами; пока другие народности сражаются и идут на смерть, отстаивая свою веру, или династию, или культуру, или хотя бы самолюбие, – корыстная раса торгует, пресмыкается перед силою, лжет и лукавит. Ее орудие – хитрость, клевета, подкуп и т. д. К открытой государственной жизни она неспособна, так как *не-подпольное* государство требует смелости, правды, самоотвержения, бескорыстия, готовности неумоимо служить высшей идее и умирать за нее.

Люди, лишенные таких качеств, пользуются обыкновенно пренебрежением своих соседей, терпят несправедливости и грубый произвол – и в течение веков раса их, кроме наследственных рабских черт, все более окрашивается и благоприобретенными.

Если вслед затем наступает мирный правовой порядок, которому не придадут жизненности практические административные меры, то картина междуплеменных отношений очень резко меняется. Если орлу обрубить крылья, когти и клюв, то змея ужалит и убьет его. Вчерашний раб остался по существу рабом, а на практике стал жесточайшим тираном, потому что, кроме рабского корыстолюбия и веры в ту темную силу, которая помогала ему некогда спастись от гонений, в нем кипит еще жажда мести к своим бывшим утеснителям, его честолюбие беспредельно, как беспредельно было прежде его унижение...

Что же? Вечно ли ему оставаться в рабстве? Увеличивать ли наслоение злобы и попрапия человеческого достоинства, чтобы корысть и жестокость все возрастали? Едва ли нравственный человек согласится на это! Такой языческий взгляд противоречил бы основам христианской или просто гуманитарной культуры: *идеал человеческого равенства и братства воцарился над образованным миром, и свергнуть его нельзя.*

Но как относиться к нему? Если пристально взглядеться в жизнь, то *возможно ли добросовестно сказать, что он уже осуществлен, или хотя бы осуществим немедленно?!* Есть пошло мыслящие люди, относящиеся к жизни формально, довольствующиеся ходячими этикетками и в силу этого говорящие, что идеал равенства и братства осуществим немедленно: стоит только *считать* всех людей равными и дать им одинаковые не только гражданские (в смысле X тома¹²), но и *политические* права.

Это отчасти повсеместно и сделано. Результаты такого заблуждения повсеместно и видны. Хищники и неправые стяжатели не перевелись на свете, а только тип их изменился: что прежде достигалось грубою силою и мужеством, то теперь достигается пронырством, темными проделками и всяческою ложью. Раб становится господином, а господин, так сказать, разлагается и все более принимает не сродный ему рабский образ. В междуплеменных отношениях происходит быстрый переворот: в расовой и даже сословной борьбе одерживают победу именно духовно низкие элементы, при помощи черт характера, некогда позорных, а ныне выгодных, и особенно при помощи рабской способности ко всяким подпольным организациям.

В этой области новые повелители доходят до виртуозности: они наверняка знают всегда, какое письмо нужно вскрыть, какую телеграмму перехватить, каким страстям властного лица польстить, какую мелкую сошку подкупить или напугать. Их оружие — золото и ложь, их союзники — человеческие страсти и слабости, а больше всего — человеческое недомыслие. Они прогрессивны в том смысле, что немедленно применяют к своим целям те культурные приобретения или явления, которые не вполне еще поняты остальными расами или общественными слоями, которым идеализм мешает понимать многие явления.

Так, например, вся грозная сущность летучей ежедневной печати понята в России лишь немногими государственными деятелями или просто образованными людьми, — а уж эта печать заполонена разлагающим рабским элементом, достигающим в ней и посредством нее наглейших форм неправого господства. Ученый химик трудится над комбинациями разных составов, а представитель корысти применяет плоды науки к медленному убийству людей посредством фальсификации.

Законодатель-гуманист вводит выборную равноправность, а на практике ее очень ловко эскамотируют¹³ в свою пользу именно наиболее пронирыльные рабские элементы, немедленно становящиеся жестокими господами. Все, что формально, а не жизненно, все, что омертвело или загрязнилось, — становится поприщем или добычей паразитизма.

В недрах каждой народности происходит, с большей или меньшей резкостью, подобная эволюция. Но вопрос значительно обостряется и может возрасти до роковых для государства размеров, когда речь идет о массовой междуплеменной борьбе, грозящей одному из противников экономической и духовною погибелью. Если одна народность слишком сильно разовьется, *как паразит*, а в другой усилятся признаки общественного разложения, — то *первая неминуемо будет стремиться к опустыванию второй или к резкому обособлению, смотря по обстоятельствам, а вторая даст такой процент преступности*, который при современной популярности «разрушительных технических знаний» может серьезно грозить общему спокойствию.

Всякое государство есть, прежде всего, *учреждение воспитательное*, а к Империи, собравшей в своих границах много разных племен, это определение еще вдесятеро более применимо. *Империя — педагогическое учреждение по преимуществу*, и потому мероприятия ее правительства должны вытекать из разумных принципов педагогики, основанных на глубоком, если можно так выразиться, естественно-историческом знании человека.

Национальный вопрос, созданный самою природой и выдвигаемый самою жизнью, непременно должен входить в государственную программу Империи. Все племена — *ее равно любимые дети*; каждому из них она должна прививать начала добра, справедливости и законности; но *педагогические приемы должны быть*

сообразованы с индивидуальными характерами как отдельных личностей, так и племенных групп. Применение одинаковых мер и предоставление одинаковых прав всем без различия было бы противно и здравому смыслу, и простой справедливости: чтобы эта последняя достигалась *взаправду, на деле*, нужно одних *поддержать* и не давать на съедение, а *других сдерживать* и умерить их аппетиты.

Конечно, эти меры должны носить *временный* характер и видоизменяться сообразно с успехами нивелирующего и *окрашивающего* государственного воспитания. Идеал равенства и братства должен сиять впереди неугасимо, но к нему надо идти разумным путем, а не ожидать, что он сам приблизится и, так сказать, достанется даром.

Не следует обманывать себя: применение выводов национального вопроса, то есть, удержание или введение некоторого неравенства племенных прав в правительственную программу, справедливое в больших цифрах, привело бы на практике к частным несправедливостям, иногда весьма тяжелым; у всякой народности есть отдельные люди, стоящие головою выше своих соотечичей и значительно приблизившиеся к желанному идеалу человеческого достоинства. Таких людей, конечно, надо *искать* и выделять, потому что они провозвестники культурного подъема своей народности и воплощенный залог ее дальнейшего развития. В силу приведенного принципа, их надо «экзаменовать» строго, но и награждать щедро. Конечно, при этом неизбежно все-таки будут встречаться частые несправедливости. Великий Гете¹⁴ прав, находя, что в области государственной *«несправедливость предпочтительнее беспорядка»!*..

Но указанный изъян, сопряженный с признанием жизненного национального вопроса, будет сторицею вознаграждаться благами истинной педагогики, которая

предписывает признавать самобытность единичных, классовых и особенно племенных характеров, уважать их достоинство, давать свободно развиваться их полезным способностям и с почтением относиться к их святыням. Стало быть, вопросы языка, литературы, исторических преданий, исповеданий и невинных обычаев должны при таком условии разрешаться весьма благоприятно для заинтересованных племен, – конечно, в таких пределах, чтобы самобытность не переходила во враждебное обособление. В частности, наше правительство почти всегда именно так и поступало, хотя не столько в силу вполне выработанной программы, сколько потому, что русская душа гораздо более склонна к пониманию чужих особенностей, нежели к их отрицанию или попранию. Этим, главным образом, и объясняется быстрый рост нашей обширной Империи. Меч ее непобедим, но любовь русской души еще победоносней.

Но пора эту любовь сообразовать с требованием разума и выводами общественной науки: истинная педагогика требует любви разумной и дальновидной, а не романтизма или сентиментальных побрякушек, наносящих только вред.

С другой стороны, понимание этой разумной любви необходимо тем, кого она избрала своим предметом. Это понимание достижимо лишь при помощи *самоопределения*: представители народностей, входящих в состав Империи, если желают ускорить свое приближение к общечеловеческому идеалу и вместе обеспечить своей расе спокойное культурное развитие, должны поработать над определением разумной границы своих племенных стремлений. Пока эта работа не будет сделана, они будут жертвами своих нервов и тех шарлатанов, которые играют на народных нервах, и тех карьеристов, которые этим пользуются. Только разумное и спокойное отношение заинтересованных народностей к

национальному вопросу может привести к его мирному и справедливому разрешению.

К сожалению для обеих частей человечества, – как мыслящей, так и подчиняющейся чужим мыслям, – старое заблуждение относительно «отвлеченного человека» все еще держится и даже преобладает; оно вбивается в молодые головы еще на школьной скамье доктринерами или корыстными шарлатанами, а затем поддерживается в печати, философски отсталой или субсидируемой внутренними и внешними врагами тех государств, над разложением которых эти враги работают.

3

Из этого нелепого воззрения вытекла наивная *вера в панацею, в живую спасительность учреждений*. И мера вещей, и смысл истории при этом игнорируются самым недобросовестнейшим или самым невежественнейшим образом. У нас, *даже среди преподавателей истории*, имеется множество людей, либо находящихся, что «только конституция обновила бы Россию», либо «признающих», что «мы *еще не доросли до конституции*», но непременно дорастем. Те и другие убеждены в неизбежности *для всех народов* следующей смены режимов: монархия неограниченная, монархия ограниченная, монархия ограниченная до сведения к нулю, республика аристократическая или буржуазная, потом демократическая, потом социалистическая, коммунистическая и... дальше остается что-нибудь вроде газообразного состояния народа...

Прогресс, по мнению этих «передовых» оскорбителей истории, заключается в быстрой смене режимов!... «Маленький прогресс» заключается, по их мнению, в слабом растворе этой тенденции, выражающейся хотя бы в «*духе*» учреждений. Учреждение – все! Если, например, народ проявляет мало энергии в самоуправ-

лении, в области экономической и т. п., то сторонники механической теории или ее бессознательные рабы начинают кричать: «Дайте ему более широкое самоуправление – и все расцветет!»

Вернее предположить, однако, что не народный характер изменится в угоду закону или распоряжению, а что новые учреждения будут извращены бытовыми условиями и явятся воплощенным противоречием и подрывом тех принципов, которые они призваны выражать и проводить в жизнь. Засядет там пронырливое паразитическое меньшинство и станет обманывать и эксплуатировать основной народный элемент, менее склонный к политике и менее изощрившийся в ее хитростях. Поэтому, если в какой-нибудь местности вводятся учреждения, позаимствованные из чуждого ей мира и не отвечающие народному характеру, то это и по принципу, и по последствиям не есть успех цивилизации и не шаг вперед по пути действительного государственного объединения, а поступок разрушительный или, по меньшей мере, бессмысленный.

Вообще, *механическая теория*, в силу своей доктринерской отвлеченности, даже в единичных применениях, есть источник смуты, путаницы, нарушения естественного порядка и потому, в итоге, — начало разлагающее, революционное. Особенная осторожность нужна при введении правовых понятий. Например, судебная реформа принесла неисчислимый политический и нравственный вред на некоторых азиатских окраинах наших. Когда человек знает тамошнюю жизнь не по газетам, не по комфортабельным гастролям или официальным отчетам, зачастую весьма неискренним, то его, разумеется, не порадуют громко ликующие телеграммы об открытии формально-правовых учреждений у каких-нибудь каракалпаков! Он знает, что за этот «бумажный» успех поплатятся, прежде всего, местная народная масса, а за-

тем и государственный интерес. В самой же науке права, добросовестно воспринятой, можно найти осуждение такому ненормальному воздействию на жизнь, плохо оправдываемому «победами цивилизации» и служебно-публицистическим усердием...

Государство не только обеспечивает народу само-бытное существование, но, как выше сказано, является и воспитателем его, в той мере, в какой народы вообще доступны воспитанию, то есть устранению отрицательных черт и повышению положительных. Пределы такого воздействия, однако, довольно ограничены, как это наглядно показывает история. Ввиду изложенного, учреждения должны быть (и живые учреждения всегда бывают) *не столько творцами новых жизненных явлений, сколько их результатом, оформленным выводом и временным закреплением в целях достижения устойчивости и наглядности жизненных форм.*

Прочно и целесообразно можно строить лишь на почве народного характера, вообще мало доступного коренным изменениям. Пересадка естественных англосаксонских учреждений на французскую почву привела к перемежающейся лихорадке революции и к упадку могущества первой некогда мировой державы. Недавно один англичанин весьма остроумно заметил, что Франция сделала двойную ошибку: позаимствовала свои учреждения у Англии, а союз заключила с Россией, тогда как ей, в силу расовой французской психологии (склонности к централизации и малой способности к самоуправлению), следовало бы позаимствовать учреждения у России, а в союз вступить с Англией, своею ближайшею соседкой.

Более или менее серьезные изменения народного и государственного характера достигаются лишь путем *органических воздействий*: или посредством *слияния* данного народа с другими расами, или *натиском резких*

перемен в области экономической, нарушающих условия землепользования, питания и размножения, то есть посягающих на весь жизненный строй.

Расовый вопрос имеет коренное значение: общественная психология, не принимающая его серьезно в расчет, теряет реальную почву и впадает в доктринерское пустословие. Современная западная наука уже открыто признает это, и лишь тенденциозные или бессознательные сторонники разлагающей механической теории продолжают упорствовать в застарелом заблуждении.

Перемена взгляда на основы общественной психологии влечет неизбежно и отказ от неверных терминов. Возьмем, например, постоянно искажаемые термины «цивилизация» и «культура». Объединяющие успехи точных наук, усовершенствованные методы познания, плоды техники и промышленности, а также усвоение преимущественно теоретически (т. е. более умом, чем нравами) правовых и иных гуманитарных понятий, — все это может быть с относительной точностью названо в совокупности единою и, притом, *современною* европейскою *цивилизациею*. Теперь *ее* черед, подобно тому, как некогда царили цивилизации индийская или египетская. Но это вопрос лишь *гегемонии*, а не абсолютного и вечного владычества.

Кроме единой для данного момента преобладающей цивилизации, то есть *наиболее богатой общей сокровищницы наиболее развитых собирательных членов человеческой семьи*, у этих собирательных членов есть свои самобытные *культуры*. *Единой культуры нет и быть не может*; противоположный взгляд, столь часто встречаемый за подписями демагогов публицистики, есть результат бессознательного или тенденциозного служения все тому же механическому доктринерству.

Культура — понятие естественно-научное, которое должно соотносываться с природой, считаться

с характерными особенностями рас. Культура чайного куста – одна, яблони – другая, винограда – третья. Культурная яблоня дает плоды высшего качества, потому что садовник изучил природные силы дерева и подействовал их развитию, заботливо устраняя все, им несвойственное, и уже отнюдь не навязывая посторонних элементов.

Человек, конечно, не дерево, и в теории додумался даже до всечеловека, а в революционной практике попытался даже «обнять это необъятное»; но *постоянство органической разницы в расовых свойствах*, хотя и в различной мере, безусловно признается наукою; при серьезном отношении к делу, оно должно быть положено в основу научного различения нескольких самобытных культур и практического соображения с ними всех общественно-политических мероприятий.

Культура данного народа есть повышение его природных сил и созидательных особенностей. Его миросозерцание органически дорастает до своих высших пределов, а творчество в области жизни (государственные и общественные формы) и в области мысли и чувства (религия, литература, наука, искусство) дает наиболее пышные плоды. Эти высшие результаты, будучи, сообразно со степенью талантливости народа, более или менее ценным вкладом в сокровищницу всечеловечества, отличаются, вместе с тем, яркою самобытною *расовою окраскою*. Данте¹⁵ прежде всего итальянец-католик, Вольтер¹⁶ – скептик-француз, Шекспир¹⁷ – потомок грубоватых и смелых мореплавателей, Пушкин – воплощенное русское сочетание идеализма с реализмом, Шиллер¹⁸ – представитель старой романтической Германии, с несколько ходульной головной, а не сердечною добродетелью, а Ницше, модный Ницше – выразитель теперешней, утучненной стяжанием, наступательно буржуазной германской империи. В девизе

«Deutschland ueber Alles¹⁹» слышен голос зазнавшегося ницшеанского «Uebermensch'a²⁰»...

Расовая разница особенно резко проявляется именно на вершинах творчества, невзирая на их общечеловеческую ценность. Нужно ли говорить, что не всем народам даны одинаковые плоды, не только по качеству, но и по категориям: в силу расовых черт или условий природы у отдельных народов отсутствуют целые отрасли духовного творчества. У греков была несравненная скульптура, отвечавшая духовным потребностям и облегчавшаяся обилием камня; у арабов камня много, но, по причинам духовным, скульптура не возникла. В России наглядны внешние причины слабого развития скульптуры: камня мало, а вдобавок холодно, так что приблизительно обнаженное человеческое тело можно видеть лишь у героев г. Максима Горького.

С другой стороны, в творчестве религиозно-государственном, религиозно-философском и христианско-литературном Россия неизмеримо сильнее и самобытнее, чем в секуляризованных формах жизни и сухо отвлеченных сферах мысли. Один уже государственный строй ее, в своих основных чертах, есть показатель высокой *самобытной* культуры, могущей дать со временем спасительные уроки западным соседям, которых у нас до последнего времени было принято в слишком многих вопросах считать учителями.

Дайте арабу или персиянину английские учреждения – и он либо взбунтуется, если не упустит удобного момента, либо развратится до мозга костей, либо, по меньшей мере, будет крепко сбит с толку. Левантинцы²¹, в жилах которых течет, однако, изрядная толика западно-европейской крови, и другие европеизированные восточные люди, представляют собою одно из противнейших искажений, до каких доходил когда-либо духовный облик человека.

И физический, и духовный склад народов — суть явления *природы*, к которым необходимо относиться как к таковым. Нормальное междуплеменное сближение достигается лишь в мере, допускаемой этими естественными условиями. Забвение этой жизненной истины прежде всего невыгодно для общего мира.

Основую национального сознания, становящегося по необходимости воинствующим или оборонительным национализмом, является, таким образом, *сама природа*, поднимающая голос, когда ее не принимают во внимание или попирают. Оттого в последнее время, когда общественная психология опирается на естественную науку, освобождаемую от измышлений позитивизма, национальная идея находит авторитетную поддержку в серьезной науке. Истинное ее понимание, а равно и здоровое отношение к вопросам социально-политическим пока еще не часто выходят за пределы небольших, специально осведомленных кружков, так как оно искусственно тормозится людьми, заинтересованными господством путаницы в социальных понятиях. В частности, у нас в России такие книги, как общественная психология Лебона²², сочинение Гобино²³ о неравенстве рас, прелестное исследование Гастона Бержера²⁴ «*Principes de politique*», и т.д. — или замалчиваются передовыми журналами, или забрасываются грязью, дабы и читать их было неповадно.

Интеллигенция, идущая на помочах у шумной части печати, не всегда же, однако, будет в таком положении; выводы науки неизбежно проникнут в общественное сознание. Недаром, по другому поводу, гр. Алексей Толстой²⁵ писал бывшему начальнику цензуры Лонгинову:

У науки нрав неробкий!
 Не заткнешь ее теченья
 Ты своей дрянною пробкой!..

4

В резкой расовой разнице, замечаемой между племенами Европы и Азии, судя по всему, скрыт глубоко нравственный творческий замысел; из нее психологически вытекло уважение к самобытности племен, отдельных родов, а затем и к человеческой личности вообще. При условии серьезного понимания недоступных уничтожению пределов этой разницы только и достигается истинная междуплеменная гармония, при которой люди и племена участвуют в общем благом деле без ущерба своему достоинству и естественному духовному росту.

Социальные бедствия, вытекающие из навязывания посторонних культур истинно самобытным народам, буквально неисчислимы, как это наглядно видно на племенах разных частей света, физически и нравственно вымирающих даже от мирного соприкосновения с белолицыми «культуртрегерами»²⁶. Прививки усовершенствованных зарубежных форм и понятий, однако, органически нужны каждому народу, но лишь в пределах и при условиях, указываемых его природой, его способностями и характером. Так, например, из всех петровских реформ наиболее успешно привилась у нас армия, так как народ наш инстинктивно склонен подчиняться осмысленной дисциплине, исходящей от сильной центральной власти; точно так же богатейшие литературные всходы за краткий период времени у нас являлись результатами, между прочим, и западных посевов; у народа было что сказать – и из тайников его души полилась живая речь, отличаясь все большим отражением самобытного содержания на заимствованных формах. Важно именно то, чтоб это были *прививки*, а не механические наслоения или приставки.

Стоит только взглянуть на народы не как на математические числа, податное стадо или пушечное мясо, а как на живые организмы, – и целый ряд вопросов выяснится, во славу законодателя и на благо пасомым: и влияние климата, и роль экономических условий, и все, что обуславливает духовную и телесную жизнь. Например, российские немцы, кровные братья германских, гостеприимнее, чем тамошние; виною тому, конечно, не столько пример окружающей русской среды, сколько суровый климат, при котором понижается уровень не только политической, но и бытовой, а в частности уличной и ресторанной общественности. С другой стороны, даже русского, православного человека немецкого происхождения можно почти всегда отличить от коренных русских по складу ума и чертам характера. Влияют и среда, и условия природы, и слагающееся по воле истории общественно-политическое воспитание, – но главное именно в основных расовых чертах, меняющихся лишь под влиянием органических факторов.

Скрещивание рас – вопрос, крайне существенный, которому люди придавали весьма серьезное значение в древности, когда они более чутко относились к природе и когда опустошительное нашествие отвлеченных идей не пронеслось еще по головам европейского человечества, на горе всходам здравого смысла и политического естествознания. В старину поощрялись браки с одними племенами и воспрещались с другими, очевидно, на основании данных опыта. История эволюции взглядов на расовый и национальный вопросы представляет глубочайший интерес и является ключом к пониманию этого дела, особенно необходимому в наши дни.

У каждого из древних коллективных членов человеческой семьи была своя заслуженная репутация, которой соответствовали формы и пределы его прав у соседей. Даже между близкими разновидностями человеческих

типов проявлялась резкая рознь, обуславливавшаяся пониманием природы и инстинктивной заботой о сохранении ее особенностей. И доселе у некоторых народов, *не испорченных*, не одураченных отвлеченными обобщениями «цивилизации» и близких к природе, сохранилось во всей полноте проникновенное понимание расовых различий. Оно влечет за собою, как напр., у горцев, рознь и борьбу; но несомненно, что и человек, преследующий задачи объединительные и примирительные, должен знать такие различия, считаться с ними, *строить* на них свои мероприятия. Иначе он – не вождь или начальник народа, не администратор в реальном смысле слова, а жалкий доктринер, обреченный на неуспех, очень дорого стоящий государству. Как совершенно верно сказал гр. Л. Н. Толстой²⁷ по другому поводу, природа жестоко мстит за нарушение ее законов. *Доктринерская* нивелировка чего бы то ни было живого и самобытного обречена на неудачу. Древние попытки исключительно насильственного объединения больших человеческих групп, восточные деспотии, – включая сюда монархию Александра Македонского²⁸, – всегда были непрочны; их сила, блеск и шум были скоропреходящи, подобно весеннему половодью.

Невидимым дотолем, сильным объединителем народов явился Рим, выдвинувший и небывалую военную организацию, и серьезную созидательную силу в области права. Римское право, вначале *глубоко почвенное* и имевшее в виду стройное мирозозерцание исключительно римлянина, лишь постепенно, по мере роста государства, стало перестраиваться на новых, более широких основаниях, уступая, путем преторских смягчений, не только требованиям общечеловеческой отвлеченной гуманности, но и реальному натиску *инородческих влияний*, которые мало-помалу достигли сперва прорыва римской духовной замкнутости, а затем и фактического распада самой римской империи.

Смягчались *гражданские* нормы и, в органической связи с этим, расширялись *политические* права инородцев. Борьба патрициев с плебеями была, в сущности, *расовой борьбой*, хотя, по-видимому, и между родственными племенами, не равноценными в культурно-созидательном отношении. Потом, в конце этой фатальной для Рима эволюции, полные гражданские и вместе политические права (между которыми существует и должно проводиться на практике существенное различие) стали достоянием даже таких чужеродных для Рима элементов, которые отнюдь не могли, по духовному складу и жизненному обычаю своему, считаться истинными представителями великого Рима. Получилась подтасовка понятий и притом *на практике*, т. е. в учреждениях. Учреждения не устояли — и вечный город рухнул, не выдержав натиска более молодой, инстинктивно сильной и органически здоровой племенной самобытности. Весьма знаменательно, что расцвет отвлеченно тонкого римского права и его кодификация завершились не в самом Риме, а уже в новом, пестро-культурном центре, в Византии...

В этих правовых итогах довольно ярко проступает уже *отвлеченный человек*, конечно, в той сравнительно скромной мере отвлеченности, какая допускалась древними практиками. Рим по натуре не был мечтателем, и даже нивелирующие учреждения свои окрашивал по возможности сильно, так что инородец, добившийся полноправия, мог не иначе, как с глубокою гордостью, говорить: *Civis romanus sum!*¹²⁹...

И невзирая на такую окраску, отвлеченный «*civis romanus*» сперва ослабил, развратил, унизил, а потом и убил римского квирита.

Достоин особого внимания взгляд некоторых историков, усматривающих в социально-бытовом воздействии евреев одну из существенных причин разложения и гибели «железного Рима». Они были его ржавчиной.

Но человечество несомненно нуждается в некоторой дозе действительно облагораживающих — отвлеченных — общечеловеческих понятий. Доза эта меняется в связи с требованиями истории, то увеличиваясь, то уменьшаясь.

Шедшее по направлению ко все большей отвлеченности римское право подготовило массу тогдашнего человечества к восприятию иных и *иначе объединяющих* начал христианской религии. В период наиболее сознательного развития своего мирового могущества, Рим, однако, весьма считался с расовыми особенностями покоряемых народов, — и, например, на Востоке зачастую не посягал на самобытные политические формы, довольствуясь лишь их подчинением себе; понимал он и значение скрещиванья рас, для чего и посылал свои легионы на зимовку в места, определенные не одними только стратегическими соображениями. Успех похищения сабинянок³⁰ был понят и оценен по достоинству.

Но при всем том, в старом Риме была все еще весьма сильна закваска квиригской исключительности; кровь латинской расы глухо протестовала против многого, что явилось неизбежным плодом непомерного роста империи. Так дальше идти не могло — и расовые причины, гораздо более, чем внешние обстоятельства, вызвали создание *христианской империи не в Риме, а на новом месте*. Римлянину, в силу его психофизического склада, гораздо более была свойственна временная диктатура, оправдываемая войнами, нежели прочная разноплеменная империя, освящением и психическим основанием которой может быть лишь *монотеистическая религия*.

Для такой империи все условия нашлись именно в Византии. В этой психической разнице между Римом старым и новым можно найти весьма ценные данные для определения социально-политической творческой роли и свойств религии.

Религия, призывая людей к братскому единению, отнюдь не наступательно космополитична, так как она хочет *единения*, а не уравнивания, — она хочет *милости*, а не *жертвы*. Слова Писания о том, что не будет «ни эллина, ни иудея»³¹ нельзя принимать за программу искоренения расовых особенностей этих народов, а лишь за призыв к установлению между ними духовной близости и доброго жития. Приводимые там же слова «и той же самарянин»³² косвенно подтверждают последний вывод; еще более подкрепляется он предписанием Спасителя идти и *учить все народы*: соответственно этому и апостолы, по сошествии Св. Духа, *заговорили на языках разных народов*, очевидно, не в видах заставить эти народы забыть свои языки, т. е. поступиться существенным проявлением природной самобытности.

Ясно, что *религия*, серьезно понимаемая, *является не разрушительницей, а даже опорой племенной самобытности* и национальной идеи, облагораживая эту последнюю и давая ей свое оправдание. Космополитизм — измышление беспринципного, язычески настроенного торгово-промышленного класса, плод не всегда бескорыстного равнодушия к живым явлениям; а религиозный призыв к мирному единению народов есть акт творческой веры, повышающей эти явления.

На различные почвы упали семена религии и, достигнув, конечно, всеобщего повышения нравственного уровня, вместе с тем испытали на себе воздействие пестрой земной и особенно человеческой — расовой природы. Сперва обрядовая и догматическая разница между церквями, а затем и их резкое разделение, в связи с возникновением всяческих ересей, — все это не случайность, а *наглядно создано историей*; если добраться до корня вещей, то станет ясно, что это создано именно расовыми различиями, в связи с другими естественными причинами.

Римлянин, как глубочайший материалист-язычник, давно выработавший сложную и богатую театральными эффектами жреческую организацию и ритуалы, принудил и христианство войти в соглашение с этими требованиями. Почти девственный тогда в религиозном и культурном отношении славянин воспринял учение и символизм Церкви Восточной, причем даже тут не обошлось без второстепенных уступок трудно искоренимым бытовым особенностям, верованиям и другим проявлениям народного характера.

На почве необходимости для всех религий приспособляться к этому коренному фактору всякой народной жизни возникли на Востоке иконоборство и ислам. Если сумеет отличить разницу между абсолютным достоинством той или иной религии и ее приспособляемостью к характерам различных народов, то придется признать, что для некоторых народов при современном уровне их развития, ислам, например, является наиболее естественной и нравственно полезной формой богопочитания; его простота и строгость исключают опасность впадения в бессознательное язычество, которое мы видим у некоторых южных христианских народов, или опасность образования мелких теократий³³ (вроде армянской, несторианской и др.), являющихся *тайно политическими организациями* под религиозной личиной. Недаром один авторитетный иерарх высказал автору этих строк, что считает мусульманство по духу и нравственному уровню более близким к нашей вере, нежели упомянутые теократии.

После падения Западной Римской империи, тамошний христианский мир являет весьма любопытную картину недоразумений, вызванных ненормальными отношениями между религией и национальной идеей, или, тогда еще, национальным инстинктом. Воцарившись в Риме, бывшем объединителе человечества посредством

оружия, языка и законов, Западная Церковь усвоила себе ту же склонность и тот же арсенал, а германские варвары выдвигали своих *императоров* не только как конкурентов Церкви по части властного объединения, но и *как инстинктивный вначале протест против латинизации* в широком смысле этого слова.

Оба явления были ненормальны, так как религия есть путь к Богу, а не к навязыванию чужой национальной идеи; а империя, в истинном смысле этого слова, требует иного религиозного духа, нежели настроение и аппетиты германского императора Генриха IV³⁴. Этой империи пришлось сперва побывать в Каноссе³⁵, а затем вскоре выродиться; римская же теократия встретила серьезный протест со стороны реформации, корни которой следует искать опять-таки в расовых чертах северо-германских народов.

Со времени падения Западной Римской империи и вплоть до образования более или менее компактных значительных западных государств сознательное развитие национальной идеи нигде почти не проявлялось. Надо было сперва, если можно так выразиться, «переварить» новые для выдвинувшихся племен объединяющие начала: остатки крепко укоренившегося понятия «*civis romanus*», потом христианство, затем феодальный строй (резкость которого, по-видимому, объясняется расовыми различиями между «господами» и подвластной им толпой), потом широкую струю идей и знаний Возрождения и, наконец, научные открытия и изобретения, ставшие резким фактором социально-экономических перемен.

В частности, феодализм, с одной стороны, дал громадные преимущества идее личного и родового права перед национальной и государственным, т. е. создал особого рода «отвлеченного человека»; да и все прочие упомянутые воздействия, конечно, наносили значительный ущерб национальной идее, еле-брезжившей в сознании

западно-европейских народов. С этой точки зрения глубоко интересны разные французские мемуары, относящиеся даже к веку «короля-солнца» Людовика XIV³⁶; во время «Фронды³⁷» некоторые крупные феодалы совершенно не считали измену королю грехом против Франции, единство которой они, очевидно, слабо сознавали.

Такие сложные явления, как достижение государствами истинной национальной компактности и цельности, готовятся долго и создаются не скоро. Этот процесс и доселе завершился не повсеместно. Швейцария представляет собою, в сущности, не государство, а союз нескольких государств, объединенных главным образом условиями природы и отчасти исторической случайностью, а также тем, что почти вся страна превратилась в огромный космополитический ресторан с отдельными кабинетами для посетителей всех наций. Бельгия — историческое недоразумение, объясняемое и поддерживаемое соревнованием между большими соседями. Австрия — недоразумение в гораздо более крупных размерах; знаменитый дипломат, сказавши, что Австрию следовало бы изобрести, если бы она не существовала, явился отголоском механической теории, которой он посвятил первую половину жизни в рядах революционеров. С каждым годом Австро-Венгрия является все более шумным полем расовой борьбы, исход которой предугадать нетрудно, при условии невмешательства извне.

Даже Россия, объединенная сильною властью и славными традициями, за вторую половину истекшего столетия сделала шаг назад в области морального объединения под влиянием утопических правовых и политических понятий, вторгнувшихся в область законодательства и сильно повредивших органической здоровой, объединительной работе государства. Теперь даже в *завоеванных* местностях, купленных народною кровью,

можно на каждом шагу встретить духовно невежественных инородцев, не только не склонных гордиться званием русского «*civis romanus*», но даже дерзающих провозглашать, сидя на русских хлебах, свою принадлежность к изобретенным «нациям», не имеющим и тени исторического обоснования.

Всюду, где законы рассчитаны на пресловутого «отвлеченного человека» (а таких законов у нас премного), представители сплоченных инородческих организаций поднимают голову, оттесняют русских людей и обходят русский закон. Для Империи с разношерстным населением увлечение утопиями вдесятеро опаснее, чем для компактного, вполне национального государства. Это увлечение, обесцвечивающее и расслабляющее государственную жизнь, открывает слишком большой простор упомянутым организациям, не стесняемым никакими нравственными соображениями и действующим с жестокою практичностью.

Спешу оговориться: из дальнейших глав этого труда читатели, надеюсь, выведут заключение, что я вовсе не сторонник такой национальной наступательной идеи, которая бы отрешалась от высших требований человечности и стремилась бы посягать на те стороны инородческой жизни и мысли, которые составляют святыню для заинтересованных сторон; нет, мне только кажется необходимым добросовестный анализ междуплеменных отношений, свободный от шаблонных обобщений и имеющий целью благо и мир, а не раздоры и огорчения. Необходимо, попросту говоря, восстановление здравого смысла в этих вопросах.

Повсеместно национальная идея, строго говоря, вступила лишь в первый сознательный фазис широкого развития и далеко не сказала своего последнего слова. Попутно все более выясняется также, что повсеместно религия проявляется и еще более ярко проявится в бу-

душем именно как ее союзница: даже в настоящую минуту многие истинные французы, например, добрые католики, или защитники католицизма, по крайней мере, по соображениям политическим. Русским патриотам не мешает это знать и принимать к сведению: легкомысленное или враждебное отношение к вере отцов наших есть служение врагам русского дела, русской жизни, и силы, и правды.

Как подготовители, так и непосредственные вожаки революции XVIII века сознавали глубокую основную разницу между религией и космополитизмом — и недаром с таким ожесточением пытались с корнем вырвать христианство. Оно, несомненно, мешало их кровавым объединительным приемам, а кроме того, история доселе не выяснила с достаточной определенностью, какую именно роль в этой трагедии играли евреи, элементы летучие, подпольно-государственные, сплоченные между собою, искони являющиеся *противниками христианства и национально-государственного самосознания*, проводниками космополитизма, прикрывающегося громкими словами, но на деле беспринципного и противоестественного. Кто такие, например, были истинные руководители масонов? Теперешнее положение дел во Франции дает целый ряд характерных фактов, проливающих яркий свет на сущность данного вопроса.

5

Но присмотримся поближе к «физиономии» пресловутого «отвлеченного человека», портрет которого французская история написала чернилом, кровью и учреждениями не менее талантливо, чем русские шутники изобразили Козьму Пруткову.

Когда Вольтера, дрянного и вредного, но несомненно умного и даровитого человека, побили палка-

ми «люди» тоже дрянного и вредного, а вдобавок не умного и бездарного аристократа Рогана³⁸, причем самому же Вольтеру пришлось потом спастись бегством из Франции, то вполне естественно, что названный мыслитель-пессимист не мог не ухватиться за оптимистическую мысль *о правах* какого бы то ни было, *т. е. отвлеченного человека*. Вольтер, наживший значительное состояние не очень почтенными способами, не обладал и тою силою пламенного убеждения, которая была нужна для успеха «положительного творчества», хотя бы выражающегося в созидании правдоподобных воздушных замков; да и по характеру он был разрушитель, растлитель, духовный родственник Генриха Гейне³⁹ по восходящей линии.

Одним из теоретических «созидателей» отвлеченного человека явился Руссо⁴⁰, в биографии которого, не особенно назидательной, имеется немало личных причин для такой идейной работы. Этому талантливому человеку мы «обязаны», впрочем, главным образом, *настроением*, ведущим к созиданию отвлеченного человека. Систематической выработке этого последнего положил начало, скорей всего, Монтескье⁴¹ своим «Духом законов», теоретическою попыткою пересадки чужих учреждений *без сообразования с почвой*. Но и Монтескье гораздо менее отвлеченен, чем принято думать. Когда он бывает отвлеченен (и притом лишь по отношению к своей родине), то это происходит только *бессознательно*, в неумеренном увлечении строем, естественным и жизненным для другой страны. Наоборот, *по намерениям* своим он человек вполне почвенный, когда говорит, что *«законы суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей»*. Ясно, что признание *природы вещей* должно было бы последовательных, почвенных людей привести к выводам, не имеющим ничего общего с «отвлеченным человеком».

Между тем, Монтескье не без основания считается одним из родоначальников этого последнего.

Тут приводящею оказалась причина социально-бытовая. Беспочвенные понятия, или утопические формы понятий, разумных в основе при условии более скромных пределов, прививаются лишь тогда, когда находят соответственную, сколько-нибудь *беспочвенную среду*. А таковою во Франции была, во-первых, аристократия, разумно укрощенная кардиналом Ришелье⁴², но затем неразумно обезличенная Людовиком XIV, превращенная им в придворных трутней, оторванная от всякой почвы не только в переносном, но даже в прямом смысле, т. е. перебравшаяся в Париж из родовых поместий. Деревня при нормальных условиях умнее и нравственнее города!.. Но без аристократии, родовой и умственной, и деревня гниет, если она веками приучена к иным условиям. Беспочвенной оказалась и та часть разбогатевшей буржуазии, которая полезла в знать и бюрократию и старалась подражать придворным трутням. Социальное здание, органические скрепы которого были подорваны, разрушалось и сверху, и снизу.

Самый политический смысл был утрачен всеми классами общества, кроме одного: буржуазии, исподволь готовившейся дать генеральное сражение аристократам и на новый лад поработить народ. Само собою разумеется, что эта подготовительная работа происходила в значительнейшей мере *бессознательно*, стихийно, в силу природы вещей, как сказал бы Монтескье.

Знаменательно, что утратившая здоровую почву аристократия утратила вместе с тем и последние проблески инстинкта самосохранения: она упивалась и выцыганиванием социального строя, и даже наглейшими проектами «отвлеченного человека». Мыслители начали дело, а сила вещей довершила его. Конечно, это было гораздо больше делом разрушения, чем созидания...

Полились речи, начались, в значительной мере в силу тенденциозной финансовой политики, экономические затруднения; наконец, полилась и кровь.

Народился «отвлеченный человек», возвестил «свободу, равенство и братство»⁴³, заменил (хоть и не надолго) Бога — «разумом», заявил, что все люди и все племена равноценны (Каин и Авель, Марк Аврелий⁴⁴ и Иуда) и т. д. в том же духе. Началась очевидная подтасовка фактов и понятий. Где возможна успешная подтасовка, там непременно появляются шулера, в лице единичных людей (в клубах, на курортах и на поприщах карьеры), племен (в междуплеменных отношениях) и общественных классов (в социально-экономической области).

Кроме доктринеров и сентиментальных кровопийц, вроде Робеспьера⁴⁵, появился целый ряд шулеров, единичных и собирательных. Из племенных и вероисповедных групп Франции сразу же в барышах оказались элементы инородные и иноверные по отношению к главной народности — иудеи и протестанты; из классовых категорий — буржуазия, и притом худшие ее представители: дельцы, темные промышленники, так называемые «приобретатели национальных имений», пенкосниматели, эксплуататоры народа, говоруны, «танцующие на фразе», как сказал Андре Шенье⁴⁶...

С народной массы были сняты оковы, но готовилось ей бремя тягчайшее, ковались для нее цепи более крепкие... История показала, в чем они заключаются, а также начинает показывать, как нелегко будет порвать эти узы, не всем даже видимые и по-прежнему оправдываемые доводами «отвлеченного человека».

Роковым образом у этого субъекта оказалась странная способность саморазмножения и «самообострения». Исстрадавшаяся в новых социально-экономических райских кущах «свободы, равенства и братства», западная народная масса «видит» уже призрак еще более грозного,

еще менее церемонного абстрактного деятеля: это уже не человек, а гидра — многоголовая гидра анархии...

Урок истории, полезный для всех народов и времен, а в частности и для наших дней, которым приходится расплачиваться за прошлые ошибки и преступления...

Из всего вышеизложенного видно, что главную из пагубных ошибок Запада было именно измышление «отвлеченного человека»: вместо живых людей, классов, сословий и наций появились - как предметы философских мудрствований, политических, государственных и даже искусственно бытовых мероприятий – какие-то приведенные к одному знаменателю математические знаки, без самобытных черт, без исторических заветов, страстей и привязанностей, без живых особенностей чувства, мысли, речи и дела.

Так как противоестественная нелепость, хотя и осиянная громкими фразами, хотя и вооруженная взрывчатой силой накопившихся инстинктов и классовых стремлений, нигде не может быть принята добровольно всеми, то во имя этого разрушительного отвлеченного человека была пролита кровь, много крови. Потоками ее залиты страницы истории конца XVIII и начала XIX века; насилием вводилась «свобода», завистливым невежеством предписывалось «равенство», кровью ближних запечатлевалось «братство...»

Богочеловеческой религии, указывающей и осуществляющей истинный путь к высшим формам свободы, равенства и братства, вожди или рабы нового течения объявили борьбу нещадную, продолжающуюся доселе. Все высшие понятия о земных отношениях, почерпнутые из религии, были, так сказать, секуляризованы, лишены творческой жизненности, «закономерно» оформлены и новым общественным опытом быстро опошлены. Служить им стало выгодно — и соблазнились, хотя бы из тщеславия, даже многие жрецы строгой мысли, стро-

гой науки; иные обманулись добросовестно, охваченные повальным умственным недугом. Создалось мнимо-философское, мнимо-научное учение, вооруженное назойливым требованием, чтоб за ним было признано «положительное» значение, чтоб его сочли, прежде всего, близким к природе.

Религия, подвергающаяся и теперь во Франции тягчайшим, а именно бескровным гонениям, не сдалась, но и не одолела. Для веры нужна способность к ее восприимчивости, а эта способность ослабела.

Наука, долго томившаяся в плену условных вымыслов, не менее деспотичных, чем некогда инквизиция, стала возражать, сперва украдкой, робко указывая на данные добросовестного опыта, а затем смелее, выдвигая убийственные батареи строго проверенных выводов.

Этим достигнут первый основной успех здравого смысла и жизненной правды. Из храма серьезной мысли ревнителю «отвлеченного человека» отступили почти повсеместно в лагерь мысли поверхностной, торопливо-услужливой, ищущей денег и рукоплесканий, служащей страстям и слабостям толпы.

Отступление это было так шумно и даже грозно, что со стороны могло показаться занятием более выгодной позиции, тем более, что выводы науки, голос веры, внушения природы либо замалчивались, либо осмеивались насадителями общеупотребительных, эпидемических взглядов. И в настоящее время есть здравомыслящие, но мрачно настроенные или утомленные духовным безвременьем люди, полагающие, что господству утопического заблуждения, торжеству темной силы не будет конца.

Ни история, ни естественные науки, однако, не оправдывают такого взгляда. Не может быть, чтобы отвлеченный человек окончательно одурачил и заел живого.

История показывает, что и отвлеченный человек, прежде чем забрать такую силу, зародился и сформиро-

вался на довольно пустынных высотах мысли и знания. Теперь на этих высотах все более обрисовывается облик живого человека, энергичное негодование которого удесятерит силу умозрительных и научных выводов.

А внизу, в той долине, где кишит толпа, привычная получать с этих высот руководящие лучи, глухо слышится стон Антея, тоскующего по родной почве...

Слова торгующих будничною мыслью приедаются, обобщения истрепались, фразы примелькались и выветрились, умственный гнет раздражает уже многих...

Собираются тучи иных, животворных понятий над жаждущей землей — и недалек тот миг, когда живительный дождь смоет нечистые груды мусора.

На Западе уже идет этот дождь. Борьба с отвлеченным человеком началась и, вероятно, будет нелегка, так как там зараза проникла глубоко во все народные слои, привилась почти органически, наложила свою печать на учреждения, общественный быт и даже домашний обиход целых наций. Все, что покоится на лжи и связано с нею интересами, там стоит за лжеучения, отстаивает их упорно и умело, во всеоружии долгого политического воспитания и опыта. Естественно, что «отвлеченного человека» особенно энергично поддерживают представители тех народностей, классов и профессий, против которых у остального человечества исторически сложились небезосновательные предубеждения, поддерживаемые, вдобавок, вероисповедными различиями. Этим, главным образом, и объясняется то ожесточенное и недостойное по приемам гонение, которому подвергается преобладающая религия во Франции... Гонение, в итоге, полезное, так как оно всех лучших людей, сильных духом и чистых сердцем, привлекает на сторону гонимых.

На этой борьбе мыслящие люди многому учатся; между прочим, все более выясняется внутренняя близость между религией и национальной идеей. Церковь —

как явление живое, не только небесное, но и земное — в своей богочеловечности приспособляется к этой естественной почве, взращивает на ней плоды с различными свойствами, дорожит этими последними, как лигатурой для форм своего символизма, как залогом своей устойчивости в данной стране, у данного народа... Ясно, почему христианство ненавидимо, гонимо сторонниками беспочвенного отвлеченного человека и почему в самом понятии этого последнего заключается начало не только социального, но и духовного разложения.

Но вот что гораздо менее ясно и на первый взгляд кажется каким-то абсурдом: во имя отвлеченного человека, в постепенном разрушении всех органических устоев Франции, — да и не одной Франции! — участвуют, с полным единодушием, *еврейские миллионеры и... социалисты*; их ораторы и газеты зачастую говорят *буквально одно и то же*, невзирая на коренную, казалось бы, разницу между «миллионерством» и социализмом. Следует отметить, кстати, что *от анархических и коммунарских смут указанные финансисты обыкновенно не страдают*, — трогательная привилегия, весьма ярко освещающая вопрос. Очевидно, первая группа субсидирует вторую — и обе, при полном различии доктрин, служат общей цели: социальному и духовному *разложению* великой нации.

Духовное разложение сопряжено с пыткой, заставляющей опомниться все жизнеспособное и достойное гармоничной, цветущей жизни. Оттого за последнее время во Франции лучшие умы, представители науки, искусства, повременной печати, возрождают национальную идею и становятся, если еще не ревнителями религии, то защитниками ее от изуверствующего неверия или иноверия. Ряд блестящих трудов по общественной психологии (Лебона, Тарда⁴⁷, Гуайо⁴⁸, Мюрэ⁴⁹, и др.) и истории (начиная, хотя бы, с Тэна) выясняет коренные

вопросы современной общественно-государственной жизни. Мощное течение переходит в область внутренней и внешней политики, обещая серьезные перемены к лучшему. От исхода этой борьбы зависит пышное возрождение передовой европейской державы или ее низведение на уровень падших Афин, ставших добычею железного Рима, местом его художественных и иных, менее высоких удовольствий...

7

На железный Рим все более становится похожею Германия, где бряцание оружия слышится не только на парадах и военных обедах, но и за дипломатическими столами, и в религиозных организациях, и в литературе для юношества, и в сочинениях по политической экономии, — словом, буквально всюду! Национальная идея проникает насквозь, охватывает всю германскую расу, переливаясь далеко за политические границы. Она становится смыслом и целью жизни, поработая или принижая отдельные самобытно-высокие характеры; она превращается в языческий культ, за неумеренную приверженность которому этой расе придется еще когда-нибудь поплатиться сперва духовным, а затем и политическим величием. Истинная культура требует более гармоничного, более одухотворенного развития. В отсутствии этого условия зародыш упадка...

Причин такого неумеренного господства национальной идеи следует искать как в природном глубоком материализме германской расы, так и в ее истории, особенно недавней. Не только сознанию народа, но и нервам его памятно начало XIX века, когда понятия «отвлеченного человека» навязывались германцам гренадерами великой армии Наполеона. Уже тогда это вызвало и глухой протест и борьбу, вначале, впрочем, только на

ратном поле. Отвлеченные понятия, частью привившиеся к слабым разрозненным частям Германии, частью зародившиеся там на почве этой разрозненности, создали замечательно разработанный философский идеализм, бессмертный для сокровищницы человеческой мысли, но весьма недолговечный для самого германского племени. Оно духовно огрубело как-то сразу, неожиданно для соседей и, быть может, для самого себя. Возвышенный гегелевский «абсолют» сменился наступательным озверением Ницше... Заслуживает особого внимания характерный факт, отмеченный в великолепной книге Жоржа Гуайо «L'idée de patrie et l'humanitarisme»: Германия, в самый разгар обожествления своей национальной идеи, является вместе с тем усиленно работающей фабрикой понятий «отвлеченного человека», — конечно, исключительно *pour l'exportation*, — для вывоза! Немецкая националистическая в основе печать усердно поддерживает проповедь «всечеловечества» во Франции и России, хвалит возможно громче ошибки и заблуждения своих соседей, особенно невыгодные для них правительственные мероприятия, вредные выходы единичных деятелей и общественных групп. Заговорит ли гр. Толстой против государства и национальной идеи — его в Германии объявляют не только гениальным художником (что не подлежит, конечно, сомнению), но и величайшим решителем жизненных задач, — что совершенно недоказуемо; распространению же его идей в самой Германии немецкие патриоты препятствуют даже цензурными мерами. Потребуют ли французские космополиты или масоны упразднения постоянной армии — и их поддерживают масоны немецкие, которые у себя дома не дозволили бы распустить ни одного батальона. Нет-с! Эти вредные вещи только для вывоза! Точь-в-точь подобно тому, как происходит вывоз англичанами опиума и иных ядов в восточные страны, неблагополучные вследствие

слишком старой или слишком молодой цивилизации. Родством немцев с англичанами объясняется это сходство приемов и отношения к ближним.

Наличность таких соседей должна бы каждого заставить вдуматься в свое положение, проверить, не слишком ли много набирается в родной стране предметов подобного услужливого ввоза, в добавление к «залежам» их, скопившимся за прошедшее время. Особенно не мешало бы присмотреться к этому вопросу русским людям, — как облеченным властью, так и просто любящим свое отечество. Ведь эта любовь подобна храму, в котором нет ни больших, ни малых: каждый может служить родине по мере своих сил — и по внутреннему содержанию своему это скромное служение может быть равноценно самым громким подвигам. Необходимым для этого условием является *добросовестное*, недоктринерское отношение к России, как к живому собирательному организму, с самобытным строем которого надо считаться. Отвлеченному человеку у нас нечего делать: пусть он остается по ту сторону Волочиска и Вержболова!

ВРАГ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

В предыдущих главах недостаточно выяснена коренная черта «отвлеченного человека»: он враг общественной нравственности, враг всякой нравственности вообще.

Нравственность предполагает известное возвышенное отношение человека к Богу, к самому себе и к ближним. Так как, помимо религии, у нравственности не может быть критерия, то источником нравственности личной и общественной является благодать Божия; в силу творческого замысла ее, человек выделен из остального органического мира; она же затем дала ему Откровение в богочеловеческой религии для сознательного прохождения пути к вечному Первоисточнику правды и добра.

Задатки нравственности, несомненно, вложены в духовную природу человека и даже, так сказать, в план мироздания как одно из условий сколько-нибудь мирного совместного жительства людей на земле; с этой точки зрения довольно близки к реальной правде некоторые позитивисты (как, например, Литтре¹), находящие, что у нравственности есть органические корни. Ссылаюсь на это учение потому, что при всей своей доктринерской беспочвенности, позитивизм в данном случае невольно обмолвился правдой: как ее ни избегайте, как ее ни

прячьте, — она в нужных случаях сама за себя постоит. Кроме того, ссылка на позитивистов мне в данном случае важна потому, что среди этих последних насчитывается весьма много сторонников «отвлеченного человека», что является с их стороны нелогичными; очевидно, они в таких случаях либо искусственно замалчивают собственный же тезис об органическом происхождении нравственности, либо не умеют делать из него естественных, правильных выводов.

Наглядно судить об уровне нравственности человека можно лишь по его отношению к окружающему миру, т.е. главным образом, *к ближним*. В своих наглядных проявлениях нравственность носит непременно общественный характер, так как семья есть первая форма, основная ячейка общества. За семьей, объединяемую тесною, непосредственную органическую связью, идет племя, в постепенно расширяющемся смысле этого слова (фамилия, раса); затем государство, с преобладающе племенной окраской. Этим далеко не исчерпываются реальные группировки людей: союзы — классовые, сословные, религиозные, научные и иные, создаваемые на почве истории, под влиянием материальных и духовных потребностей человека, его стремлений и даже мечтаний, — то образуются в пределах расовых и государственных рамок, то далеко распространяются по лицу земли, не стесняясь географическими ее подразделениями.

Наконец, вдали мерцает идеал единого человечества...

Будет ли осуществлен этот идеал, — покажет история. Священное Писание говорит, что это наступит, когда будут новые небеса и новая земля. Значит ли это, что необходимо отказаться от идеала? Конечно, нет. Но несомненно, что надо стремиться к нему лишь путем, указанным самою природой. Указания человеческой природы, при мало-мальски сознательном знакомстве с историей,

весьма определенны и ясны; постепенность развития общественности (от семьи до гигантских человеческих групп) вовсе не обуславливается постепенным отмиранием или уничтожением первоначальных или переходных ее ступеней, а как раз наоборот: здоровая, сильная общественность возможна лишь там, где эти ступени не только сохраняются, но и продолжают влиять на всю жизнь, на весь строй. Когда погибла римская семья, стало разлагаться и римское государство; когда во Франции влиятельный высший класс утратил почву и жизненный смысл, началось разлагающее воздействие революции, пароксизмы которой могут довести великую державу даже до утраты самобытности.

Главные союзы, имеющие наиболее глубокое значение для человеческой жизни и нравственности, суть семья, государство и религия, дающая духовный смысл двум предыдущим формам человеческого общения и тесно с ними связанная. Остальные союзы, раскидываясь иногда на целый шар земной, касаются лишь отдельных сторон жизни и потому глубокого влияния нормально иметь не могут: постоянные отступления от их правил и требований совершенно неизбежны, хотя бы вследствие невозможности действительного контроля и в силу неодолимого разнообразия местных условий.

Высшею из наиболее обширных группировок человечества, осуществляемую с наибольшею полнотою и жизненностью, является государство, требующее притом здоровой семьи и здоровых отношений между общественными слоями. Если человечество и придумало иные, более широкие группировки, то во всяком случае до полного реального их осуществления дело не дошло, и, по всей видимости, не дойдет ранее появления новых небес и новой земли.

Всякий человеческий союз дает нравственные права и налагает нравственные обязанности, т. е. повышает

или, по крайней мере, должен повышать нравственный уровень человека, облегчая ему, вместе с тем, земное существование. В семье права и обязанности несложные, подсказываемые природою; осуществлять их легко и естественно, ибо для этого требуется минимум общественной нравственности, минимум усилий разума и сердца для подчинения личного эгоизма высшему объединяющему началу. Кому это не по силам, тот едва ли способен достичь высокого гражданского уровня, для которого требуется более серьезная победа над эгоизмом. Бывают, конечно, исключения, но они всегда носят характер случайный, иногда роковой: когда семейная жизнь слагается неудачно помимо воли заинтересованных сторон, порознь способных к хорошей семейной жизни. Когда же личный эгоизм является торжествующим правилом в семейном быту целого племени, то ни о какой общественной морали, гармонии и силе не может быть и речи. У одного африканского племени имеется целый цикл народных сказок, басен и рассказов, в которых сообщается, как отец семейства воровал пищу у жены и детей, наедался до пресыщения и затем гадостно потирал руки и скалил белые зубы, точно совершил подвиг. Немудрено, что этому племени приходится подпадать под власть всякого, кому не лень и не противно властвовать над подобными гибридами.

Враги государственности прекрасно понимают тесную органическую связь между семьей и государством. Недаром, во время разрушительной вакханалии 60-х годов, у нас торопились упразднить семью, уничтожить стыд и довести женщину до истерии. Недаром и в наши дни в буйных общественных кругах пользуются особой популярностью жрицы того «сверхцыганского» искусства, которое служит разнузданию страстей и разрушению семьи. Наполеон III² думал одно время порнографическою опереткою отвлечь своих подданных от

серьезной политики; природа вещей жестоко ему отомстила: история отвела ему самому опереточное место на своих беспощадных столбцах.

Весьма знаменательно, что наиболее добросовестные и духовно сильные представители нашего общественного движения 60-х годов, отрицавшие и брак, и религию, и многое другое, в личной жизни поступали иначе. Я знал одного из таких деятелей, который, случайно дойдя до близости с девушкой, не подходившей ему ни в каком отношении, счел долгом жениться на ней, *чтобы оградить ее от страданий*. Победа над эгоизмом дошла в этом достойном человеке до отступления от доктрин, которые он проповедовал. Помимо личного благородства, в нем говорила и катоновская³ честность: он, очевидно, сознавал, что нет на свете и не может быть общественной нравственности без живого, действенного элемента самоотречения.

Нравственность велит не только быть справедливым к ближним, но и любить их; любовь же, как и вера, без дел мертва. Осуществлять любовь по отношению ко всем ближним безусловно невозможно, так как даже круг человеческого знакомства ограничен, и в пределах этого круга большинство отношений поневоле поверхностны. Можно в теории (хотя бы даже не только умом, но и сердцем) любить всех людей, но на практике возможно проявлять это чувство лишь по отношению к тем немногим, которыми судьба окружит человека на жизненном пути.

Слово имеет цену, когда не расходится с делом, и настоящая любовь проверяется на деле именно по отношению к ближайшей среде человека. Если он для нее не умеряет своего эгоизма, то можно смело не верить его словам о любви к ближним. В любви, в победе над эгоизмом, больше, чем где-либо, необходимо *упражнение*, потому что она иначе из области сердца перехо-

дит в область воображения, от живой жизни удаляется в пустыню теории.

Человек, который бы отдал посторонним то необходимое, чего вправе ожидать от него присные, нарушил бы основной закон элементарной нравственности; с другой стороны, человек, который дал бы своим присным всяких благ в излишестве и вместе с тем безучастно глядел бы на голодную смерть чужого дитяти под окном, — одинаково прегрешил бы против нравственности; в первом случае он был бы рабом эгоистичного увлечения теорией (хотя бы и возвышенной по своим задачам), а во втором — он как семьянин явился бы представителем того *семейного эгоизма*, который свойствен животным и низшим человеческим расам и заслуживает названия *Affenliebe*, обезьяньей любви. Нравственное решение вопроса, очевидно, находится посредине между обеими крайностями.

Изложенным, надо полагать, достаточно доказывається необходимость существования *достойной* человеческой семьи как первоначальной ячейки, очага и школы для общественной нравственности.

Перейдем теперь к вопросу о государстве; создателем этого последнего является то или иное сильное племя, способное к культурным формам жизни, вследствие чего вопрос государственный, строго говоря, неотделим от племенного.

Как бы ни были разнообразны элементы, входящие в состав государства, *один из них* непременно должен иметь преобладающее, решающее значение. Иногда он сам представляет нечто сложное, производное от слияния двух-трех племен на рассвете их культурно-политической жизни. Но, так или иначе, он составляет особую человеческую *породу*, от психического склада которой зависят формы и судьбы политической жизни данного народа.

Это элемент, созидающий и окрашивающий все главное в жизни, и остальные племена, входящие в состав государства, подчиняются, более или менее добровольно, нормам, который он частью стихийно, частью сознательно вырабатывает во время своего исторического роста и развития. Без объединяющей идеи, без общей окраски, без известной доли благоразумного племенного эгоизма нет и не может быть серьезного государства. Подобно тому, как семьянин должен заботиться, прежде всего, о своих присных, не забывая вместе с тем об остальных ближних, могущих нуждаться в его помощи, — и государство должно заботиться, прежде всего, о том созидательном и окрашивающем элементе, которому оно обязано своим существованием, и о тех приемных детях, которые имеют право на любовь и попечение при условии повиновения законам и традициям приютившей их семьи. Затем уже открывается область задач мировых, общечеловеческих, служение которым не должно наносить ущерба прямым интересам подданных этого государства: в противном случае оно свидетельствовало бы о доктринерстве или эгоистическом славолубии правителей.

Сфера государственно-национальной жизни гораздо более обширна, чем это может показаться на первый взгляд людям, у которых засел в мозгу отвлеченный человек. В этой сфере есть где развернуться самым полным возвышенным проявлениям общественной нравственности и любви к людям. Строго говоря, за пределы этой сферы лишь в редких, частных, случаях бывает возможно человеку перешагнуть реально, т. е. делом, а не мечтой, не пустыми словами.

Если, положим, русский человек думает любить все человечество, то пусть он докажет эту любовь именно *русскому человечеству*, т. е. той многомиллионной среде, с которою он связан не только юридическими, но и нрав-

ственными правами и обязанностями. Если он этого не сделает, то и верить ему не стоит.

Отвлеченный человек является врагом общественной нравственности потому, что, устраняя наиболее широкую из тех сфер, где она сколько-нибудь осуществима, он загоняет общественную нравственность в пустыню теорий, где она, за отсутствием реального применения, атрофируется, теряет жизненную силу, сводится к нулю.

Человек и гражданин, утрачивающий этот очаг тепла и света, делается особого рода переодетым варваром: это осмеянный Щедриным «желудочно-половой космополит», прикрывающий иногда лохмотьями истрепанных фраз свой грубый, чисто животный индивидуализм.

Переход от мнимо возвышенных, беспочвенных мечтаний отвлеченного человека к животной философии Ницше⁴ и анархическому цинизму его лубочного последователя г. Максима Горького есть явление неизбежное, требуемое, если можно так выразиться, логикой самой природы. Этот переворот имеет свою аналогию в растительном царстве: есть такие цветы, аромат которых сменяется нестерпимым зловонием, как только они начнут увядать. А может ли не увядать все то, что лишено реальной почвы?..

Увядание теорий, доселе пригнетающих многие головы российской интеллигенции, спокойному наблюдателю легко можно было предвидеть еще в ту пору, когда они у нас шумно и бесцеремонно воцарялись. Больно много было наглядной лжи и вопиющих противоречий. Так, например, отвлеченный человек стал предметом культа одновременно с увлечением общества естественными науками и, отчасти, благодаря этому последнему, хотя именно в естественных науках и содержится, прежде всего, авторитетнейшее опровержение этой мистификации. В период рьяного увлечения демократизмом и призраком равенства, отвергаемого природой, любии-

мым научным авторитетом мнимо образованных людей явился Дарвин⁵, тот самый Дарвин, который говорил о значении *подбора*, т. е. об *аристократическом* принципе в природе. Ведь если ценить йоркширских свиней, то почему не ценить оксфордских людей, т. е. таких, в которых высокая культура достигнута преемственной работою и духовным совершенствованием нескольких поколений, не озабоченных элементарными насущными нуждами?! Одним из апостолов демократизма Дарвин явился вопреки собственным выводам, вопреки очевидности именно потому, что порадовал наступательных демократов приятным известием о самом что ни на есть демократическом родстве, а именно с обезьяной: они сочли это вполне достаточным поводом к тому, чтобы сбросить всякие стеснения и превратиться в необузданных прогрессистов... озверения.

Таких примеров очень много; они бросались и доселе бросаются в глаза на каждом шагу. С этой точки зрения весьма интересно человеку, знакомому с тою эпохой, теперь еще раз перечитать Щедрина, любимого сатирика и, в некотором роде, пророка той партии, которая прошла все фазисы поклонения отвлеченному человеку — от пышных фраз до откровенного зловония включительно. Помимо приведенного меткого словца о космополитах, у него можно найти изрядную толику таких мыслей и образов, от которых не поздоровилось бы многим из слепых поклонников этого, зачастую невольно прозорливого, художника...

Возможно ли отказаться от признания человечества единою семьей и от светлой надежды на мирное сближение ее собирательных членов между собою? Скажу больше: нравственно ли не стремиться, в мере возможности, к осуществлению этой великой задачи?

Разумеется, ответ может быть только отрицательный. Но надо помнить, что нравственность гражданина

зиждется на нравственности семьянина и частного человека, что уровень всечеловеческих понятий и отношений находится *в прямой зависимости от уровня наций*. Владимир Соловьев основательно находит, что народы — суть органы вселенского единения и что национальную идею нужно не упразднить, а лишь подчинить идее религиозной (т. е. нравственной по своим практическим последствиям), что народам не нужно пренебрегать своими материальными интересами и забывать о своем особом назначении, а лишь надо, чтобы они не в это полагали душу свою. Стало быть, для общественной нравственности, для того чтобы роду людскому жилось хорошо и мирно, нужна *достойная* семья, нужно *достойное* государство, дорожащее не только силою, но и правдою и честью своей; необходимо национальное самосознание для наиболее естественного и успешного осуществления правды и добра в самобытных формах, отвечающих народному мирозерцанию.

Конечно, существенное значение имеет здесь *степень* и форма подчинения национальной идеи религиозно-нравственному идеалу. Мера вещей определяется историей и запросами действительной жизни. В частности, сам Владимир Соловьев, в разные периоды своей деятельности, «отмеривал» различно, потому что не был достаточно знаком с действительною жизнью.

Не надо забывать, что образованные правящие классы являются в некотором роде опекунами или ответственными старшими членами народной семьи и должны особенно заботиться о родных ее детях, которым предстоит воплощать, ограждать и развивать великие семейные традиции. Ответственные люди не вправе слишком ограничивать национальный эгоизм во имя высоких теорий: это было бы сентиментальностью на чужой счет, убыточной для опекаемых и применяемою без их сознательного согласия. Да сознательное согласие, к стати ска-

зять, почти никогда и не достижимо там, где речь идет о больших народных массах! Космополитизм правящих классов, применяемый к общественно-государственной жизни, есть преступление перед народом, исторически выработавшим самобытные жизненные начала; это грех против общественной нравственности в реальном, жизненном ее значении.

У нас это грех отчасти невольный: это грех для меньшинства, а для большинства интеллигентов — несчастье, как результат цепи событий, от них не зависящих. Но само собою разумеется, что когда все сделано для выяснения истины, а ложь продолжает господствовать, в силу недобросовестного упрямства или умственной халатности своих невольников, — то несчастье становится несомненным грехом. Отвлеченный человек — существо упорное и вкрадчивое; его сила отчасти в том, что он потворствует умственной лени и усыплению совести, воспрещая думать самостоятельно и строго, и даже угрожая иногда жестокою карой за нарушение такого запрета...

Владимир Соловьев, очевидно, глубоко понимал это, когда имел мужество обратиться к нашему обществу с нижеследующими приснопамятными словами: «Мы, имеющие несчастье принадлежать к русской интеллигенции, которая, вместо образа Божия, все еще продолжает носить образ и подобие обезьяны, — мы должны же, наконец, увидеть свое жалкое положение, должны постараться *восстановить в себе русский народный характер*, перестать творить себе кумира из всякой узкой и ничтожной идейки!..»

Не удивительно ли, что нашему философу пришлось говорить такие вещи просвещенным классам народа, который пережил в XIX веке целый ряд знаменательных исторических событий, поднимавших национальное чувство?! И отечественная война, и бес-

смертная кавказская эпопея, и долгая борьба за освобождение славян (вновь разгоравшаяся в момент произнесения приведенной речи), и освобождение крестьян, и празднование тысячелетия России — это ли не великие события?! Что же творилось в головах той интеллигенции, которая через четыре года после приведенной речи стала до известной степени психической соучастницей позорной катастрофы 1-го марта?!

Творилось нечто недоброе: ей заменили натуральную, здравомыслящую русскую голову поддельною, приспособленною к водворению в ней отвлеченного человека.

И доселе продолжается эта фальсификация такого существенного продукта, как человеческая голова: молодым людям с очень ранних лет *делают голову* с такою же холодной жестокостью, как странствующие акробаты уродуют ворованных детей для балаганно-коммерческих целей. Сравнение вполне подходящее, ибо людей с искусственными головами можно считать украденными у матери-России.

КАК ДЕЛАЮТ ГОЛОВУ

Чрезвычайно грустно в этом признаваться, но констатировать это необходимо: если вы теперь встретите на Руси человека самобытно умного, мыслящего не по шаблону и вдумчиво относящегося к жизненным явлениям, то можно почти безошибочно сказать, что этот человек либо не получил высшего образования, либо обладает указанными выше качествами, несмотря на такое образование, *вопреки* ему. Современный «дипломированный» господин, с обманчивым значком в петлице пиджака, далек от жизненной правды и лишен самостоятельной культурности. От него можно услышать доктринерские фразы, вычитанные в мнимо либеральном современном издании, фразы до того истрепавшиеся, что в мало-мальски нервном слушателе они вызывают тошноту. Досаднее всего то, что они произносятся тоном искреннего убеждения, иногда с пафосом, точно известия о только что состоявшемся открытии Америки. Попробуйте оспорить один из тезисов, приобретенных в том или ином «магазине готовых мыслей», — и в ответ нетрудно получить даже дерзость.

Положим, большинство современных «интеллигентов» принадлежит к семьям без культурного прошлого, и потому сетовать на слабость результатов образования у этих господ особенно не приходится: уровень нашей школы совершенно не таков, чтобы достигать быстро хо-

рошей переработки умственного сырья. Но вот обидно бывает, когда выходят банально мыслящие люди из такой среды (как, например, дворянство, духовенство), где умственное развитие в течение нескольких веков было традиционной, естественной потребностью. Тут уже нет оправдания ни для семьи, ни для школы, выпускающих на свет Божий такие слабые экземпляры.

Один чиновник, производивший ревизию департамента, был поражен резкою качественною разницей, проявившейся в трудах делопроизводителей; этих последних пришлось в указанном отношении разделить на агнцев и козлиц. За редкими исключениями, оказались настоящими дельными работниками люди, выслужившиеся из писарей, отставные офицеры, недопеченные гимназисты и т. п., — словом, все те, кто усвоил канцелярские знания практическим путем, привык считать дело для себя почетным и серьезным и сразу в министры не метит. Около 4/5 состава лиц с высшим образованием оказались в деловом отношении «козлицами» данного департамента: даже по части грамотности оказался у них изъян, не говоря уже об отсутствии какого бы то ни было творчества, необходимого во всяком деле. Ни тени сострадания к интересам живого обывателя, представляемым его бумагою; знание законов самое дилетантское; трудолюбие такое же, как если бы эти господа считали свое место постоянным двором, где приходится сидеть, покуда лошади будут выкормлены и запряжены. Сидение на столах, курение папирос, сплетни о начальстве и актрисах да по временам политические разговоры, в которых очень торопливо и самонадеянно решаются, — конечно, в смысле весьма прогрессивном, — жизненные вопросы целой страны... к счастью, не окончательно...

Может быть, картина данного департамента не составляет общего правила, но несомненно, что приведенные типы — далеко не исключения: их можно встретить

на каждом шагу, в любом учреждении, не исключая значительной части нашей печати, где настоящего, толкового работника приходится искать «днем с огнем», а самостоятельно и добросовестно мыслящего человека и того труднее найти.

В частности, знание России — величайшая редкость. Ну, пусть бы столичные жители, не выезжавшие дальше Павловска или Шувалова, страдали этим незнанием! А то, ведь, и сын елатомского мещанина, и дочь вязниковского протоиерея, пройдя через школьный фильтр, оставляют в нем и зачатки знакомства с родиной, и прирожденный здравый смысл, и дисциплину характера, а приобретают какую-то, по кавказскому выражению, хурду-мурду, запасаются болезненным самолюбием, эгоизмом и жаждою некультурной свободы. Когда подумаешь, что это будущее деятели, судьи, врачи, публицисты, статистики, столоначальники и другие вершители народных судеб, то не позавидуешь народу, над которым такие господа будут производить свои эксперименты...

Отчего произошел такой упадок живого знания России? Покойник Лесков любил цитировать А. Ф. Писемского¹, который полушутя относил это к вине железнодорожного строительства. Прежде, мол, проедет человек, бывало, тысячи полторы верст в тарантасе или на перекладной, русским воздухом обдышится, насмотрится, наслушается невесть чего, особливо, если с тарантасом раза три поломка случится. А теперь верст двадцать пять проехал, — и железнодорожная станция с буфетом; приехал в один город, — там гостиница «Париж», в другой — «Лиссабон», а в крупных центрах все «Гранд-Отели»; взглянет в окно вагона, — вдали мелькают какие-то соломенные да тесовые крыши матушки России; в полях мужички сошками землю царапают. На платформах станции неизбежные барышни в мордовско-малороссийских костюмах, или неуклюже модных лифах,

в сопровождении неизбежно влюбленного телеграфиста да кучки полусонных простолудинов-зевак. Помилосердуйте! Русский народ состоит не из одних зевак. Жизнь сосредоточивается не в одних «Гранд-Отелях»...

Писемский глубоко прав, и за его шуткой следует признать серьезное значение: она указала на один из симптомов того тяжкого недуга, который может быть назван культурным оскудением деревни. Истинное, живое знание родины только там. Города, при добросовестном отношении к делу, могли бы только подводить итоги дарам поместного знания и обобщать его. Да горе в том, что и отношение к делу, в большинстве случаев, недобросовестное.

В городской семье ребенок слышит речи, являющиеся отголоском преимущественно беспочвенной и, в большинстве, противонациональной печати. Старшие члены семьи заняты торопливым добыванием средств к жизни, либо прожиганием жизни или, наконец, копчением неба. Некогда ни самостоятельно и серьезно мыслить, ни систематично воспитывать детей. Дай Бог, чтоб эти последние попали в школу, переходили без переэкзаменовок, получили дипломы, пристроились затем на службу и свили бы себе потом столь же неблагоустроенные семейные гнезда. Семейные разговоры на общественные темы отличаются крайним и притом поверхностно критическим отношением ко всему существующему; правительство оказывается виноватым почти безусловно во всем. Такие-то высокие лица достойны всякого сочувствия, потому что фрондируют или ведут свою особую политику. Печать оказывается чуть не задавленной «произволом», самоуправление и учащая молодежь — тем паче. А тут еще какая-то латынь, какая-то хронология! Приходится брать для Коли репетитора, тратить деньги, на которые можно было бы приобрести абонемент в «Аквариум»², наряду с прочими земноводными! Если

бы «настоящая» реформа, то можно бы и без репетитора обойтись. Затем, «побольше бы свободы», некоторая удача в биржевой игре, — и можно было бы провести лето в Аббации, куда теперь укатил Иван Иванович.

Правда, Иван Иванович — человек недюжинный, настоящий американец: он нагрел казну на крупную сумму и притом умудрился получить повышение! Это человек, прямо созданный для маньчжурской дороги! Кстати: как жаль, что «маньчжурка» будет уже окончательно выстроена к тому времени, когда Коля кончит курс. Вообще, Коленька, будь похож на Ивана Ивановича! Он такой дельный, умный... и передовой: из газет он может держать в руках только «Русские Ведомости»³, из журналов только что-нибудь марксистское. А при этом получил вторую звезду и собирался надеть ее, чтобы поздравить Максима Горького с избранием в академию, но только вышли какие-то «независящие обстоятельства», и поздравлять не пришлось. Кстати, читали вы, господа, рассказ Горького «Трое»⁴?

Это удивительно, удивительно смело! На днях генеральша Z., прочитав эту гениальную вещь, сказала, что она завидует ее героям. И чего ей завидовать? Ее муж какими-то таинственными способами забрал в руки своего начальника и недавно получил ответственное поручение; она может развлекаться тем временем, а он на шумит! О, это человек тоже весьма прогрессивный: он говорит, что не в состоянии держать в руках иной газеты, кроме «Инородческих Ведомостей». Его второе слово: «Господа, где вы откопали какой-то национальный вопрос?»... и т. д. и т. д.

Столь же принципиальные речи слышит Коля и в знакомых домах, у друзей своих родителей. Поступив в гимназию, он старается приносить хорошие отметки, потому что за это его повезут в цирк или на «Дочь Фараона»⁵. Когда он, по общепринятому обычаю, обма-

нывает учителя, лжет начальству, а затем рассказывает об этом дома, то домашние одобрительно хохочут. Школа является, прежде всего, школою лжи и фальшивых понятий. Даже такие благородные в основе чувства, как товарищеская солидарность, испорчены тем, что товарищеская среда является одним лагерем, а педагогический персонал — другим. Эх, хорошо надуть начальство или учинить ему, по возможности, безнаказанную неприятность! Для маленького Коли начальство является правительством, казною. Казну он инстинктивно не любит: казенные пироги непременно невкусны, а пирожки из маргарина с сахарином, покупаемые в соседней булочной, — объедение! Если можно ножичком испортить парту, — Коля такого случая не упустит. Из учителей ему мил именно тот, который очень забавно перекиривляет директора и ругает латиниста: такой храбрый и чрезвычайно передовой! Когда ученики не хотят отвечать, он охотно болтает о посторонних предметах! Хорошо, что он в V классе будет преподавать словесность!

Годы идут, и на смену отрывочным впечатлениям является нечто *систематичное*. Кое-кто из учителей, несколько «передовых» товарищей да два-три знакомых студента-«развивателя» делают Коле голову. Ему дают хитро составленный список книг и статей для прочтения: прочесть их обязательно, «если он хочет быть развитым и свободным человеком, а не обскурантом». Можно с уверенностью сказать, что в России почти нет дипломированного человека, которому бы, еще в гимназические годы, не подсунули списка книг и повременных изданий для одностороннего «саморазвития». Одновременно приучают Колю к резким, безапелляционным суждениям о том чего он не знает. Писарев⁶, Шелгунов⁷ и г. Михайловский⁸ (а в последнее время великий Максим Горький) — гениальные, благороднейшие умы, источники света немеркнущего.

Пушкин — устарел, Лермонтов — герой безвременья; жаль, что он был дворянином и офицером. Гоголь подавал надежды, но под конец впал в религиозное помешательство, тем более досадное, что религия столь же устарела, как и Пушкин. Вот Чернышевский⁹ — это настоящий восторг! Он запрещен, но его можно будет достать. А потом и Карл Маркс¹⁰! Остерегайтесь мракобеса, пуще всего остерегайтесь этого ужаса! Подобно тому, как сумасшедший римский цезарь пожалел, что у человечества не одна голова, которую он разом мог бы отсечь, некий князь Мещерский¹¹ скорбит о том, что у человечества..., что человечество нельзя сразу высечь! И это навверное! Он спит и видит, как бы это устроить! Это прямо позор для современной цивилизации! О чем бы ни заговорили во время оно Катков¹² и Аксаков¹³, а в наши дни кн. Мещерский, г. Грингмут¹⁴ и им подобные, — знайте, Коля, что они непременно неправы и неискренны: они никогда, ни в чем не могут быть правы, потому что это было бы неприлично и нелиберально. Главное, будьте либеральны, потому что иначе вас заплюют. Разве приятно быть заплеванным?! У вас, Коля, несомненно, большое дарование! Вы можете стать известным человеком, прославиться в России и за границей, повлиять на судьбы отечества. Помните же, ради собственного блага, что правы только Шелгунов, Михайловский, Карл Маркс, Макс Нордау¹⁵, Ницше и вообще порядочные люди; а люди, смотрящие иначе, чем мы, — конечно, непорядочные, и упоминать их имена без бранных эпитетов прямо неприлично: вас не только ни в одно «честное» издание не пустят, если вы не проявите настоящих гражданских убеждений, но все передовые люди будут на вас пальцами указывать, как на позорное явление!...

Коля даже вздрагивает от ужаса: лучше смерть, чем такой позор! Он уже почитывает газеты и видел,

как «передовые» люди умеют травить ближних на башибузукский манер.

Годам к 18-ти Коля уже думает, прежде чем говорить: думает не о том, как бы не погрешить против объективной истины, а о том, как бы не отступить от навязанной ему и терроризирующей его программы. У него в душе вырастает нечто вроде пузыря с рабым страхом, и этот новый орган остается при нем, большею частью, на всю жизнь, превращая ее в беспринципное, безвольное и бесплодное прозябание. Уста шепчут прописные партийные формулы, спина гнется перед каждым наглецом, произносящим их более громко и задорно, а личность Коли превращается в какую-то бесформенную, болезненно самолюбивую слизь....

Но постойте, Коля, программа еще не кончена. Вам еще нужно кое-что задолбить. Помните, что правительство себе на уме: оно желает задержать развитие народа. При иных условиях вы в 25 лет могли бы быть министром (ведь Алкивиад¹⁶ и Перикл¹⁷ были очень молоды!), а при теперешних — дай Бог вам в 35 быть начальником отделения и трепетать перед каким-нибудь вице-директором — дилетантом с протекцией. Все, что делает бюрократия, — непременно скверно; все, что делает общество, — непременно хорошо! Положим, в газетах пишут иногда о неправильном счетоводстве в той или иной городской или земской управе, но, ведь, это же сущие пустяки или нелепые инсинуации. Всякая общественная самодеятельность, не исключая уличных демонстраций, ведет к добру, к гражданскому развитию. Если кого-нибудь наказали за крайние мнения, выраженные крайним способом, то знайте, что это наверно гениальный человек и великий гражданин: иначе бы ему дали орден и теплое местечко. Если какое-нибудь общественное учреждение стеснено или закрыто, то знайте, что оно непременно было сосудом истины. Могли быть

у него и отрицательные стороны, но вы не смеете о них упоминать, потому что это было бы нелиберально, и вы попали бы на дурной счет! А быть на дурном счету у передовых людей не только позорно, но и невыгодно; вам повредят на любом поприще: если вы маленький, нуждающийся литератор, то вам ниоткуда пособия не выдадут; если вы напишете хорошую книгу, то ее замолчат; а если захотите «бессмертия» — то вас в академию не пустят и на порог; там крепко засели представители «свободы мнений», конечно, только собственных... Даже если вы чиновник — и то может выйти беда!...

Погодите, это еще не все. Вам простят многое, особенно при условии надлежащего покаяния; но есть вещь, которой никто не простит. Это — «мракобесие» в национальном вопросе. Помните, что «пестротканая» Россия есть не нация, а винегрет из множества наций, из которых русские должны все уступать прочим, во имя цивилизации, гуманности и прогресса. Если где-нибудь расцветет, благодаря просвещенной благосклонности единичных деятелей, молодая Якутия, Черемисия¹⁸ или Меря¹⁹, — то вы должны приветствовать этот отрадный факт, а не выражать неудовольствие. Если русским людям, которым эти нации позволяют жить на их древних или вновь возникших территориях, окажется тесновато или тяжело, то не смейте быть выразителем их нужд или сетований! Они, как представители великого народа, должны все терпеть: в этом весь смысл существования России...

Особенно, милый, благородный, передовой Коля, будьте любезны с интеллигентными евреями: это священнойшая из заповедей современной цивилизации, насущнейшее из условий современного благополучия. Поймите, что они — настоящие страдальцы: у них нет ни денег, ни связей, ни банкирских контор, ни комиссионных предприятий, поощряемых финансовым миром, ни газет,

которые бы хоть когда-нибудь в их пользу слово сказали! Это кроткие идеалисты, совершенно разрозненные между собою, всюду преследуемые и всюду желающие только служить прогрессу и торжеству гуманитарных идей над средневековыми предрассудками. Они — спасение для русской литературы как элемент высоконравственный, талантливый, передовой и кроткий. Любовь их к знанию прямо изумительна. И какое бескорыстие! Ведь еврейские интеллигенты готовы давать свои последние сбережения на поддержание повременных изданий, которые бы захирели в невежественных русских руках. Есть даже такие примеры, что издание идет явно в убыток, не смотря на громадную подписку, — и эти ревнители просвещения и свободы поддерживают его! Кстати, хотите, я вас познакомлю с Исааком Абрамовичем или Филицианом Борисовичем, а то и с обоими? Оба они — премилые люди, весьма общественные, одновременно адвокаты, журналисты, биржевики, химики, шахматисты и гипнотизеры; один из них — инициатор «обедов безупречных людей»: там премило, и вам непременно следует там занять место, отвечающее вашим дарованиям. Не забудьте, что это имеет и посмертное значение. *Тогда-то* вам, положим, будет все равно, потому что загробная жизнь есть миф, но теперь, конечно, приятно сознавать, что вас после смерти расхвалят в каком-нибудь этаким универсальном или литературном словаре! А кто благоговейно собирает наследия прошлых дарований, неугасимые мысли угасших умов? Все *они!* Русские для этого слишком вялая раса! Да-с, молодой друг мой, извольте с ними тесно сблизиться, если не хотите, чтобы....

Но Коля уже не нуждается ни в угрозах, ни в поощрениях: *его голова готова*. Уста его превращаются в граммофон и услаждают слушателей мотивами, хорошо запечатлевшимися на омертвелых пластинках его сознания.

Грамофоны едут и в Калугу, и в Моршанск, и в Нахичевань, и в Сморгонь, и в Порт-Артур. И везде слышится голос Шелгунова, рычание Михайловского, нецензурная брань более современных корифеев. И везде шипит вкрадчивое подсказыванье Исааков Абрамовичей, возвышающееся до самых резких нот, когда грамофону кажется, что это можно сделать безнаказанно.

Школа, пройденная Колей, создает в нем потребность в соответственной печати; печать такого сорта влияет на школу, в которой будут делать голову тысячам, сотням тысяч таких грамофонов, как этот Коля. Получается некоторое *perpetuum mobile*²⁰, приносящее предпринимателям этого производства не меньшие выгоды, чем финляндские водопады — спичечным фабрикам. В обоих случаях, кстати, накапливается горючий материал...

Всегда ли так будет? Надо надеяться, что нет. Помилосердуйте! В Америке, говорят, есть такие машины, что если в один конец всунуть обыкновенное бревно, то из другого конца выходит чуть не доктор философии. У нас наоборот: живой, здравомыслящий русский мальчик, пройдя чрез городскую семью и дипломно-публицистические эксперименты, превращается в манекена.

А жизнь идет своим чередом, требует решения насущных, неотложных задач, требует искреннего, вдумчивого к ним отношения. Единичные явления, повторяясь часто и упорно, дают массовые итоги, окрашиваются определенным цветом, образуют эпические картины, создают исторически беспощадные цепи событий, с неразрывною связью между отдельными звеньями. Это надо отмечать, истолковывать, наконец, умерять крайности, предотвращать предвидимые пагубные последствия, — словом, беречь и возделывать свою родину дружными усилиями правительства и общества.

Когда Коля, немножко пробуждаясь от столкновения с действительной жизнью, хочет сделать самостоятельное обобщение, подвести реальный итог живым фактам, — и заикнется, например, хотя бы о влиянии еврейского элемента на русскую интеллигенцию, — сотни голосов кричат ему: «Тише, тише, мракобес эдакий! Если Максимилиан Борисович уличен в печатном служении мошенническому грюндерству²¹ или Альберт Аронович в плагиате, то можете обрушиться на них, но не проявлять расовой нетерпимости в обобщениях».

Если при этом у Коли есть долги, то векселя подаются ко взысканию.

Коля смиряется, но не совсем. Он прекрасно чувствует, что никакой расовой нетерпимости у него нет, и что сам он немедленно готов помочь бедному еврею, как всякому ближнему, гонимому судьбою или людьми, но он сознает, что у всякой расы есть свои дурные и хорошие стороны и соответствующая окраска и историческая миссия, что можно подвести верные итоги фактам, подтверждающим такое наблюдение. Мало-помалу видит он также, что работа правительственных учреждений бывает и очень хороша, а общественных — плоха и предосудительна; не все то верно, что прикрывается либеральной фразой, и не все то неверно, что стоит выше фраз. «Жупелы», которыми Колю пугали, «либеральные» гонители самобытной мысли, оказываются зачастую драконами, намалеванными на стенах китайских крепостей, для устрашения неприятеля.

Многое видит он ясно, при более близком столкновении с реальной жизнью. Сорвался бы, улетел бы от всей этой лжи, да вот беда: крыльев нет! Измалодушествовался. Характер свой в три погибели скорчил из страха перед цензурой непрощенных опекунов; юные годы, предназначенные природой для искания истины, посвятил он рабскому заучиванию чужих... даже не

убеждений, а условных формул. Не раз, во имя свободы науки, отказывался он от занятия наукой; во имя свободы мнений, отказывался от выработки собственного мнения и пассивно участвовал, как жалкий фигурант, в пригнетении и оклеветании чужих взглядов, даже не дав себе труда с ними ознакомиться.

А народ ждет, чтобы интеллигентный работник, не мудрствуя лукаво, пришел к нему на помощь, во всеоружии знания и любви, с проникновенным пониманием основ и живых сил самобытного русского строя, которым народ дорожит, потому что голова у него *своя*, многодумная и свежая, а не напищенная всяким мусором.

Пора устыдиться, пора понять, что чаша нелепостей переполнена, что русская культура дошла в так называемом образованном классе до нищенски малых размеров, характеры измельчали до пределов, когда комизм делается отвратительным!

Достоинно замечания, что суровый режим императора Николая I, столь несправедливо осужденный некоторою частью нашей печати, выдвинул целую плеяду людей с могучей волею и гармоничным развитием духа: это были сподвижники Царя-Освободителя, создавшие крестьянскую реформу, воздвигнувшие крестовый поход за славян; а поколение, возникшее в эпоху реформ, не дало и десятой доли таких самобытных сил. Утомилась ли природа? Нужен ли русскому обществу более суровый режим? Дело, может быть, не в суровости, а именно в *последовательности* режима, в разумной систематичности школы и, главное, в освобождении образованного класса от гнета утопических теорий, от гипноза инородческих и зарубежных тенденций, забравших слишком большую силу во всех общественных слоях, во всех проявлениях сознательной жизни. Эта оздоровительная задача не по силам одному правительству: рука об руку с ним должно идти русское общественное самосознание,

вдохновенное стремлением не разрушать нашу действительность в угоду врагам России и в ущерб народному достоинству, — а *улучшать ее*. Где вы, тоскующие по загнанному в темный угол здравому смыслу, по утраченной истинной свободе исповеданию *русских* взглядов, не нравящихся еврейским интеллигентам и их прислужникам! Где вы, хоть смутно сознающие, что стыдно представителям русского образованного класса быть какими-то младо-турками²², более похожими на буйных или лукавых рабов, чем на людей духовно свободных! Не прячьтесь, не бойтесь, откликнитесь, объединяйтесь и выходите на работу!

Такая освободительная работа нелегка: она по плечу лишь тем, кто разделяет, или хоть ясно видит страдания родной стихии. Победа здравого смысла и правого дела — только вопрос времени. Не всякому дано дожидаться ее, но стоит уверовать в нее, чтобы не жаль было за нее лечь костями.

Конечно, это дело вкуса: иному неприятно думать, что, вот, завтра же начнут и до конца дней не перестанут трепать его имя в передовых (т. е., по-настоящему, остальных) изданиях, да и после смерти отведут ему помойную ямочку в каком-нибудь гешефтмахерском²³ словаре, а русское общество этому всему поверит и будет подпевать в хоре инсинуаций. Но волка бояться — в лес не ходить! Наконец, всякий человек понимает по-своему высшее благо жизни, высшую роскошь ее: один прельщен рысаками, другой улыбкою госпожи Кавальери²⁴, третий золотым шитьем, четвертый шумом популярности...

Мне кажется, что самая дорогая и желанная роскошь, или, точнее, *высшее счастье*, заключается в высказывании заветных дум.

САМОУПРАВЛЕНИЕ И САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1

Переживаемый нами период русской жизни может быть безошибочно назван «периодом пересмотра». Не только пересматриваются явления производные и учреждения, выполняющие на практике те или иные принципиальные программы, но и многие основы нашей жизни анализируются, а нередко и подвергаются сомнению. Давно уже наша печать не говорила так напряженно и порою даже нервно о целом ряде вопросов, дотоле стоявших вне спора.

Возможность говорить в подобающей, пристойной форме о существенных для страны вопросах особенно ценна в таком государстве, как наше, в котором беспристрастие Верховной власти, при условии всесторонней осведомленности, является более надежной, чем западные народоправства, гарантией успешного служения благу народа. Давно ли по главному вопросу нашей жизни, по вопросу о школе, нельзя было и слова сказать? Часто ли бывали у нас столь подробны те рассуждения, устные и печатные, которые вызваны работою особого совещания о нуждах сельской промышленности? Теперь все это привлекло внимание общества, — и хорошо, что так, невзирая на многие высказанные и напечатанные

легковесные, доктринерские суждения, невзирая на то, что большая часть нашей печати может быть с точностью названа нерусскою по направлению и источникам вдохновения. Что ж? *Audiatur* не только *altera*¹, но хотя бы *millesima pars*² нашего плохо воспитанного, неуравновешенного общественного мнения.

Сочувствуя общему пересмотру жизненных явлений, ведущему к чистке и освежению жизни, необходимо, однако, помнить, *что с вопросами, затрагивающими самые основы нашей государственности, необходимо обращение сугубо осторожное и вдумчивое.* Основы эти могут быть сравнены с такими драгоценными нежными частями организма, как мозг, сердце, легкие, по отношению к которым необходимо соблюдать особую осторожность. Долгое обнажение этих органов, защищаемых самою природою посредством костей и крепких тканей, прикосновение к ним рукою неумелой и не безусловно чистой может повлечь за собою роковые для организма осложнения. Как в единичном физическом, так и в государственном организме имеется нечто неприкосновенное, обладающее значением аксиомы и пересудам не подлежащее. Вот почему чрезвычайно важно отличать основные принципы от всего производного, что относится к области спорного и необходимо изменяемого в зависимости от запросов жизни.

По незнанию или политической невоспитанности всегда возможны вторжения из одной сферы в другую, но ясно, что частое их повторение, привычка к ним являлись бы уже аномалией, несовместимою с разумным патриотизмом и с устойчивостью какой бы то ни было политической системы.

Вопрос об ограждении и упрочении этой последней касается прежде всего правительства. Но живому, великому народу при каких бы то ни было условиях немислимо обходиться без постоянного мирного взаимо-

действия между правительством и обществом, между регулирующими предначертаниями власти и свободным творчеством обывателя, ей подчиняющегося. В частности, печать, когда она не служит чьим-либо личным, классовым, или, наконец, зарубежным интересам, должна не только добросовестно участвовать в искреннем обсуждении жизненных фактов, но и поддерживать часто нарушаемый, при беспорядочной стычке мнений и сутолоке торопливого пересмотра, принципиальные грани, отделяющие область спорного и изменяемого от тех устоев, которые ни *сомнению*, ни *поколебанию* не подлежат, которые столь же необходимы государственному организму, как высшие органы человеческому телу, или как религиозно-нравственные категорические императивы — живой душе.

Область русского самоуправления представляет много скользких наклонов для совершенно добросовестного впадения в принципиальные ошибки и тенденциозного вовлечения в таковые людей поверхностно мыслящих. О недобросовестных «подталкивателях» я говорить не стану, из уважения к типографской краске, которую следует употреблять целесообразно. С людьми же, любящими родину и желающими, чтобы Россия была здоровым и могущественным государством, поговорить по вопросу о принципиальных гранях теперь весьма своевременно. Каких бы взглядов они ни придерживались по отношению к вопросам дня, в чем бы они ни видели путь для достижения блага России, как *самобытного* и мощного государства, — с людьми, стоящими на такой основе, уговориться всегда возможно, с пользою для дела.

Формальные грани между неизменным и подлежащим изменению на практике нельзя, однако, считать негибкими, так как они зависят от состояния государственного организма и характера его жизни. Многие

из того, что не влекло за собою никаких осложнений и даже было полезно в допетровские времена, или хотя бы в дореформенное время, теперь может оказаться нецелесообразным, а в худшем случае и вредным, ввиду того, что наш национально-государственный организм еще не оправился от сделанных ему прививок и операций. Для того, чтобы суждения по вопросу о русском самоуправлении носили характер не доктринерский, а жизненно реальный, необходимо всем, кто не является предвзятым врагом государственного порядка и разумной правительственной системы, поближе присмотреться к нашему прошлому и вдуматься в теперешний исторический фазис, переживаемый Россией.

При царях московских мы видим, с одной стороны, довольно слабую централизацию и относительную автономию поместной жизни, которые были возможны при тогдашнем несложном государственном укладе; между прочим, даже поместные органы центрального правительства, до известной степени обособлялись от своего начальства, получая «в кормление» города и области, на восточный манер. С другой стороны, общество помогало царю править государством, причем народную стихию представляли не только выборные люди, вершившие поместные дела домашнего характера, но и бояре, составлявшие думу (нередко крамольную и корыстную), и патриарх как воплощение начала устойчивого, нормировавшего религиозно-нравственные понятия народа и ярко окрашивавшего этими понятиями нашу государственность, с немалой пользой для этой последней. Само собою разумеется, что русское национальное самосознание было гораздо сильнее и глубже при патриархах и благодаря их высокому оздоравливающему авторитету; при патриархах, например, было бы немислимо широкое распространение растленных шато-кабаков, заповедники целых ведомств инородцами и иноверца-

ми, преобладание в правящих классах и народившейся затем печати еврейско-космополитических тенденций, и вообще весьма многое. При тогдашних условиях, — но *только* при тогдашних условиях, — созывавшиеся по временам земские соборы были явлением нормальным, не подрывавшим идеи самодержавия и служившим делу царской осведомленности, для достижения которой, вдобавок, тогда не было таких простых и вместе сильных средств, как печать.

С воцарением Петра и до самого последнего времени идет сильный территориальный и культурный рост нашего необъятного государства, обусловленный, с одной стороны, западными прививками и надстройками, наряду с разрушением таких органических устоев, как патриаршество и как единство всесословных, всенародных бытовых традиций, а с другой — неизбежной централизацией, которая необходима каждому собирательному организму, находящемуся в поступательном движении или свершающему напряженную работу. Если мы кое-что приобрели по части так называемой «цивилизации», то в отношении почвенно-культурном многое потеряли и доселе страдаем, как страдает единственный организм от быстрого роста и негигиеничного образа жизни. Многое из приобретенного не усвоено, не переработано на русский лад; многое *неусвояемое*, чуждое нам, не отброшено, потому что глупая мода на него еще держится по инерции, или искусственно поддерживается врагами русской силы. Таково положение дела почти во всех сферах, начиная с духовной и кончая даже территориальной, так как почти на всех окраинах наших образовались организации, враждебные русскому государственному единству, т. е., в итоге, столь же вредные организму России, как «отеки» или «затвердения» в различных частях тела, мешающие правильному кровообращению. Последнее обстоятельство красно-

речиво говорит в пользу необходимости сильной центральной власти, без помощи которой самому единству нашей империи грозила бы опасность. Необходимость такой власти еще более очевидна для того, кто понимает, что наша миссия на ближайшем Востоке, столь затрудненная ныне германскими происками, далеко еще не выполнена, и государственный рост не завершен.

Еще менее завершенным следует признать то духовное брожение, которое было занесено к нам до Петра киевскими насадителями иезуитской премудрости и немецкою слободою, потом петровскими реформами, немецким служилым нашествием, масонами — литературными первоучителями, кокетством Екатерины с энциклопедистами³, Лагарпом⁴, нашествием французов, — и целым рядом позднейших прививок и инфекций, принесших официальные плоды в ряде реформ, частью почвенных и жизнеспособных, как самый факт освобождения крестьян, частью доктринерских по законодательному их замыслу или по их пониманию современным обществом. В последнем случае действуют оба фактора, ибо законодатель, не сообразующийся со взглядами общества, которому дает законы, является, по меньшей мере, невольным доктринером.

Идея земства, могущая быть русскою в основе и по историческим традициям, вполне законная, благая и плодотворная с национальной точки зрения, — была понята большинством земских деятелей и множеством беспочвенно интеллигентных русских людей именно не в национально-русском, а в западническом смысле, в основном противоречии с идеей самодержавия. Иначе и быть не могло: с одной стороны понимание *русской* государственности, затуманивавшееся в течение двух веков, было недостаточно ясно у самих редакторов закона; с другой, — наше общество, в течение тех же веков воспитывалось в духе гипнотического, почти автома-

тического (исключающего национальную критику) поклонения западным идеям и, главное, формам, которые доселе невежественно смешиваются с их отсутствующим творческим содержанием.

Таково понимание этого вопроса и доселе. Значительная часть людей, воспитанных беспочвенною школою и космополитическою печатью, смотрит на земство как на *переходную ступень* к западному парламентаризму, водворение которого в России было бы равносильно распаденю нашей империи, а потому столь желательно нашим инородцам, с евреями во главе, и зарубежным врагам. Эти последние, в лице иностранной и русско-революционной печати, не скрывают своих стремлений и надежд. Последнее неизвестно большей части нашего общества лишь в силу его тупого невежества, а внутренними врагами России и своекорыстными дельцами замалчивается. Между тем, это понимают даже мало-мальски чуткие русские простолюдины; никогда не забуду, как один из них, по поводу уличных беспорядков в Петербурге, сказал мне буквально следующее: «И чего они хотят? Хотят сделаться рабами всяких иностранцев?!...»

Непонимание национально-государственных устоев и связанные с ним недоразумения держатся упорно в различных областях мысли и жизни и, в частности, в вопросе о земстве.

Брожение, порожденное приведенным рядом исторических факторов, продолжается непомерно долго, обостряясь по временам, как, например, за последние года, отмеченные прискорбным недостатком твердой определенности и цельности в некоторых обособляющихся сферах нашей государственной политики.

Если бы сравнить нашу государственно-общественную жизнь с виноделием, то любой опытный винодел развел бы руками, изумляясь такому ненормально долго-

му брожению. Он нашел бы, что в данном случае недостает каких-то необходимых элементов, ускоряющих и регулирующих этот процесс, или что доза бродила (т. е. того, что бродит. — *Ред.*) искусственно увеличивается. Я думаю, что наша жизнь и впрямь обладает обоими условиями. Во-первых, даже в некоторых правящих сферах недостает *русского* самосознания и патриотизма, которые придали бы общегосударственной политике и общественной жизни необходимую стройность и здоровье; во-вторых, о том, что элементы, вызывающее брожение, у нас распространяются искусственно, едва ли стоит подробно говорить: театры, «боевые вечера сезона», огромная часть печати, народные чтения, экономические мероприятия, вердикты судов, факты частные и официозные, за счет кагала и даже казны, — все это представляет специфическую, огромную картину, *стройно организованную систему*; она не видна или непонятна только мнимым и настоящим слепцам; система настолько сложная и дальновидная по замыслу, что косвенно и бессознательно ее орудиями иногда служат даже некоторые люди, мнящие себя консерваторами и русскими патриотами. О тех подкупных, которые носят личину консерватизма или русского патриотизма, нечего и говорить: проходимец — везде проходимец, каким бы «без лести преданным⁵» он ни притворялся и в какие бы ризы он ни облакал свою ненасытную утробу.

В неправильном, *не-русском* понимании идеи самоуправления играет, помимо всего изложенного, видную роль весьма серьезный жизненный фактор, которому следует посвятить особое внимание, так как он затрагивает самую глубь общественной психологии.

Западные идеи, положенные в основу реформ 60-х годов, изменили наш социальный строй не только на бумаге, но и на деле, в западном направлении. Если вдуматься в эти факты, в связи с их последствиями, то не-

обходимо придется признать, что между названными мирными реформами и кровавою французскою революцией конца XVIII века, есть поразительное социологическое сходство: оба эти явления погубили родовую аристократию и, наряду с злоупотреблениями, затоптали ее полезные традиции; оба эти явления выдвинули на первый план *буржуазию* и развязали руки *евреям*, постепенно все громче и успешнее диктующим ей свое противонациональное и противохристианское мирозерцание. То, что произошло во Франции, было грознее, но, может быть, законнее, так как там дворянство было в политическом смысле подорвано еще кардиналом Ришелье, а в социально-бытовом — монархическим самодурством Людовика XIV; долго презирая свои *обязанности* перед землею, оно постепенно изжило основу своих исторических *прав* и в момент взрыва утратило их навсегда. Наряду с этим, буржуазия давно уже выдвигала там сильные характеры и вырабатывала правовые и иные культурные основы жизни, вследствие чего отчасти и заслуживала победы, выпавшей ей на долю. Однако, как видно из последних событий, переживаемых Францией, даже тамошняя буржуазия оказалась духовно слабою с наступлением оргии народоправства и попала в цепкие лапы разных Ротшильдов⁶, Дрейфусов⁷, Рейнаков⁸ и тому подобных героев, наемники которых дурачат великую нацию истрепанными словами, вследствие чего властные евреи и пожирают ее под всевозможными соусами...

У нас было срублено дерево не иссохшее, а покрытое листвою и плодами, и притом срублено не по требованию какого-либо сильного и зрелого общественного класса, выдвигаемого на первые роли самою жизнью, а невесть почему, невесть для кого. Быть может, попросту, еще действовал гипноз Лагарпа, бродили элементы, подсыпанные масонами екатерининских времен, влияло нашептывание служилых инородцев, сознательно

или инстинктивно враждебных органической силе русского государства.

Так или иначе, — совершена ошибка непростительная и, может быть, непоправимая. Я разумею здесь, конечно, не самый факт освобождения крестьян, весьма желательный, благой и национально целесообразный, а то, *как он был осуществлен*. Нельзя выбрасывать за борт, отрывать от какой бы то ни было почвы, и делать игрищем резко наступающих социально-экономических превратностей целое сословие, игравшее первостепенную роль в экономике государственного организма. Это даже не хищническое, а самоубийственное отношение к делу, объясняемое лишь чрезвычайной слабостью русской государственной науки и чрезвычайной интенсивностью западных подсказываний. Плоды этого мы пожинаем и по-сейчас и, по-видимому, долго еще будем пожинать, например, в виде таких нелестных фактов, как затруднительность нахождения надежных государственных умов, даже для высоких, почетных и ответственных должностей: это прямой результат упадка или отмирания сословия, в котором исторически вырабатывался государственный смысл. Не менее вреден упадок служилого и всякого иного идеализма, упадок вообще бескорыстия, которое вырабатывается на почве долгого наследственного довольства. Стало быть, затрагиваемый здесь вопрос — *не узко-сословный*, а общегосударственный, такой же органический, как вопрос о наличии сливок в хорошем, густом молоке.

Реформ ожидали давно, а тем не менее не воспитали русского руководящего сословия в соответственном смысле, *не подготовили* его к новым условиям жизни. Только литература дала *сентиментальную* и резко окрашенную западными тенденциями *идеологию* этих новых условий. Даже когда они наступили, даже когда их последствия сказались быстрым оскудением куль-

турнейшего русского класса и таянием его земельных владений — меры помощи и приспособления, в силу какой-то не социальной (ибо буржуазии в настоящем смысле не было), а нигилистической тенденции, долго не принимались.

Участились невольные прыжки с высоты социальной лестницы в помойную яму; дворянство отслоило довольно значительный контингент людей, метко называемых по-немецки *Lumpenproletariat*⁹. На высокие государственные должности пробрались более или менее крещеные евреи; был момент, когда фактически был облечен огромною властью армянин, более или менее бескорыстно служивший западно-европейским тенденциям, а русской государственной идеи не понимавший ни сердцем, ни умом. Пошло нестроение во всех слоях народа, во всех сферах русской жизни, все более обостряемое отсутствием национальной экономической политики.

С воцарением Императора Александра III **начинается** продолжаемая и ныне тяжкая, неблагодарная, не показная и потому в основе *самоотверженная* работа оздоровления нашего национального организма. Сколько раз приходилось ее исполнителям вспоминать пословицу о волосах, по которым плачут, «снявши голову»... Дешевый земельный кредит дарован через много лет после того, как многие земли «запутались» непоправимо; организованная помощь земледелию пришла в момент, когда бытовые условия деревенской жизни представляют печальную картину нестроения; здравые государственно-педагогические предначертания, сгруппированные в знаменательном рескрипте 10 июня 1902 года¹⁰, появляются в момент, когда педагогическая традиция сильно замутилась в школьном быту, и воспитательские таланты и призвания стали редкостью в полинялой, обезличенной и беспочвенной среде, стоящей у этого дела; наконец, твердо провозглашенные и провозглашаемые

в нужных случаях с высоты престола оздоравливающие принципы национальной идеи, в широком смысле этого слова, встречают интеллигентную среду, над умами которой, нередко против ее воли, властвуют промышленники печати, служащие своим торговым интересам и потому, прямо или косвенно, творящие волю все того же еврейства, завладевшего предприимчивыми деньгами.

Картина невеселая. Россия переживала, однако, и не такие затруднения и не такие недуги. Запас ее сил значительней, чем думают злорадные враги. Радостно уже само по себе одно то, что микроб болезни найден, диагноз поставлен верно, и остается только работать. Надо только пожелать, чтобы эта работа велась возможно систематичнее, без препятствий со стороны каких-либо обособляющихся ведомств или единичных влиятельных людей, и чтобы эта работа совершалась дружными усилиями правительства и общества, наиболее живою и авторитетною силою которого являются земские люди, в широком и патриотическом значении этого слова.

Отсюда ясно, как насущно необходимо этим последним здоровое русское самосознание, взамен столь распространенного ныне западно-буржуазного взгляда на задачи русского самоуправления.

Упорство этого взгляда объясняется тем, что у нас народилось нечто вроде западной буржуазии, но только более хилое и, за отсутствием культурных классовых традиций, более доступное посторонним отрицательным влияниям.

И в данном вопросе есть свой исторический элемент, осложненный очень оригинальным «превращением сил». По меткому замечанию одного из умнейших, образованных русских людей, Е. Ф. Головина, довольно многие наши дворяне-земцы склонны придавать земству окраску политического народоправства, чтобы найти применение исторически выработанным сословным спо-

собностям и привычкам: продолжает, в сущности, действовать *психология времен крепостного права*, только в менее спокойных, в менее устойчивых и, вдобавок, в совершенно неожиданных формах.

Взгляд глубоко правильный. Так или иначе, прежняя роль дворянства как сословия наследственно-служилого и облеченного поместно-административными правами и обязанностями должна быть названа ролью *политической*.

В 60-х годах эта роль упразднена, а способности и склонности остались: ну, вот, они себе инстинктивно и ищут применения, — именно инстинктивно, потому что это сословие, воспринимая тревожную западнискую политику, хотя и в слабом растворе, вместе с тем остается и в душе и сознательно верным другому своему назначению, — быть надежнейшею опорой Престола. Стало быть, весь вопрос в том, чтобы найти *разумное* и отвечающее современным условиям применение первой из указанных склонностей.

Мне возразят, что дворянство и в прежние времена, когда оно состояло из десятков тысяч наследственных администраторов над миллионами русских простолюдинов, не прочь было порою расширять эту политическую сферу, начиная с пресловутых «верховников»¹¹ и кончая новейшими временами, когда мало-мальски родовитый дворянин склонен был «показывать язык» губернатору и смеялся над чиновниками вообще.

Но, во-первых, еще вопрос: явились ли «верховники» сознательными носителями тенденций боярщины с феодально-конституционным оттенком, и не было ли затеянное ими дело вызвано основательным во многих отношениях страхом перед надвигавшимся немецким бюрократическим нашествием вообще и бироновщиной в частности. События, последовавшие за низвержением верховников, вполне оправдали такие опасения. Во вся-

ком случае, частный и инстинктивный характер затеи нескольких вельмож, уже в силу самой ее непрочности, бросается в глаза и особых доказательств не требует.

Что касается до отношений между дворянством позднейших времен и администрацией, то, за исключением кучки мечтателей, дворяне противопоставляли себя чиновникам не как сила, ограничивающая Самодержавие, а как элемент наследственно служилый по преимуществу и заслуживающей сугубого доверия, сравнительно с разночинцами, вышедшими в люди. Зачастую неудовлетворительный уровень этих последних давал повод лучшим представителям дворянства считать свои традиции более высокими, чем дореформенный уклад бюрократии. Ведь недаром же правительству пришлось учреждать привилегированные учебные заведения для борьбы со взяточничеством и вообще для повышения уровня служилого класса. Отрицать заслугу этих заведений в области служилой этики никоим образом нельзя, как нельзя отрицать и проявленной их питомцами неизменной приверженности к нашему политическому строю.

Итак, западничество понимание земской задачи некоторыми дворянами-земцами начинается с того момента, когда у этого сословия была отнята исконная, или, по крайней мере, весьма давнишняя ее домашняя политическая роль. Не надо забывать, что этими западническими тенденциями повеяло *сверху*: ближайшие советники Государя и исполнители Державных распоряжений весьма кокетничали в таком стиле, побаивались Герцена и вообще сильно напоминали того министра, которого гр. Алексей Толстой так метко изобразил в знаменитом «Сне советника Попова»¹². Печать строила «дворцы из алюминия»¹³, а все прежнее разрушала без разбору, и не только по слепому увлечению утопиями, но и потому, что она почти вся сразу оказалась в руках разночинцев и, во всяком случае, людей *без традиций*.

Дворянам-земцам, в течение многих лет, со всех сторон — и сверху, и сбоку, и снизу — подсказывалось то, что теперь для большинства сделалось автоматически исповедуемым догматом. Можно ли им это ставить в вину? Чем хуже шли их денежные дела, тем больше, наряду с этим, стала выдвигаться тенденция пошире пользоваться общественным пирогом. Это прискорбно, но вполне естественно. Западническое отношение к задаче самоуправления при таких условиях становится частью нервным, частью деловым. Весьма естественна, поэтому, например, популярность камергера Стаховича¹⁴ в такой губернии, где он хотел даже монополизировать в руках обедневших дворян некоторые должности «по винной части». Люди, которым плохо живется, очень склонны к законодательным переменам, «обещающим» какие-либо новые права и возможность извлекать выгоду из этих последних. Когда почва уходит из-под ног, то человеку не до традиций. Новые чувства и мысли заполняют душу его, оттесняют в темный угол то, что было *основным* при других условиях и что лишь изредка прорывается в полунамеке или вздохи сожаления. Весьма характерно, между прочим, что даже у Щедрина, бывшего недавно излюбленным писателем нашей пестрой буржуазии, иногда прорывается еле заметный, невольный «дворянский вздох», находящийся в логическом противоречии с тенденциями, которым он служил слишком усердно для такого крупного таланта.

Значительная часть земцев-дворян психически (в политическом смысле, а не по части самодеятельности) превратилась в буржуазию, ряды которой стали быстро пополняться снизу, с одной стороны, людьми умелыми и зубастыми (щедринские Колупаевы, Разуваевы, Иуды Стрельниковы и т. п.), с другой, — несомненно благородными и самоотверженными идеологами западнического самоуправления или просто горячими друзьями наро-

да (земские врачи, учительницы и т. п.) и с третьей, — крикунами-карьеристами, опирающимися на печать.

Русский человек как сын народа *не политического* (в западном смысле этого слова) пасует перед крикунами, робеет, не находит слов для возражения и принимает пустые фразы, как деловые формулы. Недаром сложилась у нас поговорка: «кто палку взял, — тот и капрал». И чем «либеральнее» человек, тем он более робок, потому что прошел особую «муштру»; за последнее время только в этом лагере и имеется строгая муштра, осложняемая еврейскою нетерпимостью печати, в которой крепко засели эти «угнетенные» угнетатели. Указанная прискорбная психическая черта завелась у нас, по-видимому, еще при татарщине и Иоанне Грозном и поддерживается теми, «кто палку взял». Средний земский деятель боится «жупела» на земском собрании, — боится, чтобы не сочли его ретроградом: он подобен человеку, который бы носил в своем нутре легко лопающийся «пузырь со страхом»; точно ждет каждую минуту, что кто-нибудь прикрикнет на него: «Ты чего здесь?! Пшел!» Вот его врасплох и берут, и дрессируют!.. Это особенно наглядно там, где он сталкивается с инородцами.

Наряду с этим идет и другого рода дрессировка, или, точнее, «покорение под нозе». Формально, во главе земств стоят дворяне-землевладельцы, но фактически хозяевами этого дела и руководителями его направления являются довольно часто не они, а жадные, экономически сильные и беспощадные представители поместного кулачества всевозможных калибров. В великорусских губерниях крупный фабрикант, вроде «Маски» Чехова¹⁵ или хлеботорговец, даже и не входя в состав управы (ему и марасться не стоит с такими пустяками), держит ее в своем кулаке; в южных губерниях чаще всего властвует еврей. И это давно уже так. Ввиду этого, в нашем самоуправлении и *не сложилось*

традиции строго добросовестного отношения к общественной копейке, а если есть какая-нибудь традиция, то скорей противоположная.

Людам, идеализирующим наше самоуправление, весьма полезно было бы посмотреть, например, как иногда «принимаются» г.г. членами управы материалы для дорожных сооружений, делаемых с подряда. Во-первых, самая организация этих подрядов зачастую чрезвычайно сложна, причем номинально числится подрядчиком одно лицо, а фактическим исполнителем дела — десятый человек, получивший его путем целой цепи «передоверий» и сепаратных договоров; обыкновенно это кулак-хищник того района, в котором производится работа; уезд охвачен сложную паутиной, которую между собою разделили пауки для высасывания соков из общественных и частных «мух». Во-вторых, самая процедура «браковки» материалов тоже весьма характерна; для этого дела «выезжает» обыкновенно либо член управы из крестьян-кулаков (другого рода крестьянина в члены управы не выберут), либо прогоревший дворянчик и, в качестве эксперта, земский техник. Если этот последний не утратил еще поверхностного глянца общественных идеалов, или если при этом есть посторонние интеллигентные свидетели, то эксперт бракует строго, а член управы сперва слабо, потом все откровеннее отстаивает интересы подрядчика. В результате принимается материал среднего качества, а то и ниже среднего. При мало-мальски осторожном отношении к этому делу, ответственности за такие компромиссы никакой, а «либеральная» печать усмотрит в указании таких фактов стремление «набросить тень на принцип самоуправления». Печатно напасть на интендантство — вот это гражданский подвиг, потому что там чиновники. А в земстве — в земстве «деятели»...

Эти деятели, однако, зачастую оказываются в руках у кулаков, подобно прочему населению, испытывающе-

му на себе иго воцарившейся буржуазии. Трудненько им, бедным, приходится: если неурожай, то землевладельцу нечем проценты в банк платить, а крестьянину нечего есть; если урожай, то цены падают, — и скупщики продуктов сельского хозяйства начинают опять-таки «строго обращаться» со своими клиентами. Куда ни глянь, везде хозяевами положения являются именно люди указанной категории.

Мне даже думается иногда, что именно *они* выдвинули модный ныне вопрос о «мелкой земской единице», ради собственного удобства: им можно будет обделывать свои делишки, сидя дома, не прибегая к «передовериям» и к поездкам в уездный город. Впоследствии к этой затее примазались и стали ее муссировать уже сторонники такого «прогресса», при котором рушились бы устои крестьянской организации и деревню заполонили бы всякого рода «пиджачники». Конечно, здесь речь идет не о возрождении прихода (ибо, с точки зрения упомянутых прогрессистов, религию пора заменить «мироведением») и не о такой мелкой земской единице, разумная организация которой внесла бы в деревенскую жизнь больший порядок и дисциплину и открыла бы поместным дворянам (где они уцелели) возможность благотворно влиять на жизнь деревни, вдали от людных говорилен, где расточается лесть модным буржуазным тенденциям, под видом гражданского служения. До такой, т. е. до *хорошей* мелкой земской единицы, мы еще, по-видимому, не доросли...

При внимательном наблюдении поместной жизни нельзя не заметить, что специально-хозяйственная сторона земской деятельности зачастую страдает подчинением интересов дворянских и крестьянских выгодам кулаков и торговцев, т. е. поместной буржуазии. Главную причину этого явления следует признать малую практичность земцев-идеалистов и непомерную прак-

тичность людей своекорыстно реального направления. В итоге, вместо желательного удешевления поместной жизни и наибольшей выгоды занятия сельской промышленностью, зачастую получается обратное явление. В частности, земское обложение проявило такую наклонность к быстрому росту, что правительство вынуждено было положить ему предел. Надо надеяться, что последняя мера, противоречащая принципу хозяйственной самостоятельности земства, будет отменена или заменена другою, более гибкою мерой, когда уровень земской самостоятельности надлежащим образом поднимется.

Склады сельскохозяйственных машин и орудий, питомники, оптовая выписка отборных семян и строительных материалов, сношения комиссионного свойства по вопросам труда, сбыта, потребления и т. д. — вот, между прочим, предметы забот, могущих, при надлежащем успехе, удешевить и улучшить поместную жизнь и поставить в надлежащие рамки ее современный недуг — кулачество.

В заботах о своем излюбленном детище, народной школе, земство, в большинстве случаев, также не стоит на вполне надежной почве. Безусловно было бы несправедливо отрицать самоотверженную любовь земства к делу народного образования: оно тратило и тратит на это массу денег (расходы на школу явились одною из причин предельного обложения), не скупится на пособия, на увеличение жалованья педагогическому персоналу, его деятели не щадят времени на творчество в области школьно-административной.

Все это так. Но следует признать, что окрашивающею характерною чертой школьной деятельности земства является доктринерское увлечение идеей быстрой и поверхностной умственной эмансипации народа, тогда как народ нуждается в *гармоничном, почвенно-русском духовном развитии*. Необходимо воспитать достойного

гражданина, а не буйного или циничного вольноотпущенника, все мнимое развитие которого заключалось бы в одном усвоении верхушек элементарного знания и в попрании авторитетов. Статьи газет, проповедующих именно последнего рода фальсификацию прогресса, зачастую сильно влияют на земских деятелей, которым надлежало бы, во *всеоружии деревенского опыта* глядеть на дело трезвее и относиться к нему вдумчивее.

Среди учителей народных школ, наряду с настоящими подвижниками, нередко можно встретить людей бесполезных и даже вредных, пренебрежительно относящихся к религии и нравственности, осмеивающих власть родителей и стариков, склонных сеять рознь между сословиями, и скверною личною жизнью заводящих соблазн в селе.

Самый тип деревенского учителя (помимо указанных плохих экземпляров) выработался не тот, какой желателен. Сельской школе надобен или учитель-крестьянин, смиренномудрый и простой, не выделяющийся из своей деревенской среды, или, когда средства позволяют, — настоящий, хороший педагог, глубоко понимающий и значение созидательных начал русской жизни, и родную историю, и настоящие нужды крестьянина. К сожалению, учителя такого уровня и настроения встречаются весьма редко, а преобладает наименее полезный для деревни тип полуинтеллигента, колеблющегося между двумя сферами понятий, а потому и не могущего достигать иных результатов, кроме насаждения грамотности, да распространения беспринципной умственной эмансипации.

Такой тип мог стать преобладающим лишь в силу ревностного, но вместе *некультурного* отношения земцев к школьному вопросу. И этого, строго говоря, нельзя ставить земским деятелям в вину, так как ведь *вся* наша школа, не исключая высшей, носит наглядные

признаки некультурности. Но когда противопоставляют земскую школу правительственной и поют первой хвалебные гимны, доходя до пожелания «несменяемости» земских учителей, то в таковой крайности нельзя не отметить микроба западнического взгляда на русское самоуправление.

Покуда такой ненормальный взгляд держится в земстве, то вряд ли было бы полезно, как того желали некоторые зарпортовавшиеся члены недавнего учительского съезда, предоставлять бесконтрольному ведению органов самоуправления народную школу, т. е. ту почву, на которой заблуждающиеся люди склонны сеять свои заблуждения. Правильнее было бы рационально развернуть правительственные и общественные права в священной области народного образования. По самой задаче своей, — создавать таких граждан, какие нужны строю данного государства, — школа прежде всего должна находиться в непосредственном ведении представителей правящей системы, *специалистов* этого дела, связанных, вдобавок, определенным государственным взглядом, а не дилетантов, которые могут быть весьма достойными людьми, но мало смыслить в педагогии.

Забота земства о народном образовании похвальна и патриотична; нельзя, например, не сочувствовать проекту псковского земства, предлагающего обложить водку, с целью подъема народного образования; но когда эта работа связана с забвением, что педагогия есть *специальность* и наблюдать за школьным делом следует только людям сведущим, — то здесь уже начинается *некультурное* отношение к делу. Выражается оно и в «принципиальном» несочувствии весьма многих земств к церковно-приходским школам, даже когда последние прекрасно поставлены. Тут уже нет никакого оправдания, а есть либо плохая форма земско-бюрократического ведомственного соревнования, либо плохая политическая тен-

денция в *еврейском* духе: несочувствие делу Церкви, поклонение пресловутому мироведению и т. п.

Где церковно-приходские школы слабы, за недостатком средств, там земство должно бы помочь, если оно считает себя действительно *передовым* органом русской культуры, а не обособленным ведомством или «маленьким правительством». Тяжело глядеть на эту рознь, которой народная масса ни одобрить, ни понять не может, ибо она ждет здоровой, дружной помощи со стороны всех гражданственно развитых элементов России.

В некультурном отношении многих земств к вопросу о народной школе следует признать отчасти также воздействие пестрой, бесформенной и, в итоге, беспринципной буржуазии, влияющей на экономическую сторону земской деятельности.

Одною из причин большинства отрицательных явлений русской жизни вообще и русского самоуправления в частности следует признать пестроту и расплывчатость буржуазии и полное отсутствие каких-либо коренных, созидательных традиций в этом разрастающемся классе. Старозаветные понятия, царившие в ядре его, т. е. в купеческом сословии, особенности его быта, психический склад, — все это колоритное, живое и жизнеспособное весьма быстро выветрилось и полиняло под натиском новых понятий.

Давно ли торговец-кредитор грозил должнику, что сотрет его имя с доски, где мелом записаны долги людей добросовестных? Давно ли в среде того же купечества была суровая, но прочная семья, а книги религиозного содержания были настольными? Сколько здравого, живого ума было в этих типичных, почвенных людях, потому что с невероятной быстротою мельчают физически и духовно и, отрешившись от старых заветов, новыми не обогащаются! Наконец, сколько поналезло в эту рассыпавшуюся храмину всевозможных элемен-

тов — и сверху, и снизу, и сбоку! Сколько инородцев, в особенности евреев! Посмотрите хотя бы на Москву: ведь она наполовину уже *нерусский* город! На вывесках чужие имена, активные капиталы в чужих руках, крупное инородческое, особенно еврейское, домовладение разрослось непомерно; наконец, вся почти без исключения печать находится в еврейских руках и служит их разрушительной племенной политике, травит и устрашает, кого ей угодно, распространяя пошлость, продажность, грюндерство, издеваясь над всем, что необходимо русской силе, русскому государственному здоровью.

Бесспорно, у той части нашей буржуазии, которая называется интеллигенцией, есть и высокие мечты, и благородные стремления, и вообще много разрозненных творческих начал. Но как все это хаотично, как мало-мальски определенные взгляды носят характер *заученности*, теоретичности, незнакомства с родиной! Традиции никакой, да и неоткуда ей было взяться!....

Созидательные традиции создаются долгою работой. Творческие силы того или иного класса накапливаются *медленно*. Резкие реформы могут скорее разрушить плод исторической работы, нежели создать что-либо новое.

В одном из наших буржуазно-либеральных журналов было употреблено выражение *«традиции 60-х годов»*, причем во главе этого понятия ставился пресловутый «правовой порядок». Автор этой фразы неточно понимает слово *«традиция»*: традицией нельзя назвать упорную приверженность отвлеченным формулам, проявляемую, вдобавок, людьми, оторванными от исторической почвы: традиции с неба не падают по прихоти законодателя или кучки публицистов, и не десятилетиями мерится время развития всего того, что заслуживает названия традиций!

Неправильно смотрит автор приведенного мнения и на «правовой порядок»: право есть понятие, по преимуществу *регулирующее*, а не *творческое*. Когда

же оно, разрушая традиции, добрые нравы и обычаи, мало-помалу вытесняет в беспочвенной среде начала религиозно-нравственные, — то оно становится даже *разрушительным* элементом, под предлогом формального урегулирования отношений, слагавшихся прежде жизненное и нравственное.

Нельзя отрицать, что право отчасти сыграло такую роль в русской духовной жизни, особенно в жизни буржуазии: иначе на смену людям, боявшимся, что их имя сотрут с доски добросовестных должников, не появились бы грюндеры и злостные банкроты, да и самое исчезнувшее явление не исчезло бы, если бы соблазнительный правовой формализм не посягнул на добрые нравы и обычаи. Когда эти последние исчезают или гниют, уровень общественной жизни понижается, и становится необходимым тот пересмотр, которым занято в настоящее время наше общество. Недаром один из видных и искренних ревнителей права, А. Ф. Кони¹⁶, за последнее время столь озабочен поднятием *судебной этики*, т. е. одухотворением *содержания* права.

То, что выше было неверно названо традицией 60-х годов, скорее может быть сравнено с алкоголизмом: люди стали втягиваться в понятия и тенденции, противоречащие русскому жизненному укладу, и, страдая от похмелья многих доз, думают поправить дело новыми приемами того же напитка.

Тут и самообман, и некоторый изъясн в логике, если практически посмотреть на положение дела. Деятели самоуправления охотно говорят: «Мы признаем многие крупные изъяны русского самоуправления; но они объясняются тем, что самоуправлению не дано должного простора и естественного развития: оно стеснено административным контролем, и т. п.».

По этому поводу можно задать вопрос: неужели административный контроль может мешать хорошо

вести общественное хозяйство? Когда же и где он мешал этому? Он мог мешать лишь плохим тенденциям в школьном деле и неумеренному политическому элементу в деятельности земства.

Политика затрагивает, между прочим, общегосударственное хозяйство, масштаб которого грандиозен по сравнению с поместным общественным хозяйством, и органы которого должны быть специально подготовлены. Можно ли предполагать, что учреждения, не вполне справившиеся со своей скромной поместной задачей, будут успешнее выполнять задачу более сложную, широкую и многотрудную? К такому предположению нет оснований — ни логических, ни бытовых.

Может быть, г.г. передовые ревнители экстенсивного самоуправления не чувствуют достаточного вдохновения и подъема усердия по отношению к узкой сфере поместной деятельности? Они хотят быть сразу министрами, государственными деятелями, «представителями страны», под тем или иным соусом? Но тогда они, во-первых, люди не солидные, а во-вторых, эгоисты. Ведь люди, действительно понимающие общегосударственные нужды и способные к большим делам, выдвинутся сами собою, и войдут в состав правительства: за последнее время довольно много поместных, в широком смысле, земских деятелей призвано к власти и облечено возможностью проявлять свои творческие дарования, говорить живую правду, на основании знакомства с нуждами земли. А ведь только это и требуется для того, чтобы Верховная власть получала взаимно проверяющиеся сведения из разных источников!..

Если бюрократия не замечает каких-либо выдающихся деятелей, а иных сознательно, не по заслугам оставляет в тени; если она проявляет недостаточную чуткость и патриотическую принципиальность, — то

это вопрос об усовершенствовании бюрократического механизма, а не о расширении полномочий той не сформировавшейся, не установившейся пестрой среды, в которой случайно выдвигаются деятели самоуправления и из которой пополняется контингент той же бюрократии! Если какой-нибудь напиток нехорош, то он не станет лучше от перелития из рюмки в стакан, или наоборот. Уровень каких бы то ни было учреждений, независимо от того, правительственные ли они или общественные, находится в теснейшей связи с *нравами и обычаями данного общества*.

Нужно *воспитание*, отвечающее духовному складу и историческим традициям народа. Нужна *культура*, которую не следует смешивать с поверхностными, непрочными благами «цивилизации», усвояемыми наскоро и без разбору, как плохой ресторанный обед голодным и рассеянным горожанином.

Среди ревнителей нашей государственной силы есть достойные, искренние люди, коренным образом, однако, отрицающие самый принцип русского самоуправления и выборное начало, а потому относящееся к земству враждебно и не надеющиеся на возможность его развития. Мне кажется, что это скорее не взгляд, а нервное чувство, вызванное слишком торопливым обобщением изъянов земской и городской деятельности. Русскому сердцу, верующему в творческие силы народа, мудрено примириться с таким взглядом, опровергаемым и самою жизнью. Разве нет земств, работающих успешно? Разве, — если даже взять средний уровень наших земств, — не найдется там массы загородного труда, искренней любви к народу и веры в правду, чуждую политиканства и фраз? Поместная работа дело не показное; резче всего бросаются в глаза ошибки и глупости, а не скромное, будничное добро, творимое смиренномудрыми тружениками.

Боже упаси отрицать полезность земства или совместимость его с нашим государственным строем. Вопрос именно *в мере вещей*, в точном *разграничении* прав и обязанностей и в трезвом отношении к действительности.

Недавно была у меня в руках очень хитро написанная анонимная записка о земстве, приписываемая какому-то значительному должностному лицу, но, по-видимому, апокрифическая. В ней хотя прямо и не высказывается пожелание упразднения существующего земства, но говорится, между прочим, что между земством и Самодержавием есть коренное внутреннее противоречие. Самодержавие-де зиждется на одном бюрократизме — и только.

Взгляд *нерусский* и *лукавый*. Нерусский потому, что противоречит и нашей истории, и нравственным основам нашего строя. Самодержец, как лицо, поставленное своим саном превыше целого ряда соблазнов и обособленных интересов и ограниченное лишь религиозно-нравственными нормами, глубочайше озабочен *всесторонним* ознакомлением с нуждами государства, получаемым многоразличными, независимыми друга, от друга путями. Одною бюрократическою машиной обойтись в этом случае нельзя, — и высшие представители ее, считающие свою работу не ведомственным, а *государственным* служением Царю и Отечеству, сами идут навстречу голосу земли, прислушиваются к нему и стремятся установить доброе взаимодействие между правительством и обществом. Это было, например, весьма ясно выражено г. министром внутренних дел, по поводу юбилея названного министерства.

Целью упомянутой анонимной записки могло быть либо желание автора ложно зарекомендовать себя ультраконсерватором перед властями, либо внести смуту и беспокойство в среду ревнителей самоуправления, а зарубежным революционерам подать повод прокричать

(если автор записки — видное лицо), что русский строй враждебен-де всякому прогрессу, всякому развитию жизни — и потому подлежит разгрому. Из этих задних мыслей мне показалась особенно ехидною и противною вторая: в момент пересмотра многих взглядов и фактов она настраивает на нервное брюзжание, вместо того, чтобы призывать к серьезной работе.

Не надо поддаваться таким нашептываниям! Земство как исконно русское учреждение не противоречит нашему строю, а является органической, составною частью его.

Оно не может и остаться на точке замерзания, ибо, что не идет вперед, — то идет назад. Нашему самоуправлению непременно предстоит развитие, но не в западническом, а в *русском* направлении, не экстенсивное, а интенсивное, — не расширение, а углубление задачи, более деловое и патриотически вдумчивое отношение к ней.

Подобно тому, как нам нужно не жадное и быстрое высасывание соков из земли, метко названное немцами *Raubwirtschaft*, т. е. хищническим хозяйством, — нам нужно и самоуправление, которое бы подъемом хозяйственной техники и солидной гражданственности содействовало поднятию культурного уровня России. Задача высокая и ответственная!

Ниже надеюсь подробнее выяснить вопрос о том, что жизненною силой и задачей русского самоуправления может быть *только* творческая самодеятельность, не ослепленная формами и фразами, а проникнутая жаждою *реального* добра народу, во всеоружии знания и вдумчивой любви.

2.

Представьте себе двух работников, которым бы хозяин поручил вспахать плугом поле, и которые зна-

чительную часть времени удаляли бы спору и борьбе из-за ролей своих в руководительстве плугом. Нива осталась бы недопаханной к сроку. Опоздали бы и посеяв, и урожай, — и злорадно смеялись бы над хозяином корыстные соседи, у которых он в трудную минуту занимает деньги под большие проценты и под залог своей кормилицы-земли. Плохо пришлось бы хозяйским детям, и с малых лет превратились бы они в попрошаек, не умеющих ни работать систематически, ни с достоинством вести свои дела...

До такого трагизма, слава Богу, картина русской жизни не дошла; но несомненно, что между правительственными учреждениями и обществом довольно часты несогласия и недоразумения, на разрешение которых приходится непроизводительно тратить много дорогого времени, в ущерб народному благополучию.

Это именно недоразумения, а не какая-либо естественная, коренная рознь. Тут много искусственного, либо насаждаемого врагами русской силы, либо механически усвоенного людьми, не знающими русской местной жизни.

Нередко приходится присутствовать при открытии «Америк», вроде нижеследующей: «Чиновников не нужно, так как это все люди бездушные, своекорыстные, пустые и не знающие России! Царь и земля — вот живая русская, или, пожалуй, даже исконно русская творческая формула!».

Как она осуществилась бы, и насколько она вообще осуществима *неполитическим* русским народом, многомиллионная меньшая братия которого считает для себя Божиим наказанием даже исполнение должности старосты или десятского, — об этом не говорится, или говорится на основании столичных кабинетных бесед, да пустозвонных фельетонов. Удивительно, как хорошо все выходит, все укладывается легко и удобно, «точно воло-

сы на супе», как сказал бы француз, держащий неопрятную кухарку. Слов нет: формула очень благозвучна и пленяет своей краткостью; она так же легко запоминается, как пресловутое «непротивление злу» графа Толстого или приписываемое без оговорок Прудону¹⁷ изречение «собственность есть кража»...

Ну, а как дойдет до дела, то надо считаться и с принципами государственности вообще, и, в частности, с характером населения. Прежде, чем провозглашать краткие соблазнительные формулы, не мешает ознакомиться и с социологией, и с историей, всеобщей и русской.

Никакая власть, особенно же монархическая, не может обходиться без органов, безусловно ей подчиняющихся и работающих по определенной программе. Если монарх будет непосредственно иметь дело с пресловутой «землею», то он окажется совершенно излишним, а с другой стороны — и «земля» окажется в сильнейшем заблуждении, если предположить, что фактически она управляется сама собою.

Как неотразимо доказал Гастон Бержере¹⁸ в своей замечательной книге «**Principes de politique**», государством правит всегда *меньшинство*. Стало быть, дисциплинированные иерархически соподчиненные *органы* необходимы всюду, где не господствует полнейшая анархия; да и анархия есть лишь ненормально быстрая смена случайных властных людей, сопряженная с беспорядками, кровопролитием и полною разнузданностью всяческих страстей. Нужно ли доказывать, что центральная власть без дисциплинированных органов может быть лишь сравнена с головою, отрезанной от туловища и не повелевающей умелым рукам?!... Пошли бы гг. ревнители приведенной формулы послушать оперу «Руслан и Людмила¹⁹»: они бы увидели, какой печальный жребий постигает отрубленную голову...

Формы и пределы политического народоправства при нормальных условиях нарастают и определяются сами собою как *естественный продукт народного характера*, а не по почину ослабевшей или усыпленной центральной власти и не по воле публицистов с сомнительным источником вдохновения. Когда перемены слагаются иначе, как, например, во Франции, то благополучию и даже целости государства, силе и достоинству нации грозит серьезная опасность. Недаром у нас так неумоимо работают в этом направлении и евреи и прочие враждебные нам инородцы, к услугам которых всегда имеются наемники, более или менее умело носящие овечью шкуру.

Иностранческая интрига у нас теснейшим образом связана с проповедью неумеренного народоправства и с огульным отрицанием самого принципа бюрократии. Все доктринерское, все упраздняющее исторически выработанные и социально необходимые перегородки, все не могущее привиться естественно к народной среде и приобрести созидательное значение — служит лишь врагам России и в значительной мере подсказывается ими. Как ни маскируют это некоторые их покорные слуги «русским стилем», — шило торчит из мешка, и проекты носят западническую окраску, «*style Necker*²⁰»...

Разумеется, среди ревнителей той или иной практически неосуществимой программы или отвлеченно вредной доктрины, кроме людей, заслуживающих имени «дрейфусаров» в широком смысле этого слова, есть и немало добросовестных жертв недомыслия, искренно думающих, что серьезная, прочная политическая культура может подниматься искусственно снизу, вопреки всей истории, не только нашей, но и зарубежной. Таким людям можно только посоветовать всмотреться и вдуматься в жизнь: они видели бы, что если теперь те или иные функции государственной жизни неудачно выпол-

няются плохими или равнодушными чиновниками, — то случайными избранныками «земли» они выполнялись бы еще хуже, менее аккуратно и умело.

Всякое дело требует специализации, подготовки, школы, традиции. Наша бюрократия весьма несовершенна, но у нее все это есть в большей степени, чем у земства. Бывают, конечно, примеры, что какой-нибудь бес-содержательный господин, не обладающий даже тенью административного и делового ценза, попадает губернатором в совершенно незнакомый край, потому что состоит в родстве с важным лицом, смотрящим на службу, как на арену своих прихотей и семейно-имущественных расчетов. Но ведь это же исключение, злоупотребление, а не правило. Наконец, даже если бы подобные явления встречались и довольно часто, — все-таки это не подрывало бы ни принципа необходимости подчинения служилых органов и лиц единому источнику государственной власти, ни принципа специализации и ведомственной выработки, свойственного правительственным учреждениям в неизмеримо большей степени, чем общественным.

Естественное призвание общества — оценивать по достоинству работу тех или иных правительственных учреждений на основании своего пестрого опыта, помогать ей в отдельных случаях, в роли поместного эксперта и *критика*, а отнюдь не заменять собою политические учреждения. Опыт западных конституций наглядно свидетельствует в пользу такого взгляда: сильны только те народы, у которых, при значительном уровне общественной самодеятельности, силен государственный механизм и политические функции правильно распределены. В Германии, например, конституция стушевуется перед сильною волей монарха, а стремления и дарования общества направлены на сферу культурно-экономическую, неизмеримо более производительную, чем треволения внутренней политики. Во

Франции, наоборот, политиканством убивается производительная самодеятельность. Наиболее конституционную страну, в хорошем смысле этого слова, может быть названа Англия, но она такова именно вследствие того, что англичане сильны производительной самодеятельностью, которая *естественно* переливается у них за пределы частной жизни. К тому же в Англии авторитет власти, установленной законом, стоит чрезвычайно высоко, и никому не приходит в голову его оспаривать. Так или иначе, англичане, как в политическом, так и в других отношениях, представляют собою своеобразнейшее исключение среди европейских народов, которые всегда дорого платились за попытки подражать Англии в области политического строя.

На материке Европы, как выше сказано, культурно-политическое развитие государств шло сверху. Особый интерес в этом отношении представляет история Пруссии и, в частности, державная созидательная работа короля Фридриха Вильгельма I²¹. Этот замечательный монарх положил краеугольный камень прусской гегемонии и германского могущества. Он *насаждал*, создавал культурно-экономические явления: равномерно распределял население, поддерживал земледелие и связывал с ним обрабатывающую промышленность; но главным его историческим подвигом и величайшим даром, каким он облагодетельствовал свою родину, необходимо признать улучшение качества и системы бюрократической работы.

Фридрих Вильгельм I *выковал* прусскую бюрократию, сделал ее добросовестною, умелою и *глубоко национальною*; этот человек, которого можно бы назвать воплощенною противоположностью всякой сентиментальности, воплощенным презрением к жалкой политической болтовне и доктринерству, — действовал, когда нужно, а порою, когда и не нужно, мерами столь круты-

ми, что теперь про них даже и читать странно. Он считал призванием монарха ясно сознанное, реальное служение родине и *дисциплинирование ее правящих сил*.

Не будь у Германии сильной, умелой и честной бюрократии, — не появились бы там ни Бисмарк²², ни Мольтке²³, ни десятки, сотни, тысячи энергичных пионеров германского государственного дела на всевозможных поприщах и во всех странах мира.

Русским людям пора бы это понять и принять к сведению. Когда имеешь дело с соседом, который на днях еще был только сравнительно скромною силою близ части нашей западной границы, а сегодня вытесняет нас с Ближнего Востока, а на Дальнем Востоке делает нам затруднения, — то, право, пора в области внутренней нашей организации отрешиться от пустого доктринерства и туманных фраз. Пора понять, что мы превратимся в немецкую факторию²⁴, утратим и хлеб, и мощь, и национальный дух, если наши общественные силы будут тратиться на фрондирование с властями, на трение, а не на производительную *хозяйственную* работу, и если, вместо дикого, огульного «младотурецкого» отрицания бюрократии, мы не перейдем к патриотичному, культурному стремлению улучшить, *выковать* ее. Вот в чем заключаются творческая и критическая задачи здоровой общественности, а не в том «смотре в лес», подмигивании, брюзжании и более или менее переодетом политиканстве, которое покойный Владимир Соловьев добросовестно и метко называл «*вредным вздором*».

Если человек любит только самого себя, служит корысти и тщеславию, а не благу родины, то ему все равно, во что обойдутся этой последней политические авантюры, о которых он мечтает, лаская свое воображение «олеографиями» западнического народопрравства, распространяемыми еврействующей печатью. Если же для него слово «родина» не звук пустой, то он должен честно

себя спросить, что нужно этой родине в данный момент, при настоящих внутренних и внешних условиях.

Нужна прежде всего *культура*, необходимо улучшить технику всех российских занятий и дел. Землю надо обрабатывать разумно, а не хищнически: тогда крики о малоземелье и кочевой образ жизни больших народных масс станут более редкими явлениями. Нужно, чтобы обрабатывающая промышленность являлась венцом промышленности добывающей, а не чужеродным растением, высасывающим соки из народа. Нужно, чтобы народная школа служила не мостиком от крестьянского наивного невежества к пиджачному нигилизму, а живым органом, повышающим духовный уровень народа. Нужно, чтобы суды не были рассадниками недоразумений в области нравственности и здравого смысла, а бытовая сторона бюрократической машины не подавала частых поводов к справедливым нареканиям.

Менее всего допустимы такие аномалии, как профессора — виновники волнений молодежи (одни — удушливою скукой своей бездарности, другие — холопским либеральничаньем), или как служилые люди, присягнувшие служить определенному строю и на каждом шагу ему изменяющие, не только безнаказанно, но *даже с пользой для своей карьеры*. Вообще, надо поменьше лжи, виланья, смутных недомолвок и скрытого яду; побольше простой и честной созидательной работы.

Было бы недобросовестно утверждать, что все наше самоуправление, или хотя бы большая часть его представителей отличается перечисленными гражданскими пороками. Наоборот, в активе их деятельности имеется масса почтенной созидательной работы. Иного настроения и иных правил держатся, главным образом, единичные крикуны; если можно на что-либо сетовать, — так лишь на то, что крикуны не встречают должного *общественного* отпора и что представление о

компетенции и границах самоуправления недостаточно ясно в общественном сознании.

Что делать интеллигентным представителям нашего самоуправления? По-прежнему, как доселе некоторые ретивые мечтатели, стремиться урвать что-нибудь из компетенции губернаторской, министерской или верховной власти и тем доказывать свою «политическую зрелость»? Лезть в жирондисты²⁵ из страха перед трагическими формами аграрного нестроения и в явно нелепой надежде, что учреждение нескольких больших и малых говорилен, с еврейскими адвокатами во главе, улучшит социально-экономическое положение деревни и водворит в ней мир? Этим господам не мешало бы вспомнить, какая участь постигла жирондистов!..

Народ экономически захирел, духовно слаб стал, попадает часто в руки кулаков и смутьянов. Плоды его трудов баснословно дешево скупаются зарубежными потребителями, поместная жизнь уродливо дорожает, под влиянием стачек эксплуататоров, без пользы для производителей естественных продуктов. Необъятная нива разнообразного труда ждет практически сильных, умелых делателей, а не резонеров мечтательных или нервных. Сердце радуется при виде таких практичных и продуманных забот о народном благе, какими проявили себя, например, земства пермское и вятское. Это не чета лохвицким телефонам, которые сооружены в ущерб дорогам и больницам, по недоразумению, в погоне за показными формами пресловутого прогресса, или ради удобства нескольких помещиков, любящих играть в винт, да нескольких евреев, любящих играть ценами на сельскохозяйственные продукты.

Надо поднять благосостояние земледельца, который был значительно богаче, покуда обязан был работать и не смел безнаказанно пьянствовать, и покуда искусственно насажденная и искусственно поощряемая фабричная

промышленность не убила многих отраслей народного труда и благосостояния. Кто знает: быть может, придется когда-нибудь установить благожелательный контроль над сельским хозяйством и *требовать* добросовестного отношения к земле. Лесоохранительный закон — не очень удачный и весьма запоздалый, но в основе правильный шаг на этом пути.

Может быть, сама же здравая земская самодеятельность выдвинет на очередь и многое другое, в том числе вопросы об установлении более строгой ответственности за несоблюдение рабочими условий и обязательств, за нарушение права собственности, вопросы о разумных пределах покровительства обрабатывающей промышленности и т. п. Нужны же, в самом деле, какая-нибудь логика, стремление к справедливости и порядок в социально-экономических отношениях. Не нужно быть особенно внимательным и зрячим, чтобы видеть ряд вопиющих экономических аномалий. Почти каждый день можно читать телеграммы, вроде нижеследующей: «Киевское сахарное товарищество *Городок* выдало дивиденда 35 процентов». Во-первых, почему 35 процентов — не признак косвенного ростовщичества? Во-вторых, страдают, очевидно, производители и потребители продукта, ценного для народного питания, а благоденствует лишь кучка дельцов, пользуясь специальным содействием близких ей финансовых сфер. Земским людям заинтересованных районов это не может быть безразлично, да не должно быть оно безразлично и правительству, которому такие аномалии *невыгодны* даже в политическом отношении. Возьмем другую телеграмму, из любимой резиденции шайтана, — из Баку: «Спекулянтами расхищена огромная часть казенных и общественных земель, *при помощи приговоров, выманенных у крестьян*». Положим, в Баку земства нет и быть не может, так как население к нему совершенно не подготовлено. Но *земские люди* в

глубоком смысле слова, т. е. ревнители простой государственной правды и народного блага, могут найтись, — и нельзя им молчать о таких ужасах!..

Куда ни глянь, — везде нужна не политиканская, а именно *гражданственная самодеятельность*, — и земская работа как область, широко доступная гласности и критике, должна быть источником, очагом этой самодеятельности.

Далее, как было указано выше, почему живой земской силе не принять познергичнее всех доступных ей мер для удешевления жизни и для подъема доходности хозяйств: выписывать оптом семена, строительные материалы, орудия, утварь и т. д., входить в непосредственные сношения с крупными потребительскими рынками, брать и успешно исполнять кустарные и иные подряды, заказы и т. п.? В слабой мере это уже делается частью земствами, частью же постепенно разрастающимися сельскохозяйственными обществами.

Если принять во внимание российскую помещичью общественную психологию, то придется, пожалуй, признать, что сельскохозяйственным обществам, как не отвлекаемым никакой политикой от прямых задач экономической самодеятельности, предстоит значительное развитие, в ущерб земствам, а может быть, если земства поглубже вникнут в свою задачу, — то более тесное сближение, почти слияние с этими последними. Я знаю несколько примеров иронического отношения сельскохозяйственных обществ к земским управам, которые начинают опасаться здоровой хозяйственной критики с их стороны. Вот один из таких случаев: земство не чинило моста на транспортной дороге, невзирая на тщетные деликатные напоминания администрации и сетования обывателей; как только возникло в этом местечке сельскохозяйственное общество, то председатель последнего, умный и популярный свя-

щенник, пригрозил членам управы, что официально от имени общества поднимет вопрос о дорожных безобразиях в данном районе: средство подействовало магически, так как управцы поняли, что, невзирая на значительные родственные связи в уезде, они на следующий срок выбраны не будут, если против них выступит такая организованная и практически авторитетная сила, как сельскохозяйственное общество.

Великий акт 19 Февраля²⁶, освободив русский народ от формальной крепостной зависимости, выполнил далеко еще не все то, что нужно для обновления народной жизни. У нас, больше чем где-либо, нельзя оставлять без ухода и дальнейшей разработки создаваемые учреждения и новые порядки, так как все слои народа в течение веков привыкли к заботе и попечению *сверху*. Стоило народу оказаться беспастушным стадом, чтобы он сразу очутился в жестокой зависимости у кулаков, мироедов, всяческих эксплуататоров и темных дельцов.

Незабвенный Император Александр III своим истинно русским сердцем понял это и *положил начало освобождению* народа от этой экономической и бытовой зависимости, горшей, чем первая. В Бозе почивший Царь начал работу неблагодарную, исполинскую, многотрудную и не всеми тогда понятую; например, учреждение земских начальников, на практике не всегда удачное и вообще недостаточно разработанное, но в принципе глубоко целесообразное, не было оценено по достоинству значительную часть нашего общества. Царем-Миротворцем выдвинуты долго забывавшиеся понятия *национальной почвы* и непосредственного *интереса русской народности*, с ее традициями, верованиями и духовными запросами. Он понял необходимость положить предел *отвлеченным* нелепостям. Эту *освободительную по существу* работу должно бы продолжать земство, рука об руку с правительством, выдвигая элементы бес-

корыстные и народолюбивые... Какой отрасли земской деятельности ни коснетесь, везде наглядно проявляется необходимость работы более интенсивной, более близкой к народному быту, к народным нуждам. Возьмем, например, земскую медицину: в рядах ее деятелей есть люди прямо замечательные по самоотверженной любви к делу и готовности без усталости помогать народной беде; и все-таки их усилия — капля в море этой беды! Любой помещик или священник, сердечно близкий к народной среде и обладающий кое-какими практическими сведениями по части лечения болезней, бывает завален просьбами крестьян о медицинской помощи, невзирая на сравнительную близость больниц и врачебных пунктов. Это происходит не от равнодушия врачей и не оттого, что большинство фельдшеров, получая ничтожное жалованье, подкармливаются фальсификацией хинина, а оттого, что крестьянину нужна *более патриархальная форма медицинской помощи*; ему важно не отрываться надолго от срочной работы, не тратить денег на лекарство, важно и дорого, чтобы с ним поговорили не только о болезни, но и о делишках, и о горестях его; он подобен дитяти, которому нужна в минуту болезни родственная, близкая целительная рука. Может быть, это бы и достигалось, если бы врачебных пунктов завелось вчетверо, вдесятеро больше и если бы земские врачи не были так ужасно обременены работой.

Недурно бы сыновьям уцелевших в деревне помещиков, собирающимся работать дома, изучить медицину, и притом не формально, а толково, т. е. усвоить широкий взгляд, допускающий применение домашних и народных средств, а не исключительно дипломный педантизм латинской кухни. В доброе старое время обходились в деревне без дипломов и педантизма и весьма успешно лечили, руководствуясь популярными лечебниками; и помещики, и священники, и вдовы «матушки». Правда,

народ меньше болел, потому что не ходил за сифилисом ни на фабрики, ни на «Таврий», ни в большие города, где, кстати, и пища дорога и не свежа. Не было экономических авантюр, а пьянство было наказуемо, — и народ питался лучше, был, в итоге, неизмеримо здоровее. Разумеется, вышеприведенные соображения по вопросу о народном здравии обосновывают призыв не к знахарству, а лишь к *опрощению* земской медицины и приспособлению ее к народному быту.

Теперь у нас вообще вялый, скучный, печальный помещный быт. Производительность народного труда значительно упала, если принять во внимание численный рост населения.

Многопредметная, практично поставленная профессиональная школа, какую являлась прежняя помещичья усадьба, теперь не существует, — и огромные области труда и источники благоденствия отняты у народной массы крупною промышленностью, российской и, в особенности, иностранною.

Русский народ, сверху донизу, изнемогает под гнетом *перепроизводства законов*, избытка статей, не только нормирующих, но зачастую без надобности тормозящих каждый шаг. Истинным благодеянием, особенно для народной массы, было бы упрощение жизненных и административных форм, *приближение их к тому патриархальному строю*, который более близок и понятен русской натуре, не склонной к крючкотворству.

Подавленность русской народной жизни сознается всеми. Одни усматривают спасение в пресловутом прогрессе, т. е. в возможно большем еще удалении государственной и общественной жизни от русской реальной почвы, хотя именно этому удалению мы и обязаны современными общественными недугами; другие, в преувеличенном и, вдобавок, теоретичном стремлении к почвенности, идеализируют наше допетровское прошлое

и призывают его, забывая, что история вспять не возвращается. Это «психология больных» или стариков, которым грезится невозвратно улетевшая молодость в дымке розового тумана. Россия, однако, не стара, она вступает в возраст мужественной зрелости, когда надо все основывать на здоровом, без мечтаний, понимании *действительности*.

Пора искать третий выход; надо повнимательнее всмотреться в современную народную психологию, принять русского человека таким, каким он является *теперь*, взвесить внутренние и внешние политические и экономические условия, припомнить историю русской государственности и сообразовать со всем этим законы и порядки, призванные нормировать народную жизнь.

Кто же, как не земские люди, может и должен явиться честным и сведущим экспертом на местах во всех таких вопросах?! Если мы доселе почти не получаем положительных результатов такой экспертизы, если десятки, сотни земских статистиков занимались преступною пропагандой, вместо того, чтобы честно исполнять свой гражданский долг, — то это показывает, что земство, в лице своих наиболее словоохотливых деятелей, более воодушевлено западническими мечтаниями, нежели *сознательную* любовью к народу и активной заботой о его насущных интересах.

Было бы несправедливо, однако, обвинять земство в недостатке идейной и даже самоотверженной любви к народу: целый ряд благородных тружеников несомненно проявляет ее. Но *этой любви*, как выше сказано, *недостаёт именно сознательности*, вдумчивости, уравновешенности. Может быть, таково свойство русской духовной природы, а вернее, — таковы черты нашей *поверхностной культуры*, объясняемые несколькими десятилетиями колебаний и доктринерства, создавшего превеликую путаницу.

Все это поправимо, пока есть любовь к народу, любовь не ослепляет, как страсть: она дает прозрение и духовную силу, как *чувство вещее*. Надо поддерживать ее священный огонь в русском самосознании, — и тогда она повысит мельчающие характеры, выдвинет превосходство не показного, будничного гражданского долга над шумихою пустых модных фраз и решительно поведет земскую работу не в болото западнических мечтаний, бесцельного фрондерства и унижительного брюзжания, — а на путь здоровой русской мысли и плодотворного труда.

Говорить ли отдельно сколько-нибудь подробно о городском самоуправлении? Говоря по совести, оно стоит у нас значительно хуже, чем земство, что объясняется господством некультурной буржуазии и сильною окраскою своекорыстия в наших думах. Благородной ведомственной традиции не выработано: даже в приличиях сильный недостаток. Положим, занимает кто-нибудь в городских учреждениях скромное местечко, доставленное ему влиятельным представителем самоуправления; стоит последнему покинуть свой пост, чтобы и первого мгновенно прогнали без всяких разговоров, если кто-нибудь зарится на его оклад. На казенной службе в таких случаях хоть сколько-нибудь церемонятся.

По поводу недавнего обсуждения городских вопросов в особой комиссии и предположения учредить должность городского головы по назначению, один московский купец сказал мне так:

— Хотя бы даже все городское хозяйство перешло в руки правительства, — наши городские заправилы и усом бы не повели, потому что они больше миллионники и *этим не живут*. В Питере — другое дело: там каждый крепко за свою копейку стоит.

Привлечение сословных представителей и представителей разных ведомств к делу городского самоуправ-

ления, в принципе, конечно, весьма желательно и справедливо, так как вопросы городской *гигиены* (в прямом и переносном смысле) только при таком условии будут поставлены решительно. Увы! *Гражданской деловитости* у нас покуда немного! Если своекорыстная буржуазия склонна обделывать свои делишки за обывательский счет, то господа интеллигенты-квартиронаниматели, «случайные люди», пожалуй, стремились бы осуществлять за тот же счет свои мечтания.... Привлечение квартиронанимателей к городскому делу целесообразно и даже настоятельно необходимо лишь на окраинах Империи, где эта мера дала бы, без формальных стеснений кого бы то ни было, значительные шансы русскому элементу в отстаивании наших национально-государственных интересов от инородческих стачек. Но это уже вопрос специальный, о котором подробнее придется говорить в другом месте.

Городское самоуправление, вследствие сугубой сложности городской жизни, требует и соответственной интенсивности работы, и серьезного контроля. В больших городах многомиллионные бюджеты, сложное счетоводство, гигантские предприятия. Успешность, не то, что руководства такими делами, а даже простой критики в роли гласного, обуславливается значительными практическими сведениями в различных отраслях городской деятельности. В частности, надо бы гг. членам управ и даже гласным порядочно знать и бухгалтерию, и строительную технику, и различные справочные цены. Между тем, развитие городской жизни пошло у нас значительно быстрее, чем распространение указанных знаний. Дилетантизм в хозяйственной области — прескверное дело; а он в городском самоуправлении — явление почти повальное. Вот почему, например, Варшава, управляемая определенными лицами, обладающими необходимым практическим цензом

и связанными строгою служебною ответственностью, благоустроеннее, чем самоуправляющаяся Москва...

Будущность городского, как и земского самоуправления зависит *от подъема Самодеятельности* участвующих в нем общественных классов. Практически честное отношение к обывательским интересам и нуждам, строгая бережливость и умелость в распоряжении общественными деньгами, тактичное пользование правительственною помощью, вместо бездельной оппозиции предначертаниям этого правительства, — вот единственный достойный и надежный путь для самоуправления, которое лишь заслугами в области такой самодеятельности стяжает прочное доверие власти и народа и выполнит *русскую* мирно-политическую роль в экономии нашей государственной жизни.

Не отрицать принцип самоуправления следует в наши дни, когда народу необходимо развивать и сосредоточивать свои творческие силы! Нет, надо чаще и возможно убедительнее напоминать, что *в идее русского самоуправления* заключается не политическая тенденция, а призыв к честной и толковой самодеятельности. Надо, с глубокою верою в будущность русского народа, призывать к общественному труду и развитию, не колеблющему его исконных государственных устоев, а дающему народной жизни яркость, мощь и полноту.

ВОПРОС О РАБОЧИХ

Гг. доктринеры, которым грезится, если не Париж, то «Петербург в Америке», усмотрят в заглавии настоящей статьи возмутительную ересь, так как следовало бы употребить, по их мнению, ходячий термин «рабочий вопрос». Положим, от термина «не станется», если употребить его без задней мысли; но слишком многие пользуются им тенденциозно, а потому установление точной терминологии весьма полезно, особенно ввиду малой осведомленности и легковёрности нашего образованного класса, который, с жадностью плотвы и окуней, идет на удочку громких слов.

Точный термин «вопрос о рабочих» изобретен покойным П. А. Гайдебуровым¹ еще в ту пору, когда фабрики и фабричные рабочие были у нас большою редкостью, даже по сравнению с нынешним временем; тем не менее, покойному писателю изрядно досталось тогда от разных «ортодоксальных» ревнителей прогресса и «либерально-го беспорядка». От такой газетной экзекуции он не умер, а наоборот, прожил еще много лет, благодушно редактируя свою «Неделю». Ну, вот и я надеюсь, что меня не «убьют» те господа, которые считают себя вершителями судеб повременной печати, верховными судьями ее совести и непререкаемыми авторитетами в каких угодно общественных вопросах, рассматриваемых ими с культурно-еврейской точки зрения. Ведь самозванцы не

страшны с той минуты, когда обнаруживается их самозванство, а ложь не страшна после ее разоблачения. Мудрая грузинская пословица — «у лжи короткие ноги», хотя и несколько устарела для нашего лживого времени, но значения своего не утратила: ложь теперь может завестись подальше, чем в те времена, когда было поменьше газет, но до конца довести она не может, даже теперь.

Если мы скажем «вопрос о рабочих», то останемся на почве бытовых явлений, существующих, подлежащих разумной оценке и разрешению, а не замалчиванию или сокрытию, коль скоро люди, власть имущие или просто склонные мыслить и любящие родину, желают действовать начистоту.

Когда, тряхнув слишком длинными волосами или сверкнув беспокойными очами, кто-нибудь заговорит о «рабочем вопросе в России», то сейчас выступает на сцену «политика» и даже политическая натяжка, не сообразованная с условиями места и времени.

Вряд ли можно не согласиться с тем, что Россия — государство по преимуществу земледельческое, а не промышленное — *Agarstaat*, а не *Industriestaat*, — если уж нужны иностранные слова. Фабричная промышленность у нас отчасти насаждена искусственно, и притом не всегда осторожно, весьма часто неудачно и почти повсюду без должного соображения с добывающей промышленностью, с потребностями и складом народной жизни. В частности, следует отметить, что некоторые отрасли крупного производства (*Grosz-betrieb*) развились на дрожжах ведомственного покровительства в явный ущерб обширным сферам народного труда и подорвали экономическое благополучие целых районов в пользу нескольких толстосумов; таковы, напр., мукомольное дело и отчасти даже фабрики хлопчатобумажных материй (см. статью С. А. Короленко²: «Торговый договор с Германией» в декабрьской книге «Русского Вестника за 1902 г.»³).

Тем не менее, процент фабричных рабочих по отношению к остальной народной массе довольно незначителен, состав этих рабочих не особенно постоянен, и фабричная работа для многих русских простолюдинов является не столько специальностью, сколько отхожим промыслом. Устойчивые рабочие колонии, в которых было бы должное благоустройство, связанное с настоящей оседлостью, представляют далеко еще не правило. Поэтому рабочий вопрос, в западном смысле слова, поднимается у нас столь же «на-фуфу⁴», как и быстро выросшие промышленные предприятия, грюндерские, хищнические по отношению к производительным силам страны, и всякие иные. Палаты депутатов, в чистом или замаскированном виде, у нас, слава Богу, нет, как нет и не должно быть политической «рабочей партии», которая бы по временам шумела и строила баррикады, а в прочее время живота своего предавалась бы самообману доктрин всеобщего имущественного и социального равенства — равенства машинных гвоздей, пуговиц и папиросных гильз. Конечно, и у нас есть попытки прививать такой социальный недуг, причем на эту агитацию наглядно тратятся довольно большие деньги неизвестного происхождения, а многие мнимо интеллигентные люди считают «служением народу» идиотски машинальное повиновение свое разным темным интригам.

До самого последнего времени рабочая среда являлась у нас «не огражденным огородом», в который очень уж легко пускали всякого рода «козлов». Но не в «козлах» настоящая опасность, а в недостатке правды и добра. Надо сделать что можно для народной среды, с чуткою любовью вникая в ее нужды и осуществляя то, что разумно и действительно осуществимо в области улучшения ее быта.

Будучи слабо ограждены от искусственных внешних психических воздействий, рабочие во многих дру-

гих отношениях обставлены далеко не так, как бы следовало. Строго говоря, положение рабочего вопроса на Западе и вопроса о рабочих у нас *зависит прежде всего от общей финансовой политики* данного государства. Представители буржуазно-космополитической печати, даже когда они прикрываются маской прогрессивного народолюбия, охотно ратуют за принцип невмешательства правительства в область промышленности и склонны даже самое резонное вмешательство называть чуть не социализмом. Между тем, оно весьма необходимо: регулирующая власть должна умерять размеры и формы одних производств и поощрять другие, в зависимости от государственных нужд; прежде всего она должна препятствовать возникновению дутых предприятий, за которые приходится платить тысячам рабочих и сотням тысяч иных обывателей; необходимо также поближе присмотреться к быту, к укладу профессиональных условий рабочей среды. Искусственное ограничение производства такого важного для народного питания продукта, как сахар, применяемое в интересах экспорта и капиталистов, вряд ли заслуживает сочувствия, ибо зачем же, в самом деле, заграничной свинье питаться лучше и дешевле, чем русскому человеку?! Столь же нежелательны покровительственные меры по вывозу керосина, препятствующие дешевому распространению света и тепла по лицу русской земли. Но, наряду с этим, нежелательно и отсутствие *политико-экономического* контроля над неумеренным перепроизводством, грозящим бедою людям неповинным. Вот, например, довольно типичный для фабричного мира случай на одной из фабрик лодзинского района. Приехал какой-то немец, построил фабрику, хорошенько застраховал ее и предался перепроизводству ее продуктов, не соображаясь с условиями рынка. Когда затем крупную партию товара пришлось продать в убыток, то весь городок заранее знал, что будет пожар, а

некоторые дальновидные люди указывали, с какой именно стороны он начнется. Вскоре пророчество сбылось с удивительной точностью. Предварительное следствие, веденное неопытным юношей с сильной протекцией, либо сильно полинялым и утомленным деятелем без должной принципиальности, не привело ни к чему. Немец получил крупную страховую премию за фабрику и товар, гордо раскланялся и на время уехал в свой фатерланд. Несколько сотен рабочих остались на мели. Можно ли удивляться, если эти люди предались не только нищенству и пьянству, но и волнениям, прислушавшись к голосам смутьянов?

Заметьте, что указанный иностранец опять может приехать, опять начать свое почтенное дело и так же завершить его, и притом даже преднамеренно, с прямою корыстной целью, или по поручению иностранной фирмы, не стесняющейся способами конкуренции с предметами российского производства! Не ясно ли, что в законе или в практике заинтересованных ведомств есть какой-то пробел, какой-то изъян?!

Не нужно такого резкого (хотя и типичного) случая, чтобы отметить в быту рабочих многие ненормальные явления. Во-первых, *настоящих хозяев* довольно мало: они либо предаются светским удовольствиям и поощряют опереточные таланты, а дело свое вверяют наемным управляющим, либо, состоя при деле, зачастую не довольно вдумчиво относятся к вопросу о рабочих. Но и такие хозяева все-таки лучше, чем акционерные общества. Единоличный хозяин, даже когда он не особенно дальновидный и серьезный человек, дорожит и репутацией фабрики, и спокойною непрерывностью ее работы; это, конечно, заставляет его поближе присматриваться к делу и внимательнее относиться к нуждам рабочих. Акционерное общество — существо безличное и не обладающее нравственной волей. Оно обыкновенно (осо-

бенно у нас, в России) состоит из людей трех категорий: кучки «стригущих» (преимущественно иностранцы, инородцы, наипаче же евреи), «стригомых», т. е. остальных акционеров, и, наконец, *бюрократов капитализма*, начиная с управляющих и кончая так называемыми «мастерами», подбор которых зачастую основывается не на их профессиональных достоинствах, а на личной их услужливости по отношению к разным категориям фабричного начальства. Последнее явление, строго говоря, невыгодно как для труда, так и для капитала, ибо авторитет мастера или десятника насущно необходим в любом деле, а любая народная среда признает такой авторитет лишь при условии значительного профессионального и нравственного уровня.

Бюрократы капитализма (старшие из них преимущественно не русские люди) относятся и к своему делу в полном объеме, и, в частности, к вопросу о рабочих далеко не с такою заботливостью, как настоящий хозяин или хорошо контролируемый им управляющий. Агентам бесхозяйного общества, конечно, нежелательно, чтобы кормящее их предприятие погибло, но временная приостановка работы иногда им даже кстати, как нечто вроде неожиданных каникул с сохранением содержания. Если получится некоторый убыток, то он отразится в данном случае на безгласном стаде акционеров.

Замешан тут и племенной вопрос. Нехорошо, когда русская фабрика фактически находится не в русских руках. Не говоря уже о довольно частых проявлениях антипатии и презрения чуждых нам экономических хозяев к нашей народной среде, — даже и при отсутствии таких непочтенных чувств, даже при объективной благонамеренности инородных заправил, эти последние менее полезны с точки зрения быта рабочих. Им сердце не подсказывает ни доброй заботы о религиозно-нравственном развитии рабочих в духе родного нам

православия, ни даже той уютной простоты обращения, которая сама по себе является хорошим гигиеническим средством против недоразумений. Недоразумения же могут произойти на каждом шагу, и любой пустяк может повести к озлоблению.

На одной фабрике произошел такой типичный случай: срочно выполняя заказ, управляющий продолжал работу по ночам, и целая партия рабочих трудилась, с непомерно короткими промежутками для отдыха, почти двое суток. Один утомленный рабочий зазевался, зацепился за какой-то зубец и едва не был изуродован машиной. По счастью, другой догадался мгновенно остановить машину, причем испортился ее вал. Подошедший туда начальник-немец начал громкие препирательства из-за машины, забыв, что за миг до того висела на волоске человеческая жизнь. Немудрено, что агитаторы, сулящие рабочему люду всякие недостижимые блага, сейчас же нашли благодарную почву для своего темного дела. Уместно также присмотреться к тому, что и как делает наша фабричная инспекция. Прежде всего надо признать, что это учреждение должно быть особенно живым, а не формальным. Оно должно быть возможно чаще доступно и фабрикантам, и рабочим. Случилось, положим, какое-нибудь мелкое недоразумение (беру нарочно мелкое, потому что психология всякой толпы не признает мелочей: от искры может разгореться огромное пламя). Тут-то и нужен вдумчивый, добрый человек, который погасил бы недоразумение в самом начале. Между тем, фабричный инспектор «принимает» в одном районе раз, в другом два раза в неделю, и притом нередко в рабочие часы; последнее ограждает его, быть может, от излишней докуки, но делу мира не полезно. На бумаге-то он всегда есть, а в жизни иногда и не хватает фабричного инспектора. Последнее подает повод рабочим предполагать, далеко не всегда основательно,

что фабричная инспекция держит руку фабрикантов. Малый успех теперешних фабричных инспекторов отчасти также набрасывает тень на их благонадежность: ведь если разгорелось осложнение, которое можно было бы своевременно предотвратить, то такая мысль правдоподобна, даже когда она неверна...

Во всяком учреждении весьма важную роль играет дух, отвечающий истинному пониманию его задач. Задача фабричного инспектора заключается прежде всего в ограждении мира и спокойствия на фабрике; не ясно ли, что он должен черпать руководящие начала именно в том ведомстве, которое специально знакомо с методами ограждения спокойствия и безопасности? Ведь не финансовые же вопросы надлежит ему разрешать и направлять, а стало быть, и место ему не в ведомстве министерства финансов; тут нужен человек иных традиций и совершенно иной школы...

Жилища, физическая и духовная пища, развлечения, склад жизни в рабочее и свободное время, в добром здравии и на одре болезни, — разве все это не требует серьезного внимания, ближайшего рассмотрения? Это все бытовые, жизненные вопросы, забвение которых может привести к поднятию вопросов политических.

Многие темные стороны быта рабочих объясняются, прежде всего, именно искусственным ростом нашей фабричной промышленности и новизною данного вопроса в России. Строго говоря, всякая фабрика должна бы занимать более обширные пространства земли, чем те, которые мы видим теперь хотя бы в Петербурге; желательны гигиеничные домики для рабочих, а малоземельным фабрикам строить их негде, так что рабочим приходится подвергаться всем невздам петербургской квартирной дороговизны и безвоздушной, зловонной тесноты. Рабочие могут утешиться: вопросы о жилье, воздухе и свете тяготеют мучительным гнетом над девятьюдесятыми

населения наших столиц, и, пока пошире не разовьется общественная самодеятельность в этой области, дело будет обстоять столь же плохо. В частности, сам собою, конечно, напрашивается вопрос об устройстве на некотором расстоянии от городов сети гигиеничных рабочих колоний: от фабричного шума, пыли, копоти и жары этим людям, хотя несколько часов в сутки, необходимо отдыхать на чистом воздухе, поближе к природе. Русскому человеку нужны и снег, и травка, и песня птички, и луч солнца: без этого он хиреет не только физически, но и духовно. Его тянет в трактир, где светло, где музыка гремит и разливается пьяное веселье. А большие города и крупные промышленные центры вообще — очаги ненормальной, безнравственной жизни. Соблазны для всех общественных классов цинично выставляются на показ и, так сказать, зазывают человека. Для русского городского рабочего эта опасность двойная, потому что он по натуре, в душе, деревенский человек, волевые центры которого слабеют и гибнут от такого склада жизни: ему недолго превратиться в босяка! В частности, легкий доступ к водке имеет для него роковое значение. Положим, у нас где водка, там непременно и общества трезвости: где «преизбыточествует грех», там и праведность; но ее место, по сравнению с грехом, крайне ничтожно, да и сама-то она под сомнением, ибо трезвость физическая, вдобавок, иногда слишком дорого оплачивается нетрезвостью духовной. Умственная пища, которую в некоторых случаях насадители трезвости силятся вытеснять повально распространяемое пьянство, зачастую больно уж тенденциозна и заставляет вспомнить о французском выражении «*le remede est pire que le mal*»⁵. Что предлагается, а иногда и навязывается в некоторых «трезвенных» библиотеках, читальнях? Чего только не высказывают порою в этих «чтениях», с туманными картинками и без оных?!.. Дело дошло до того, что сами рабочие, среди

которых немало здравомыслящих русских людей, сознают ненормальность и тенденциозность подобного «развития» и утрачивают доверие к своим «развивателям». Ясно, что пора и учреждения «трезвых развлечений» и народного развития вверить другому ведомству, людям другой школы, других, более разумных и ясных задач.

Наиболее близко приходилось мне наблюдать это дело несколько лет тому назад в Тифлисе, где народные чтения велись по изумительно нелепой и бессовестно тенденциозной программе, и притом людишками, которых не следовало бы и на пушечный выстрел подпускать к народной массе. Читалось и о Вашингтоне, и о хижине дяди Тома, и об астрономии, и об обезьянах на Суматре, и о социальном строе нильских крокодилов, и вообще о чем угодно, кроме того, что насущно необходимо знать российскому простолюдину. Из наших литературных произведений избирались обыкновенно тенденциозно мрачные, и такое же понятие давалось о русской истории, с особенным напиранием на жестокость Иоанна Грозного⁶ и «красоты» смутных дней. Ни крошки, ни капли здоровой *русской* пищи! А потом, когда происходили стачки, или беспорядки с красными флагами, то местное начальство охало, кричало, изумлялось такой «неожиданности». Хороша неожиданность, когда всему этому, по формальному равнодушию одних и преступному попустительству других деятелей, дали разрастись до глупых размеров! Чтобы пасомые жили недурно и спокойно, необходимо пасущим проявлять больше служилой принципиальности, больше логики в поступках!.. При иных условиях самые благие начинания легко превращаются в источник нестроения и смуты. Достаточно взглянуть теперь хотя бы на здешний «Народный дом»⁷: в основу этого учреждения положена великодушнейшая мысль, а на практике у «Народного дома» нарастают уже темные стороны; не дай Бог,

чтоб он стал очагом разврата и местом, где разжигается *социальная зависть* (самое анархическое из всех классовых чувств) и жажда наслаждений не по средствам. Благоразумные простолюдины порою сознательно избегают этого учреждения, чувствуя, что атмосфера в нем не совсем-то здоровая.....

Как в медицине все более наглядно отвоевывает себе выдающееся место гигиена, стремящаяся к устранению плохих физических условий, удобных для развития болезнетворных микробов, — так и в области социальной необходима тоже своего рода гигиена. Микробам-агитаторам трудно будет достигать больших результатов на оздоровленной почве. Между условиями общественной и личной жизни рабочих, как и всех других людей, существует теснейшая связь. В частности, *бессемейность* и отсутствие домовитости очень скверно влияют на них и делают их весьма податливыми по отношению ко всяким мечтаниям и острым внушениям; жизнь выше средств, происходящая от недостатка хороших дешевых квартир и здоровой дешевой пищи, наряду с чрезмерным обилием водки и развращающих соблазнов, приводит к той духовной неуравновешенности, которая имеет роковое значение для русской нервной природы, не закаленной веками политического развития и экономической самостоятельности. Следует отметить *типичное явление*: фабричные управляющие и мастера как бы нарочно *разрушают семью*, почти всегда заставляя мужа и жену работать в разных сменах, а не вместе, невзирая на усиленные просьбы рабочих. Муж и жена целыми месяцами живут врозь и почти не видятся. В этом безобразии есть нечто бесчеловечно тенденциозное. Недаром революционные партии всех времен и народов стремились разрушать семью, начала нравственности и домовитости, и шли рука об руку с *искусственным вздорожанием жизни и искусственным повышением обывательских*

потребностей. Если «управлять — значит предвидеть», если о тех или иных экономических и социальных явлениях судить по неизбежным их плодам, то следует признать, что искусственное (при помощи нечестных городских самоуправлений и стачек торговцев) вздорожание мяса, хлеба, дров и т.п. суть явления *глубоко революционные*. Бюджеты всех категорий пролетариата (до служилого класса включительно) колеблются и трещат. Всюду растет смутное недовольство. Богатеют одни посредники — пенкосниматели и аферисты. Разве можно этого явления не исследовать и не умерять?! К этой же категории необходимо отнести и непомерное развитие капитализма вообще.

Недаром господа неомарксисты сочувствуют ему как органу *разрушения*, если только это сочувствие не есть просто «рептильное» служение за деньги, подобное такому же служению французских социалистов банкирам-евреям. Напрасно сторонники такого социально-экономического нечестия, обыкновенно находящего поддержку в сферах, которые должны бы его умерять, оправдывают себя надеждою, что народная масса, пройдя сквозь «огонь, воду и медные трубы» капитализма, политически вырастет и отвоюет себе потребное число кувертов на жизненном пиру. Если б эта масса, развращенная, спившаяся, сбита с толку и утратившая не только социальный смысл, но и облик человеческий, оказалась способною к разрушительным «взрывам», то на созидание у нее не хватило бы ни физических, ни духовных сил: она попала бы лишь в рабство к людям жестоковейным, столь же озверелым духовно, как и она сама. С природою шутить не следует: и грешно, и опасно.....

Огромное отрицательное значение, доселе не понятое русским обществом и лучшею частью наших правящих сфер, принадлежит печати, и притом не подпольной,

крикливо и грубо призывающей к смуте, а печати формально цензурной, проникнутой заднею мыслью, выполняющей либо дальновидную еврейскую программу, либо соображения беспринципной, циничной торговли словом. Эта печать отравляет народную массу медленным, еле уловимым ядом, приучает выцогивать все политические и нравственные устои, говорит в дурном тоне, с бездоказательными нападками на личность, возбуждает нервы массы читателей картинами замысловатых и резких преступлений, питает ее плодами растленной фантазии и наступательно грубой пошлости. Напрасно принято у нас не бояться пошлости: она понижает не только нравственный, но и политический уровень человека. Между тем, если мы вспомним историю нашей цензуры, то увидим, что высоко-честный и даровитый Аксаков и глубокий государственный Катков⁸ претерпевали порою тяжкие гонения, а беспринципно распивочная торговая печать развивалась не только беспрепятственно, но даже при мало скрытом содействии некоторых сфер, доступных еврейским влияниям. В своей прекрасной книге «История второй республики» г. Пьер де ла Горс⁹ основательно утверждает, что одним из серьезнейших факторов революции 48 года была мелкая французская пресса, в которой видное место занимала газета «Petit Journal¹⁰» с яркими фельетонными романами Эжена Сю¹¹. С этой книгой пора бы поближе ознакомиться тем, кто *искренно* сочувствует развитию социальной гигиены.

Вопросу о подпольной агитации я посвящу лишь немного строк, так как это вопрос специальный, наиболее знакомый самим агитаторам и лицам, преследующим их, а я не принадлежу ни к одной из этих категорий. Основываться же на литературе вопроса, не освещенной собственными наблюдениями, также не хотелось бы. Меня только поразили некоторые интересные факты и соображения. Так, мне довелось слышать от нескольких

благоразумных рабочих, что в их среде возрастает за последнее время интерес к сочинениям Лескова и Крестовского¹², — писателей, которых прогрессивные руководители народного развития усердно кладут под спуд. Особенный успех имеет «Панургово стадо», один из героев которого, Ардальон Полояров, оказывается «очень даже знакомым господином». Ясно, что необходимо облегчать обращение таких книг в среде, которая начинает сознавать, что ее до сих пор дурачили. Любопытно также, что в рабочей среде за последнее время самостоятельно возникло следующее соображение: агитаторские «журавли в небе» больно высоко летают, а синица из рук уходит! Кому наиболее выгодны беспорядки и вообще раздоры между капиталом и трудом? Мало-мальски вдумчивые рабочие понимают, что *на этом наживается иностранная, в особенности немецкая, промышленность*: она является тем «troisième larçon¹³», который пожирает все плоды чужой экономической распри...

Глубоко радостно замечающееся за последнее время проявление здравого самосознания у рабочих. Создаются группы людей, свободных от воздействия агитаторов и стремящихся улучшить свой быт мирным, законным путем. Эти люди сознают, что капитал и труд — элементы, слишком тесно связанные друг с другом и взаимною зависимостью, и самым происхождением, чтобы быть по существу враждебными друг другу. Когда подобная враждебность, как плод домашних недоразумений или внешних воздействий, достигает своей цели и то или иное производство прекращается, то наиболее сильно страдают именно рабочие, лишаящиеся насущного хлеба. Даже внезапные стачки, внушенные несбыточной надеждою на улучшение экономических условий, наносят интересам рабочих тягчайший убыток. Очевидно, есть другие пути для улучшения этих условий — пути более достойные и целесообразные. Организация взаимопомо-

щи, страхование на случай увечья, болезни, старости или случайного, не зависящего от рабочих прекращения производства; подъем религиозно-нравственного и умственного развития рабочих, наряду с улучшением техники их труда, — вот факторы, которые сделают фабричную промышленность более доходною, создадут естественные условия для повышения заработной платы и улучшения быта рабочих. Но все это вопросы сложные, — и недаром благомыслящие рабочие в Москве и Петербурге обратились к высшим гражданским и церковным властям с ходатайством об оказании им помощи духовной, а в случае надобности и материальной. И Августейший московский генерал-губернатор, и г. министр внутренних дел, и высокопреосвященные митрополиты московский и с.-петербургский отнеслись с полною отзывчивостью к этому благу начинанию, солидный успех которого в значительной степени зависит от вдумчивой работы светских и духовных представителей нашего образованного общества. Пора смутьянам отправиться в яму для отбросов, пора искренним ревнителям порядка и народного блага потрудиться по мере сил на этой благодарной ниве. За последние несколько десятилетий наше духовенство страдает от нареканий и от расхищения пасомых разными лжепророками. Пусть же оно теперь ответит благим делом на злые слова, с благородною гордостью сознает высокое призвание свое, послужит делу мира и русской культуры! Интеллигенция наша охотно бичует себя заслуженным обвинением в беспочвенности, в забвении родных устоев и заветов; вот один из многих случаев не только припомнить, но и поддержать их работою непоказною, негромкою и не награждаемою ничем, кроме живительного сознания исполненного долга перед Царем и отчизной. Где вы, скучающие от отсутствия интересов и цели жизни? Где вы, машинально повторяющие, в унылой лени своей, слова поэта-пессимиста, что

жизнь «такая пустая и глупая шутка¹⁴»? Присмотритесь: жизнь — *академия*, в которой надо многому поучиться и многое создать! Дай Бог, чтобы на все хватило времени до того неизбежного дня, когда придется отдавать Всевышнему отчет в поступках своих!...

Но вернемся к рабочим. По поводу проявляющегося среди них мирного движения кое-где слышится то смутно сформулированное неодобрение, то бесформенное неодобрительное рычание. Этим пренебрегать не следует, ибо у всякого явления есть свои темные и опасные стороны. Есть несомненно умные и опытные люди, которые находят, с политической точки зрения, что о быте рабочих бесспорно подумать необходимо, но что все это должно идти, так сказать, сверху, а не из недр самой рабочей среды. Движение «снизу», даже самое мирное, все-таки равносильно тому, что французы называют «выходом черта из коробки»; сперва, мол, кричат «ура», а потом «караул», сперва льстивы, а потом наступательны. Такое мнение далеко не лишено основания, и его необходимо постоянно иметь в виду, «непрестанно памятовать» при разрешении выдвинувшихся вопросов. Надо *знать психологию толпы*, даже при наличии полного доверия к теперешним инициаторам мирного движения. Бывают минуты и обстоятельства, когда какая угодно мирная организация человеческих групп может внезапно переменить направление и... вспыхнуть. Необходимы, стало быть, разумный *уход* и осторожность. И взрывчатое вещество полезно в руках дельных людей!... *Вопросы выдвинуты самую жизнью, а не придуманы*; с фактами надо считаться — и блажен, кто найдет вовремя для них регулирующее начало; упрятать их в коробку нельзя, а прикрывать их казенною фразой «все обстоит благополучно» было бы недобросовестно и перед народом, и перед его Державным Вождем, которому равно дороги интересы всех сынов родной земли.

Суть в том, что здесь необходимо вдумчивое *творчество*, а не торопливая формальная работа по казенным образцам или модным мнимо прогрессивным шаблонам. Всякий *истинный* прогресс развивается медленно и спокойно. На заседании совета «Русского Собрания», куда были приглашены как несколько рабочих, так и авторитетные государственные и общественные деятели, я уже имел случай высказать, что прежде всего *не надо увлекаться модностью вопроса*. Боже упаси, чтобы здравые представители рабочего класса вошли в роль ораторов-гастролеров, а образованные люди соблазнились случаем поиграть в «мирабошек» и «робеспьерчиков»! Вспомним, сколь много вредной путаницы эти торопливые «крошки-мирабошки» внесли в русскую общественность со времени превратно или чересчур распространительно понятых ими так называемых великих реформ; сия комедия продолжается кое-где и в наши дни. Не место комедии там, где нужно серьезное дело, а не вредный вздор.

Прежде всего нужно ясно установить ту грань, которая полагается разницею между понятиями «рабочего вопроса» и «вопроса о рабочих». Первое понятие носит неприменимый в неограниченной монархии политический характер, предполагая двухсторонние переговоры и договоры между организованной политической силой, в лице рабочей партии, и правительством. Почвы для этого у нас нет, — и слава Богу, потому что борьба организованных партий везде и всегда происходит в ущерб государственной силе и народным интересам. Мы можем принять лишь формулу *бытовую* и обратить особое внимание на то, чтобы она соответствовала на практике основам русского строя и черпала жизненность в созидательных сторонах именно русского народного быта. Необходимо сознать, что эти стороны слабеют и в земледельческой массе народа: влияние Церкви не достигает своей полноты; в деревенском обиходе поколеблен

авторитет «стариков», умных, степенных, честных и религиозных людей. И власть, и образованные обыватели, любящие народ, должны всеми силами поддержать и укрепить в сельской среде институт стариков, не говоря уже о поддержании и оживлении работы Церкви как первоисточника вечной истины и нашей национальной мудрости. Тот же самый принцип должен быть положен в основу постепенного решения вопроса о рабочих. Добросовестная инспекция и внимательное духовенство сумеют отличить, выдвинуть, и не по прихоти, а наглядно, по заслугам, поддержать в рабочей среде людей такого типа, который соответствует понятию «стариков». Пусть им помогут в этом представители того нового движения в рабочей среде, о котором идет речь. Отличить степенного человека от ненадежного опытному глазу можно, и не дожидаясь поступков: наглядным отрицательным признаком почти всегда является «лакейское красноречие», изобилующее мудреными словами и чужими мыслями; русская почвенная мысль всегда находит краткое, простое и вместе колоритное выражение.

Рабочим желательна организация, потому что разумное отношение к своим интересам и даже обязанностям менее достижимо при разрозненности, открывающей простор случайным группировкам. Русский народ и, в частности, мастеровой люд уже выработал исконную артельную форму, причем у артелей постоянных есть и недвижимость, и церковные праздники, и увеселения, и вообще добрый уклад жизни, а о какой-либо смуте там и слухом не слыхать. Применительно к таким примерам и следует созидать, конечно, с изменениями, отвечающими особенностям фабричного быта. Начать с того, что фабрика многолюднее артели, а *многолюдство*, при котором участники общего дела мало знают друг друга, представляет собою *наклонную плоскость от бытовой почвы к политической*. Численный состав

рабочих организаций должен быть обдуманно определен специалистами; покуда же необходимо отменить, а ргіогі¹⁵, что он не должен быть слишком велик и, во всяком случае, не должен обнимать рабочего населения целых промышленных районов, так как это привело бы к ненужному риску западных форм. Организация обширной кассы взаимопомощи, действующая тем успешнее, чем больше в ней участников, может охватывать хотя бы и обширные районы, но бразды главного управления такую крупную экономическую силу должны находиться в руках у особо надежных правительственных лиц, по отношению к которым представители более мелких и самостоятельно действующих рабочих организаций должны являться в роли присяжных экспертов или членов учетного комитета. Настоящая и более широкая самодеятельность рабочих вряд ли должна выходить за пределы единичных фабрик, а в некоторых случаях, под непереманным правительственным контролем, может обнимать отдельные производства данного района. Последнее может быть полезно в интересах подъема производственной техники, в которой здравомыслящее рабочее-практики нередко больше смыслят, чем дипломированные специалисты.

Мирная организация сравнительно небольших рабочих групп, при надлежащем направлении, может содействовать устранению недоразумений и непосредственному общению между рабочими и фабрикантами. Путем такого общения легче достигается обоюдная выгода. Не надо забывать, что великие полководцы всегда были непосредственно близки солдату; точно так же и дальновидный фабрикант должен быть близок к своим рабочим, быть живым человеком, а не мифом на резиновых шинах. Прежде всего не мешало бы ему быть русским по крови и духу. Надо надеяться, что это достигнется, когда наша финансовая политика примет более национальную

окраску. Ведь не только из лентяев и трусов состоят наши толстосумы, занимающиеся стрижкою купонов. Когда они поверят в патриотическую солидность системы, то и раскошелятся. Не мешало бы им, конечно, поторопиться и теперь, — да для этого не хватает им пока самосознания, и нужна еще долгая, убедительная проповедь, чтобы прервать летаргию русских капиталов.

Рабочие хотят развития, образования. Но какого? В каких пределах? В каком направлении? Сами себе они в том, конечно, ясного отчета не отдают. Оно и немудрено: ведь и наша интеллигенция не составила себе об этом определенного понятия; ведь иначе мы не переживали бы школьного кризиса, а дорогая русским сердцам и в основе неизменно благородная молодежь училась бы добросовестно и с толком, вместо того, чтобы отвлекаться от своих обязанностей вредным вздором. Чего же можно требовать от простолюдинов? Вряд ли я ошибусь, однако, сказав, что у простого русского человека здравого смысла больше, чем у духовно измельчавшей интеллигенции. Он наверное поймет, что истинное развитие заключается не в запоминании многих фактов, а в их *усвоении*. Городской интеллигент, при встрече с толковым мужиком, является таким глупым именно потому, что мужик основательно «переварил» усвоенные им элементарные знания, а интеллигент объелся чужими мыслями, наглотался неразжеванных фактов и страдает несварением умственного желудка. Природа везде верна себе и законы ее неумолимы.

Ясно, что всякое развитие, даже художественное или возвышенно научное, нужно для *применения*; если рабочий хочет развития для того, чтобы оставаться рабочим и улучшить свой быт, а не идти непременно в Ломоносовы, то и нужно программу его развития мерить масштабом среднего человека его круга, а не ломоносовским масштабом. В великие люди Бог выводит,

когда нет тому резких кастовых препятствий, а за уши тянуть на высоту было бы нелепо. У нас нет кастовых перегородок — и слава Богу, — но классовые различия и классовая культура насущно необходимы. Жалок и ничтожен тот народ, у которого нет классов с обеспеченною и потому бескорыстною умственною аристократиею во главе. Жалок и слаб тот народ, у которого низшие слои лишены соответственной их положению, облагораживающей *культуры*...

Рабочему нужна грамотность, и притом не объективная, а в связи с сильным интересом к родной истории и горячею любовью к вере отцов. Нужно счетоводство и нужен сильный подъем профессиональных знаний. Технические способности нашего народа громадны, и пора бы развить их. Сами рабочие начинают сознавать, что только подъем техники, ведущий к улучшению и распространению удешевленных хороших продуктов, может послужить основанием к подъему заработной платы, в справедливой параллельности с обогащением фабрикантов. Искусственные основания всегда непрочны, потому что они подрывают корни тех отраслей промышленности, которыми кормятся рабочие в данный момент.

По временам поднимаются вопросы о рабочих кооперациях, и некоторые учреждения, созданные группами рабочих на артельных началах существуют недурно, но богатая опытом западная экономическая наука не имеет иллюзий на этот счет: достаточно появиться в какой-нибудь отрасли производства дорогостоящей машине, чтобы слабая денежно кооперация мгновенно рухнула. В вопросе о рабочих нет и не может быть иного надежного рычага прогресса, как повышение их духовного и профессионального уровня; регулятором экономических отношений, препятствующим тому, чтобы все барыши от такого подъема доходности предприятий явились неправым стяжанием одного только капита-

лизма, может быть *только государство с неограниченной монархической властью*, одухотворяемое Божьей милостью. Америка изнемогает в борьбе с трестами, потому что управляется выборными лицами, а почти повсеместно выборы основаны на подкупе, прямом или косвенном. России, когда она сознает свою мощь, такая борьба будет по силам, ибо ее Вождь избран неподкупным Богом и стоит выше земных интересов.

Собственность, а потому, в частности, и неприкосновенность имущественных прав фабриканта должны ограждаться во всякой стране; заработная плата не может подвергаться колебаниям в угоду односторонним аппетитам, а не объективным условиям рынка. Но надо, чтобы условия такого сложного явления как рынок были хорошо наследованы с точки зрения национальных интересов и чтобы правительственные органы блюли *действительную*, а не формальную только объективность указанных условий. И стачка рабочих, и стачка капиталистов (каким бы мирным названием ее ни маскировали) есть *противозаконное деяние, заговор* против государственного и обывательского интереса. Стачка капиталистов опаснее потому, что она развращает и бюрократию, и печать, и кого угодно, а развращенное государство не крепко даже тогда, когда у него есть высоты, недоступные растлению.

Рабочие интересуются политической экономией, — и те, которых мне пришлось видеть в «Русском Собрании», а затем у себя на дому, проявляют несомненную склонность к здоровым взглядам в этой области. Но им, увы, придется подождать, пока появятся у нас настоящие, сильные экономисты. В здравомыслящей Германии оспаривают друг у друга пальму первенства такие титаны, как Вагнер¹⁶ и Шмоллер¹⁷, а среди нашей оскудевшей интеллигенции громче всех кричат какие-то «марксиста», — и писк этих марксистов никому не поучителен.

К счастью, именно та редущая среда, которая именуется себя интеллигенцией, все менее может быть отождествлена с нарастающей семьей настоящих образованных русских людей. Здравый смысл и русское сердце постепенно берут верх над утопиями. Спрос создает предложение. Велик спрос на русских деятелей, мыслящих честно и верно, дорожащих основами родного строя, любящих народ, как душу живую, а не как обезьянку, которую можно рядить во фригийский колпак и заставлять плясать карманьолу, или хотя бы и национальный танец, и в тенденциозно русской одежде, да только под еврейско-масонскую дудку!.. Ждут добрых сеятелей и деревня, и фабрика, и канцелярия, и редакция, и синклит. Пусть они приходят, сильные и смиренномудрые, да, перекрестясь, берутся за служение Царю и земле, оставив рознь и личные цели и твердо «возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы¹⁸»!...

ИНОРОДЦЫ И ОКРАИНЫ

Наиболее инородным из всех инородцев у нас является еврейское племя. Вопрос о евреях в России чрезвычайно сложен и трудно разрешим, так как евреи — элемент разлагающий, противосоциальный, с точки зрения какой бы то ни было арийской государственности, особенно же русской, которая зиждется на стихийно ненавистных всякому типичному еврею православию и самодержавию Божией милостью.

Степень крепости и самочувствия русской Державы в наши дни обратно пропорциональна степени успешности еврейских идей и стремлений, относящихся к нашему строю так, как воспалительная болезнь относится к живому организму. Чем здоровее государственный организм, тем менее резки и экстренны должны быть противоеврейские меры.

Особенно необходимы эти последние в периоды нестроения и смуты, и, в частности, в такие переходные моменты, как переживаемый ныне. Только успокоение разных волнующихся слоев русского общества, только успешное выполнение внутренних и внешних задач нашего государства может служить основанием к тому, чтобы смягчать еврейские ограничения и, так сказать, дать волю доброму русскому сердцу по отношению к загадочному народу, который искони является врагом себе и другим.

При иных условиях отвлеченная гуманность граничила бы или с непониманием действительности, или с малодушием, а иногда и с продажностью. Беспочвенность, — или, как выразился автор прекрасного предисловия к переводу книги г. Мюрэ «Еврейский ум», — *экстerrиториальность* этих инородцев, их летучесть представляет сама по себе грозную опасность, которая может быть умерена лишь строгим соблюдением черты оседлости; эту последнюю обуславливается наличием известной территории, на которой все вообще расовые черты, так сказать, отстаиваются, наглядно обрисовываются и кристаллизуются, а в частности черты отрицательные *локализируются*.

Вот почему появившийся в газетах слух о проектируемом будто бы фактическом упразднении черты оседлости, — слух, к счастью, не оправдавшийся, — не мог не встревожить всех, кому дороги интересы русской народности. Осуществление такой самоубийственной меры было бы равносильно закономерному распространению заразных болезней, основанному на несбыточной надежде, что эти болезни от такого приволья сами собою прекратятся...

России как государству сильному в военном отношении и далеко еще не вышедшему из завоевательного периода, какие бы то ни было инородцы опасны не столько как политически обособленные группы, сколько как факторы социального разложения. В течение двух веков наше государство подвергалось целому ряду культурных и социально-экономических экспериментов, из которых самым серьезным и, при неблагоприятных условиях, опасным следует признать цикл преобразований, известных под именем «великих реформ». Недаром домашние легальные враги русской государственной самобытности считают указанные реформы *только началом* известного рода эволюции в западническом стиле, а нелегальные, —

как подпольно домашние, так и зарубежные революционеры, работающие прежде всего в буквальном смысле слова *pour le roi de Prusse*¹, — справедливо со своей точки зрения видят в тех же реформах и связанных с ними *потрясениях* источник разложения и, так сказать, операционный базис для своих разрушительных махинаций.

Я говорю в данном случае не против реформ самих по себе: многое в них, несомненно, полезно, и отрицать их созидательное значение было бы грешно. Но ведь не менее грешно отрицать, что во время и после каких бы то ни было крупных перемен, потрясающих жизненный строй, *государственный организм становится восприимчивее ко всякой заразе*, доступнее всякому недугу, особенно, когда дальнейшая социально-экономическая эволюция с достаточною дальновидностью не предусматривается и опасные стороны ее не предотвращаются, а даже искусственно развиваются с чрезвычайною быстротой.

Если за какой-нибудь десяток лет резко меняется картина народного хозяйства, под влиянием искусственных воздействий или неудачных мероприятий, то к слову «эволюция» сама собою напрашивается неблагоприятная буква «р». В таких случаях само собою выдвигается значение элементов, враждебных прочности русского государства. Когда два исторически почвенные сословия (в данном случае дворянство и крестьянство) отдаляются друг от друга и слабеют вследствие такого отдаления, то в образовавшийся между ними пробел вторгается и поднимает голос пестрый по составу класс, обнимающий несколько категорий людей, начиная с утративших национальные и сословные традиции представителей торговли и промышленности и кончая разными формами более или менее неблагоприятного всесословного по паспорту пролетариата. Образуется особого рода общественная муть без созидательных устоев, без связи с землей, без

уважения к чему бы то ни было, кроме денег. Иностранцам приволье в этой среде, для которой они усердно сочиняют новый кодекс морали, или, точнее, деморализация. Это они ввели, например, афоризм, что «у денег запаха нет». Афоризм неверный: у нас целый ряд учреждений, органов печати и общественных явлений явно пахнет еврейскими, инородческими и зарубежными деньгами!... Это запах тления, или, точнее, *растления!*..

Роль иностранцев растет сама собою во всех тех случаях, когда русскому человеку говорят, что наш строй устарел, и что надобно, очертя голову, нестись по наклонной плоскости все новых преобразований. Подобные речи звучат особенно искренностью, а потому и наиболее кажутся убедительными в устах именно тех людей, которые не связаны русскими преданиями и традициями и у которых нет в крови инстинктивной приверженности к тому, что имеет для России созидательное значение.

Иностранцы, — какие бы то ни было, — не представляют серьезной, или, точнее, роковой опасности для нашего отечества как сила поместно инсurreкционная². У нас до сих пор не было, да, вероятно, никогда и не будет неподавленного инородческого мятежа. Но это, конечно, не причина, чтобы «почивать на лаврах» и отрицать необходимость работы, которая привязала бы окраины попрочнее к руководящему центру, а населяющие их народности — к русскому делу.

Вопрос об иностранцах, обладающих территорией и самобытно-государственным прошлым, пожалуй, сложнее вопроса еврейского, но, в итоге, гораздо разрешимее с социальной точки зрения, так как у подобных иностранцев имеются положительные черты, полезные всякому государству, а также есть природная, так сказать, органическая склонность к общественной гармонии, обусловливаемой именно государственностью. Эти инстинкты составляют расовую черту, и народности, ими

отличающиеся, могут дать нашему государству хороший «строительный материал», — конечно, при наличии благоприятных условий.

Благоприятными условиями в данном вопросе надлежит считать: 1) сильное национальное самосознание в русском правительстве и обществе, 2) отсутствие у различных инородческих групп, на их исторических территориях, сильной организации обособления, с ее экономическим базисом, ярким символизмом и иными условиями, действующими на быт и нервы инородческого населения; 3) наличие умелой, т. е. твердой по существу, тактичной по форме и благородной по задачам русской правительственной политики на окраинах, причем, конечно, желательно отсутствие резких колебаний в ее направлении и приемах.

Только при этих условиях могут быть надлежащим образом использованы для общегосударственного блага несомненные положительные черты наших инородческих групп, во славу и преуспеяние нашей культуры.

У немецкой расы есть склонность к порядку, аккуратность, умственная уравновешенность, чувство долга и законности; у польской — подвижность, талантливость, окрыленная воображением, эстетический вкус и некоторые показательные, блестящие рыцарские черты; у финнов — упорство в труде и технические дарования; у грузин, во многом сходных с поляками, — мужество и сердечность; у армян — бережливость, настойчивость, способность к солидарности; у тюркских и монгольских племен — жажда сильной центральной власти, редкое благородство и человеколюбие и неформальная, душевная религиозность. Все это черты весьма ценные, когда они служат общей задаче, а не обособленным тенденциям или мечтаниям.

Некоторые оптимисты находят, что Россия без труда и с превеликою пользою неизбежно усвоит себе все

эти элементы, всосет обособленные ныне инородческие группы, «перемелет» их, как хорошо работающая мельница, тогда, мол, получится в полном смысле слова имперско-русская *нация*, богатая разнообразием характерных различий и творческих начал, создающих живую общественность. От усвоения инородческих элементов наше национальное чувство, мол, значительно обострится и осмыслится, так как все обруселые представители народностей, еще недавно страдавших духовно от отсутствия государственной независимости, живее и интенсивнее испытывают национальное чувство, и эту психическую особенность они неизбежно положат на алтарь того отечества, с которым сольются навсегда. Оптимисты указывают при этом на инородческое происхождение большей части нашего дворянства, в течение многих веков бывшего передовым, служилым сословием, носителем и политически талантливым ревнителем русской национальной идеи.

Они забывают, что инородцы, родоначальники многих наших дворян, основательно и бесповоротно обрусели еще в такие времена, когда *нельзя было не обрусеть*, когда «приезжавшие из Орды» и «выходцы из Прус» немедленно принимали православие и *всецело* приобщались к нашему строю. А теперь мы дожили до таких времен, когда значительная часть даже русской по крови интеллигенции думает и чувствует не по-русски, когда иностранные языки являются родными и обиходными в наиболее влиятельных кругах, когда даже в некоторых правящих сферах порою затуманивается вера в неизбежность нашего строя, слабеет живая любовь к нему, уровень государственной науки понижается и когда вообще «мельница плохо работает»...

Откуда произошла такая разница между временами, и в чем она заключается? Для наглядности возьмем несколько недавних примеров. Можно ли себе

представить известную речь камергера Стаховича «о свободе совести», произнесенную во времена царей московских? Едва ли! Однако, в ту пору русские люди не были лишены ни совести, ни религиозного чувства, а, пожалуй, того и другого у них было больше, чем у названного оратора. Но они *понимали* сущность русского государственного склада, понимали, что *вся история России вопиет против отделения церкви от государства*. Если нам что нужно, так именно *большее влияние церкви* на государственную жизнь, притом влияние национально-церковное, и не отвлеченно философское. Дело церкви — дело *богочеловеческое*, и воздействие ее сильнее, глубже, когда она стоит на реальной народной почве. Без такого слияния элементов вообще не было бы никакой церкви, а были бы лишь бесформенные христианские чувствования. Г. Стаховичу, очевидно, неясен тот великий процесс, который может быть назван «делом апостола Павла». Он хотел бы разрушения этого дела, тогда как достаточно позаботиться просто о подъеме идейного уровня нашего духовенства, достижимом иными мерами, чем предоставлением всех удобств распространения католицизму и все более воинствующему лютеранству.

Я не стану на сторону тех, которые находят, что г. орловский предводитель дворянства руководился непохвальными побуждениями, произнося известную речь, или даже что выдвинутые им идеалы противоречат христианству. Нет, он проявил просто незнание русской истории и истории религии, непонимание русской действительности и безусловное отсутствие государственного смысла. То, что он провозгласил как немедленно осуществимое, дается лишь *ценою долгой культурной работы*, достигшей значительного уровня национально-общественной самодеятельности. Не поняв этого всего, г. Стахович блеснул ораторским искусством в глазах

людей легкомысленных, а на деле сыграл в руку враждебным России инородческим и зарубежным элементам. Что можно было бы сказать о рьяном инженерере, который бы пожелал блеснуть своими зодческими дарованиями и стал бы перестраивать крепость, разбирать ее стены и разбивать скверы с цветниками в ту минуту, когда со всех сторон враги лезут на приступ? По меньшей мере, *несвоевременно!*.. В таких случаях надо укрепляться и защищаться, а для перестройки надо ждать лучших дней. Так говорит здравый патриотизм, да и попросту здравый смысл.

Крупного значения этот инцидент не имел, так как среда, рукоплескавшая г. Стаховичу, реально воздействовать на русский строй не может, но, тем не менее, выяснилось, как невежественны и слабы по части национального самосознания наши, так называемые, образованные классы.

Возьму другой пример, — из сферы, близко мне знакомой, из кавказской жизни. Еще недавно в этом крае был военный режим. Когда при Ермолове или Воронцове кавказский туземец отдавал своего сына в науку русским властям, то результат получался положительный с точки зрения государственного единства: молодой человек вступал в жизнь *глубоко русским*, проникнутым преданностью Царю и отечеству, потому что тогдашняя военная школа была безусловно национальной и основные положения свои не подвергала спору или сомнению. Теперь зачастую сын надежнейшего и лояльнейшего прапорщика милиции, попадая в русскую гражданскую школу, выходит из нее (из университета и даже из гимназии) непримиримым сепаратистом.... У нас существуют целые ведомства, личный состав которых иногда довольно резко проявляет либо незнание наших государственных основ, либо полное к ним несочувствие; немудрено, что обособляющиеся инородцы, и в особенности евреи, либо

свивают в таких учреждениях прочные гнезда, либо отмежевывают себе там обширные сферы влияния.

В итоге, необходимо признать, что *первого и главного условия для благоприятного в государственном смысле использования положительных инородческих черт, т. е. сильного национального самосознания в правящих сферах и образованном обществе, у нас в значительной мере не хватает*; и происходит это от состоявшегося в 60-х годах вторжения порожденного масонско-еврейскою мыслью *отвлеченного человека* в наши учреждения, законы и общественный формы. Светлым исключением является покуда наша доблестная *армия*, которую поэтому и следует беречь как зеницу ока, усматривая в ней не только орудие защиты от внешних и внутренних врагов, но и лучшее (чтобы не сказать единственное) в России *государственно-воспитательное учреждение*.

Как выше сказано, вторым благоприятным для разрешения инородческого вопроса условием должно быть отсутствие сильных организаций обособления на окраинах. В основе или, вернее, изначала их не было, да в большинстве случаев и не могло быть, так как русская власть водворилась по окраинам преимущественно на развалинах исторических организмов, а развалины предполагают отсутствие организации. Среди народностей более или менее территориальных исключение из данного правила составляет лишь армянская, в теократическом складе которой политические элементы издревле носили и доселе носят *подпольный* характер.

В большинстве случаев у окраинных инородцев наших изначала не было сколько-нибудь серьезных организаций; они возникли и развились *частью по почину самой русской власти*, порою отрешающейся от наших созидательных государственных традиций (наприм., финляндское обособление искусственно создано при императорах Александре I и Александре II), частью под

влиянием таких общих мер, как некоторые, на практике слишком окрашенные западничеством, реформы 60-х годов, бывшие крупным фактором русской денационализации вообще, а в особенности же именно на некоторых окраинах, где замена гибкой и чуткой административной политики мертвенно безличным гражданско-правовым порядком непосредственно и резко повела к упадку русского дела. Не за живительные струи гражданственности, враждебной дореформенным злоупотреблениям и всякой неправде, а именно за неудачные стороны дела, за теоретические и практические изъяны, парализующее сосредоточение русских национальных сил, принято в нашей космополитической печати называть эту реформу «великой»; с точки зрения окраинных русских интересов она, вследствие уродливого преобладания там именно изъянов, заслуживает термина, изобретенного каким-то поэтом-декадентом: «великое безликое ничто»!

В самом деле, каков результат объективного формального уравнивания всех прав на какой-нибудь пестрой окраине, без соображения с племенными, историческими и экономическими условиями? Величайшая реальная неправда, неправда и ненормальность всего жизненного склада и, уж разумеется, полное попрание русских интересов, которым надлежало бы там предоставить *привилегированное* положение. Элементы, способные сплотиться, неминуемо образуют стачку и своего рода заговор, сперва бытовой, а потом и политический, который затем и разрастается в стройную организацию, враждебную и небезопасную русскому делу. **Например, на Кавказе армянская организация** особенно начала разрастаться со времени введения в этом крае гражданского управления, гражданской школы и пресловутых новых судов, быстро утративших там лучшие стороны судебных уставов и превратившихся в нечто дореформенно казуистическое, к великому соблазну туземцев.

Наконец, весьма сильным и умело действующим фактором организаций инородческого обособления является систематичная *работа зарубежных врагов* России. Финские сепаратисты находят моральную и материальную поддержку в Швеции, Дании и Германии, польские — в Австро-Венгрии, в Ватикане, по временам во Франции и, как это ни странно, даже в Германии, при посредстве польских евреев; кавказские — долгое время вдохновлялись Англией, а за последние 30—40 лет — Германией, играющей теперь первенствующую роль в Передней Азии. Германия же, разумеется, сильно влияет своим воинствующим и *дальновидным* национализмом на всех немцев, щедро почтивших своим присутствием всевозможные местности нашего отечества и занимающих в России фактически привилегированное положение. На нервы наших мусульман действуют эмиссары не только из независимых, но и из вассальных нам мусульманских государств.

Обособленная сплоченность различных инородческих групп находит себе, прежде всего, прочную опору в *экономической почве*, которая русскими людьми почти на всех наших окраинах не приобретена, а местами, со времени все тех же реформ, радикально утрачена. Где нет экономической почвы у русского дела, там есть лишь войска и плохо обеспеченные чиновники, там русское владычество может быть названо лишь *оккупацией*. А ведь таково положение дела почти на всех окраинах. Немудрено, что при всех вышеуказанных условиях, там, за неимением крепких, *почвенных* русских организаций, развиваются и крепнут организации инородческие, с центробежными стремлениями. Любое учреждение служит им почвою, если носит характер объективного безличия. Городская дума в Тифлисе, местный государственный банк и равные мнимо ученые общества являются *de facto* органами армянской интриги; того же добиваются те-

перь гг. Спасович и Пильц³ для Привислинского края⁴, уверяя русских людей, что это было бы актом русского прогресса, а не самоотречения.

Даже русские учебные заведения, особенно высшие, в которых педагоги и питомцы находятся под сильным духовным и материально-бытовым влиянием инородческих организаций, являются сильными орудиями этих последних. Недаром армянские миллионеры так усиленно и упорно хлопочут об учреждении политехникума в Тифлисе, при содействии некоторых столичных радетелей, состоящих с ними в компромиссе. Казалось бы, для наших правящих сфер должен быть отрезвляющим уроком политический опыт наших высших учебных заведений на западных окраинах, где влияние польских и еврейских тенденций более чем очевидно.

Читатели, знакомые не с одною только, а с несколькими инородческими окраинами нашими, вероятно, давно ждут существенной *оговорки*, заключающейся в том, что наши инородцы весьма многообразны, и склад окраинной жизни далеко не всюду одинаков.

Оговорка более чем необходимая. Боже упаси отрицать *разнообразие* инородческих характеров и необходимость соответственного разнообразия в отношениях к отдельным инородческим группам со стороны наших правящих сфер и руководящих классов! Ведь одни из инородцев присоединились к нам добровольно, как напр., грузины; другие, как, напр., поляки и тюрко-татары, состоят с нами в кровном родстве, третьи, как напр., немцы, играли видную роль в нашем культурном и государственном развитии в императорский период. Все это надо оценить по достоинству, и каждому из отдельных инородческих вопросов мне придется посвятить особые очерки в дальнейших главах «Русских речей».⁵ В настоящей же главе сгруппированы соображения относительно таких общих всем разветвлениям инородческого вопроса

симптомов и явлений, к которым применимо изречение: «plus ça change, plus c'est la même chose⁶».

Кстати, пора отметить, что почти все без исключения *инородческие неофициальные организации состоят между собою в тесной связи*, и связь эта крепнет и упрочивается с каждым днем. Заведены между ними непосредственные отношения, поддерживаемые как в Петербурге, так и в некоторых излюбленных российских и зарубежных курортах; например, политиканствующие немцы, финны, поляки и армяне весьма охотно съезжаются на рижском побережье; «летучими» посредниками, кроме того, являются интеллигенты из евреев, а объединяющими идейными пунктами — целый ряд русских повременных изданий, служащих инородческому натиску на Россию, в силу беспочвенности своего отвлеченного либерализма, а нередко и под влиянием гораздо менее принципиальных соображений. Помимо всего, есть много признаков существования в нашей столице 2-3 масонских лож, работающих с усердием, достойным лучшего применения.

Признаков сплоченности разных инородческих организаций можно в любую минуту получить сколько угодно. Стоить, например, кому-нибудь в Кишиневе заикнуться об отрицательных сторонах молдаванской обособленности, — чтобы получить неприятности в любом из других инородческих центров. Очевидно, даются какие-то общие сигналы «по всей линии» или «приказы по инородческому союзу».

Мне лично пришлось испытать это на себе при следующих характерных обстоятельствах. В бытность мою на Кавказе я обратил специальное внимание на проделки местной политиканствующей армянской плутократии, а к другим инородческим вопросам относился крайне мягко; в частности, к местной польской колонии, насчитывающей много весьма культурных и

симпатичных людей, брезгливо осуждающих разные местные безобразия, я относился столь дружелюбно, что получал неоднократно официальные знаки ее признательности; между тем, в польской «угодной» петербургской газете «Кгај» по поводу оставления мною газеты «Кавказ»⁷, моя кавказская деятельность была названа «шкодливою», причем автор заметки сослался на кропания одного мнимо русского публициста, как на своего рода «заключение» усердного «прокурора инородческого суда над непокорными россиянами»; затем травля пошла по всей линии, т. е. во всей инородческой прессе, печатающейся русскими и иными буквами. Исполнение программы было столь дружное, что даже доставляло мне художественное удовольствие, конечно, наряду с сожалением о том, что люди не умеют «спеться» столь дружно для чего-нибудь более путного и полезного. Вот еще факт, не менее характерный: после одной из первых статей «Кавказа», неприятных армянским политикам, я получил угрожающие и порнографически-ругательные анонимные письма не только от «Великой Армении»⁸, но и из «Финляндского государства»; очевидно, существует трогательное единение между «хладными финскими скалами» и «пламенною Колхидою».

Следует отметить, между прочим, что с точки зрения общенородческого союза одни инородцы являются «любимыми детьми» (на Кавказе богатые армяне), а другие — «пасынками». К последней категории принадлежат грузины, — за то, что они православные, охотно служат в русской армии и, хотя пререкаются с чиновниками, но крепко преданы престолу, и мусульмане, — за то, что они стихийно сочувствуют самодержавию и в большинстве по духу близки к русским. Наша мнимо либеральная печать, находившаяся в данном вопросе под влиянием армянского агитатора Джаншиева⁹, доходила даже

до того, что *противилась уравнению прав мусульман с мнимыми «христианами»* в городском самоуправлении. Это уравнение, введенное было главноначальствующим князем Голицыным¹⁰ на Кавказе, было затем отменено, под давлением петербургских сфер. Факт характерный и для русского имени нелестный.

К каким же ближайшим целям стремятся наши объединенные инородческие организации? Что им желательно как переходная ступень к тому будущему, которое рисуется им в мечтах?

На своих территориях они желают введения тех объективных и безличных учреждений, при помощи которых они могли бы посильнее сплотиться и упрочить свою этнографическую самобытность. Сперва самоуправление, городское и земское, потом расширение прав местных языков и наречий, а затем.... затем, может быть, и в остальной России самоуправление примет западные формы, — и тогда затрещит она, матушка, по всем швам. Ну, тогда уже видно будет!..

Несколько лет тому назад французский публицист Пьер Моран приехал в Тифлис, был «захвачен», закормлен и вообще всячески убоготворен местными руководителями армянской агитации, после чего поместил, очевидно, по их желанию, весьма интересную статью в журнал «Correspondant»¹¹. Он откровенно высказывает в ней, между прочим, ярую ненависть к здоровой политике Императора Александра III и говорит, что армянам, как и другим политиканствующим инородцам, прежде всего желательна *конституция* в России.

Это не подлежит сомнению. Одни инородцы желают конституции, потому что сознают гибельность ее для России и выгодность ее для каких угодно форм инородческого обособления. Другие желают ее без всякой задней мысли и без враждебности к России, а лишь потому, что по происхождению принадлежат к расам, которым

наш исконный строй *органически чужд* и непонятен. Не дай Бог, чтоб их желания когда-либо сбылись!..

Тогда и впрямь началось бы для них настоящее при-волье, — и на русской шее крепко уселись бы разные пронирыливые «янцы» и «зоны»!.. Нужно отдать справедливость «общеинородческому союзу»: он работает хорошо, систематично, зачастую оставляя в тени «своих», скрывая главных вожakov почти непроницаемую тайной и приобретая себе союзников, огражденных влиятельным положением от серьезной ответственности; он выдвигает на арену борьбы развязных, наглых — русских по имени — людей, возлагая на них различные, с виду между собою не связанные задачи. Один пишет или ораторствует о беспредельном развитии народоправства и приучает публику к нервным вздохам по «свободе», причем подтасовывает, как будто нечаянно смешивает понятия *бюрократии* и *бюрократизма*, серьезной национальной идеи и грубого национализма: поверхностно мыслящие читатели и слушатели, лишенные *русского* политического воспитания, ловятся на эту удочку и не понимают, что *бюрократия* нужна каждому государству, а нежелательны лишь недостатки ее, воплощающиеся в бюрократизме, и что между уравновешенною национальною идеей и грубым, некультурным национализмом есть существенная разница; другой подвергает беззастенчивому поруганию самую идею русского патриотизма, поддерживая одновременно племенной национализм наступательных инородцев; третий преподносит публике те же тенденции и задние мысли *в пилюлях или облатках русской национальной идеи* и, для виду поругивая тех или иных инородцев, на деле состоит у них в услужении. Инородческие политиканы, ведь, согласны, чтоб их «поругивали», *лишь бы попутно национальная идея «размягчалась» и обесцвечивалась*, а главное, — лишь бы подрывались основы русской государственной твер-

дыни, покуда наша самодеятельность еще *не развилась и благоразумная, созидательная общественность еще не окрепла*. Опекаемые слабы, не подготовлены, разрознены, приучены к фантазерству; снять с них опеку, показав заманчивые горизонты, — и тогда можно будет прибрать их к рукам... Дальновидность таких расчетов и «тонкость работы» свидетельствуют о наличии стройной системы и изрядного инородческого Reptilienfond^{a12}...

Это давно пора принять к сведению.

Вообще, прежде, чем увлекаться какими бы то ни было модными течениями, русским людям полезно взвесить, *кому они особенно на руку*: не инородцам ли и их зарубежным вдохновителям? Этот пробный камень никогда не обманет. Человеку, искренно и бескорыстно стремящемуся к народному благу, станет тогда ясно, *по какому* пути надо стремиться к улучшению нашей национальной жизни. Как бы ни была в нем велика жажда *гражданского* развития России, — он поймет здравым русским умом вредную нелепость введения в нашу общественность таких форм, для которых не готово реальное *русское* содержание. Ведь нельзя же обобщать личные чувствования, не сообразуясь с действительными интересами родного народа. Смешно и глупо было бы работать в пользу врагов России, да еще из любви к ней! Нет политиканствующего инородца, для которого не было бы святыней имя графа Лорис-Меликова¹³ — не как умелого полководца, а как автора неосуществившихся проектов. Нет политиканствующего инородца, у которого не роилось бы в голове мыслей о том, *что будет, если Россию вовлекут в неудачную войну* Эти мысли они даже склонны подчеркивать как веские аргументы в пользу необходимости мягкой и не столько примирительной по настроению, сколько *слабой по существу* окраинной политики. Авторы таких предположений, строго говоря, поступают бестактно, высказывая их, так как инородче-

ское упоминание о возможности неудачной для России войны есть плохо замаскированная угроза.

Наряду с такою угрозой, почти все без исключения инородцы любят напирать на свою лояльность и даже выработали особые в каждой местности термины для своеобразного толкования этого понятия. Так, в Закавказье словом «верноподданный», в Варшаве «угодович», в балтийских губерниях «лояльный» и в Финляндии «легальный» определяют людей, которые верны Главе государства, но не склонны подчиняться распоряжениям местных властей и даже некоторым законам, санкционированным верховною властью. Под всем этим, очевидно, скрывается «австрийская» идея личной унии, дающей простор всяким формам инородческого обособления и даже случайным капризам.

Вот почему всем решительно окраинным политикам крайне симпатична идея *наместничества*; они сознают, что при такой форме управления окраиной открывается наиболее широкая возможность обособления. У наместника, особенно, если он человек очень высокого происхождения, образуется двор, в котором играют роль разные личные (нередко женские) влияния, — и исходящие от центральной власти предначертания легко могут быть искривлены или даже сведены к нулю. Внешний блеск дает иллюзию отдельного вассального государства; иллюзия затем зажигает воображение, — и, в результате, может получиться даже инсуррекционная вспышка, как это и было в Польше. Опыт настолько поучительный, что наместничество, надо полагать, отошло навеки в область преданий...

Идея личной унии предполагает со стороны инородцев враждебное, или, во всяком случае, отрицательное отношение их к русскому народному элементу и, за почти повсеместным на окраинах его отсутствием, — к окраинному русскому служилому классу. У этого факта

есть очень своеобразная психология. С одной стороны, бесспорно, что русский служилый класс на окраинах в значительном большинстве не стоит на высоте своего патриотического призвания; с другой характерно, что инородческие политиканы *не любят хороших*, безупречных крайних деятелей, не рады им. Конечно, речь идет только о политиканах, а не о народной массе.

В окраинной служилой среде наиболее часто встречаются следующее три типа: 1) люди корыстного компромисса, к которым примыкают и «либеральные» хулители нашей государственности и отрицатели нашей национальной идеи; 2) равнодушно-ленивые люди 20-го числа (*иноск.* «чиновник», намек на выдачу 20-го числа жалования чиновникам. — *А. С.*) и 3) нервные российские патриоты (некоторые с оттенком неудовлетворенного карьеризма). Уравновешенных, политически образованных и вдумчивых людей на окраинах сравнительно мало, ибо жизнь, уродуемая плохой школой, беспочвенною печалью и сбившеюся с пути общественностью, за последнее время весьма мало выдвигает таких людей даже в чисто русских центрах. Для окраин их не хватает.

Коренною местною причиною низкого уровня служилых людей на окраинах является малая их обеспеченность и вообще *отсутствие* у них благоприятной *экономической почвы*. Размеры содержания, даже с окраинными прибавками, обыкновенно возрастают медленнее, чем цены на предметы необходимости, особенно, когда эти последние находятся в сильной зависимости от инородческой «политики», при отсутствии русских капиталов, промышленных предприятий и вообще русской буржуазии на окраинах. Наконец, «предложение» людей корыстного компромисса в значительной мере объясняется сильным, почти назойливым «спросом» на них.

Чем более интенсивно обособление на той или иной окраине, тем больше готовы заплатить главари такого

движения за незаконные действия служилых людей, а потому степень доступности служилого класса «звону злата» может даже отчасти измеряться и степень политической благонадежности той или иной окраины. Иной чиновник, который во внутренней России наверное остался бы честным человеком, на подобной окраине впадает в корыстные компромиссы всякого рода, потому что его охватывает и подчиняет себе систематично подготовленная обстановка: его и в долги втянут, и в карточную игру, и в пристрастие к Бахусу, и эффектную чаровницу подсунут ему, и на семейство его повлияют, — словом, найдут слабую струну и умело на ней поиграют.

На окраинах больше, чем где-либо, имеет значение для служилого класса уровень *личной нравственности*, уровень достоинства личной и семейной жизни. Только тот может быть *крепким русским деятелем*, кто совладал со своими страстями и страстишками, которым во внутренней России можно предаваться с меньшею опасностью для дела. Попадет, например, какой-нибудь любитель прекрасного пола на окраину — и живо его там приберут к рукам, и поступится он служебным долгом, важную тайну выдаст врагам, темное дело прикроет!.. Горе и тем, чьи жены и дети мало-мальски неустойчивы. Иностранцы скоро это увидят — и до «падения» один шаг!...

Иностранцы любят таких податливых людей, во-первых, как людей услужливых, а во-вторых, как русских илотов, на которых можно ссылаться, обобщая это, далеко не повальное, явление, и говоря, что Россия посылает на свои окраины исключительно «всякий сброд».

Людей, которые бескорыстно поступаются, в силу одного только фальшивого либерализма, русскими национальными интересами на окраинах, иностранцы по внешности уважают, но в душе-то не могут не презирать, как умственных калек или кастратов с чьей угодно

национальной точки зрения. Кроме того, у них бывает опасение: а что как вдруг подобный господин опомнится и станет чувствовать более патриотично? Чтобы этого не случилось, они стараются скомпрометировать его тем или иным способом и взять на свой аркан, поставить на него свою метку, что нередко и удается.

Неумеренных русских патриотов инородцы, конечно, не любят из-за постоянных неприятных нервных впечатлений, но, до известной степени, *ценят в них именно неумеренность* и неуравновешенность, которая, с одной стороны, подает повод инородческим вожакам сильнее влиять на своих соплеменников, а с другой — дискредитировать русский патриотизм вообще, перед власть имущими и общественным мнением. Последнее достигается довольно легко, ввиду обилия «непомнящих родства» в нашей печати и бюрократических гостиных. «Непомнящие родства» являются, вместе с тем, и *«непомнящими логики»*, так как всякое проявление, поощрение и поддержание инородческого узкого и нетерпимого национализма считают доблестью, а русский патриотизм — позорным преступлением. Неумеренные же и нервные патриоты как явление болезненное естественно вызывают болезненное чувство и в тех, кто их наблюдает. Они нередко этим играют в руку именно врагам и отрицателям русского патриотизма. Тем не менее, русское общество должно бы повнимательнее прислушиваться к голосу нервных патриотов. В основе-то виноваты не они!

Только когда люди сильно страдают под гнетом тяжких окраинных условий, не видя помощи ниоткуда, они делаются особенно способными к нытью и брюзжанию, к мелочным придиркам и бестактным вспышкам того великого чувства, которое должно бы внушить им солидарность между собою и дружную культурную работу на благо русскому делу.

«В чем же она заключается?», — спросят они. Ах, Боже мой, да прежде всего в самообразовании, в самоуглублении, в выработке характера и вооружении себя всяческими знаниями, в преобладании духовных интересов над материально-животными, в умении сговориться, спеться с другими людьми, поступаясь личным самолюбием! Затем сама собою выяснится и программа русской культурной самодеятельности на окраинах, и в нее войдут всякие виды кооперации, взаимопомощи, духовного взаимодействия, как в какой-нибудь молоканской общине или хорошей полковой семье. Человек почувствует себя не одиноким, станет лучше, сильнее, достойнее. Взывать к правительственной помощи и опеке весьма нетрудно, но нельзя уповать только на нее. Она теперь необходима *при нашем неумении группироваться*, но надо этому неумению положить предел, сознать, что оно нелестно для русского имени, пагубно для русского дела. Русские люди разрознены, — так пусть во имя общего дела покрепче полюбят друг друга, сплотятся потеснее. Тогда они воистину будут *силою*. А они, большею частью, в этом смысле не работают и проводят свои досуги маленькими кучками за бутылкой вина или стаканом чаю в пессимистической беседе, прерываемой вздохами, возгласами «э-эх» и возложением надежд на помощь Николая, чудотворца мирликийского.

Многие из таких людей оказываются патриотическим пустоцветом, однако отчасти по вине правящих сфер. Если бы им облегчить экономическое преуспеяние да помочь им сплотиться так, как это делают немцы в Познани или славянских землях, то многие разрозненные и бесплодные ныне русские силы стали бы производительными. По весьма печальной случайности, окраинные бюрократы обыкновенно недостаточно думают об этом *главном* из русских окраинных вопросов. Наоборот, они зачастую прежде всего хотят формального спокой-

ствия и относятся к самому понятию патриотизма, если не с отвращением, то с сугубою осторожностью, как к подносу с посудой: упаси Боже, что-нибудь разобьется и нашумит!... Высшее начальство узнает и тогда... можно потерять место или не получить очередной награды. *Это* — главное, а прочее все —... гиль¹⁴!...

О равнодушно ленивых людях говорить не стоит. Они одинаково бесполезны и в центре, и на окраинах. Но вот, бесполезно повнимательнее остановиться на указанной выше характерной черте окраинной психологии: нелюбви политиканствующих инородцев к хорошим, бескорыстным и умеренно, но осмысленно и твердопатриотичным русским крайним деятелям, т. е. именно к таким, которые там особенно нужны, с точки зрения русских интересов и блага местного населения. «Охота» на них ведется усиленная: если не удастся как-нибудь вовлечь их в компромисс, то инородцы, при помощи продажных представителей служилого класса или умственно мелких чиновных дилетантов, взводят на таких деятелей всякие поклепы, обвиняют их в том неумеренном патриотизме, которого так боятся и окраинные, и столичные власти, — а затем газетная «либеральная» травля довершает остальное. Редко какому дальновидному и сильному крайнему деятелю удалось избежать таких бедствий. Как на особо счастливое исключение, можно указать на покойного Д. С. Сипягина¹⁵, который, в бытность свою курляндским губернатором, стяжал уважение и симпатию всех слоев местного населения, невзирая на свой глубочайший русский патриотизм.

Когда деятель такого рода не поддается решительно никаким соблазнам и обвинениям, то крайнее политиканство ставит ему в укор... самый приезд на службу в данную местность. Типичные примеры такого отношения к делу попадают в статье «Варшавское общество», помещенной несколько лет тому назад в одной зарубеж-

ной польской газете. Автор статьи (по слухам, знатная аристократка) находит, что «честный русский человек не имеет права служить» в Привислинском крае, даже когда он воодушевлен несомненным доброжелательством к местному населению. Само собою разумеется, что такой крайний взгляд может вытекать лишь из австрийской идеи личной унии.

Россия — не Австрия. В этом пестром ковре немцы, создавшие государство, гораздо менее многочисленны, чем возрождающиеся ныне славяне. Подчинение кровных интересов большинства паразитическому меньшинству — и, вдобавок, подчинение чисто случайное, — есть, конечно, нелепость, и простые математические соображения вполне уместны в политике, когда выразителем их явится значительная народная масса. У нас не то: наше национальное право основывается не только на громадном *численном* перевесе над какими бы то ни было инородцами, но и на *превосходстве того строя*, который выработан великим русским народом.

Мы даем нашим инородцам такую ширь идей, такую глубину чувства, какие и не снились Габсбургам¹⁶, преумножавшим свои владения посредством разных «счастливых конъюнктур» зачастую чужими руками, как захватили они, например, злополучные Боснию и Герцеговину. Что получено ценою народной крови, то ценится дороже и должно охраняться посерьезнее, чем австрийские «свадебные подарки»...

Говоря о центробежных стремлениях различных инородцев, нужно разуместь отнюдь *не их народные массы*, а только главарей и политиканствующие группы, играющие по отношению к своим соплеменникам не столько тенденциозно воспитательную, сколько *паразитическую роль*. Политиканство приносит этим людям не только приятные ощущения для самолюбия, но и реальные выгоды для кармана. У нас, в огромной России,

даже художественный гений Толстого не сразу получил всеобщее признание, даже бессмертный Пушкин доселе одержал еще не ту победу, которой достоин; а в каких-нибудь Шуше, Бендерах, Кельцах или Тавастгусе банальный, развязный болтун легко становится великим человеком, «доблестным гражданином своей нации». Если он пишет детски элементарные стихи, то их раскупает и учит наизусть весь муравейник инородческих «литератов»; если он умеет рвать зубы, то патриотически настроенные клиенты, пожалуй, способны лезть к нему даже со здоровыми зубами; если он адвокат или нотариус, то практика растет параллельно с патриотической популярностью. Даже русское общество, столь мало умеющее ценить своих деятелей, подчиняется гипнозу инородческого шума и проявляет особый респект по отношению к избранникам маленьких «наций», входящих в состав русского государства. Инородческий гипноз настолько действует на наше общество, что даже целый ряд наших, по существу ничтожных, людей пера выдвинулся при помощи шумихи нерусских рукоплесканий. Выдвигая своих «гениев», наши инородцы тратят на это духовные и материальные средства, т. е. совершают акт односторонней и тенденциозно направленной, но все-таки гражданственности, делают шаг вперед по пути политического развития. Уменьше ценить свое, проявлять солидарность, поступаться личными интересами ради какого бы то ни было общего дела — это все положительные черты, которым не мешает поучиться кое-каким современным русским по имени людям.

Все самобытное имеет право на существование, на жизнь и развитие в пределах, указанных ему судьбою. Требовать, чтобы все деревья превратились в дубы или березы, или чтобы сокол сделался курносым, — безусловно, нельзя. Такое требование было бы и бесчеловечным, и недостижимым. Поэтому проповедь «стирания с

лица земли» инородческих особенностей противоречила бы и Божьей правде, выраженной в природе, да и русскому духу. Надо желать только сближения на разумных началах, которое (впрочем, далеко не во всех случаях) должно привести к слиянию.

Эволюция междуплеменного сближения совершается медленно. Надежнейшим, лучшим, органическим средством для нее являются смешанные браки. Если даже брачующимся птицам необходимо *гнездо*, то ясно, что для мало-мальски сильного русского воздействия на окраине, немыслимого без распространения смешанных браков, государственного языка и т. д., необходима прежде всего *национально-экономическая политика*.

Пределы инородческих языков указываются, с одной стороны, сущностью, т. е. созидательными началами государственного строя, а с другой — определяются реальными условиями жизни. Само собою разумеется, что государственный язык не может быть устранен из каких бы то ни было присутственных мест, учебных заведений и тех органов общественного самоуправления, которые так или иначе являются делегацией правительственной власти. Само собою разумеется, что изгнание русского языка из какой-нибудь окраинной городской думы было бы отречением от русского дела, уродством в австрийском стиле.

Но, наряду с этим, недостаточно внимательное отношение к туземным языкам в начальной школе было бы ненужной педагогической ошибкой. Язык — величайшее, первое орудие человеческого духа, проводник нравственных чувств и понятий и, так сказать, *органический рычаг развития*, тесно связанный с племенной психологией и потому не подлежащий искусственному подмену. Мальчик грузин, поляк или татарин будет умнее, нравственнее и живее, если родной язык будет для него первым орудием развития. Русскому мальчику

необходимо прежде всего усвоить русский язык, потому что иначе он будет слабее не только с национальной, но с объективно духовной точки зрения. В данном вопросе нужно прежде всего *уважение к природе*. Русскому делу оно несколько не помешает, хотя и отсрочит формальный его успех.

Когда русские люди будут на окраинах многочисленны, зажиточны, сильны и проникнуты национальным самосознанием, то сами собою расширятся сферы нашего языка, наших идей, нашего духовного и экономического влияния. Почти на всех наших окраинах уже теперь, и без наличности такого условия, разноплеменная туземная народная масса стремится к знанию государственного языка, видя в нем ключ к своему благополучию и защите от административной или судебной неправды. Иностранческие же вожаки стараются противодействовать распространению государственного языка, предвидя, что пасомое ими стадо тогда значительно сократится. Такое настроение их свидетельствует, разумеется, больше о служении эгоистическим целям, нежели о действительной любви их к своим соплеменникам.

Как выше сказано, и русским руководящим сферам, и самим иностранцам надо предоставить конкуренцию между языками в частном обиходе решению самой жизни. Если иностранческая литература и повременная печать будут беднее, чем русская, то знакомые с государственным языком иностранцы будут предпочитать эту последнюю, и предпочтение будет добровольное, разумное, а потому и богатое добрыми плодами.

Значение языка не следует преувеличивать. С русской созидательной точки зрения важно не столько формальное распространение государственного языка, сколько то, чтобы наши окраинные обыватели думали и, главное, *чувствовали* по-русски. В настоящую минуту на многих окраинах государственный язык более

распространен, чем 40 лет тому назад, а чувства людей, говорящих на нем, пожалуй, кое-где менее благоприятны нам, чем прежде. Если же нужно сравнение между фактами, происходящими одновременно, то можно указать на образованные классы у грузин и у армян: первые значительно хуже говорят по-русски, но к русскому делу относятся гораздо более сочувственно, чем вторые.

Посягательства на колоритные стороны окраинного быта, не заключающие в себе ничего противогосударственного, также не всегда целесообразны. Наоборот, надо бы поддерживать то, что исторически связано с добрыми нравами и началами гражданственности. У исполнителей русской задачи на окраинах непременно должно быть культурно-художественное чутье и развитие, для того чтобы они поддерживали символизм, духовно объединяющий инородцев с нами, и осторожно устраняли только наиболее резкие символы обособления. Искреннее доброжелательство к нашим иноплеменным согражданам будет всегда понято ими, наперекор их себялюбивым вожакам, и примирит их с теми мерами, которые вызываются государственными соображениями, а не невежественными капризами....

Так как окраинная политика, да и всякая политика вообще, есть нечто чрезвычайно гибкое по своим формам, в зависимости от обстоятельств времени и места, то и общего окраинно-политического шаблона для различных времен и народностей предложить нельзя, а наоборот, необходимо настаивать на разнообразии методов, отвечающих племенному и всякому иному разнообразию. Поэтому, о данном вопросе придется подробнее говорить по поводу отдельных его разветвлений, а пока что необходимо только повторить мысль Аксакова, что наши инородцы тогда сделаются вполне надежными сынами России, когда мы сами станем крепкими, сознательно русскими людьми. Надо, чтобы иноплеменные сограж-

дане наши крепко убедились в нашей устойчивости и получали, в случае неподобающих заигрываний или неуравновешенного сепаратизма, спокойно твердый ответ, выраженный в малорусской поговорке: «Не юли, бо не покуришь». Тогда все «образуется» само собою.

В заключении необходимо сказать несколько слов о серьезной культурной пользе, получаемой русскими и инородцами от общения между собою. Всякое государство является воспитательным учреждением как естественный путь для выработки общечеловеческих сокровищ духа и притом не отвлеченных, не доктринерских, а действительно жизненных. Этими качествами особенно обладает пестроплеменная *империя*, образованная главным элементом сильным количественно и духовно. Она дает ту ширину взглядов, тот смелый художественный размах, который неведом маленьким народам. У этих последних зато есть такая детальная разработка отдельных сторон и областей жизни, к какой мы, русские, не привыкли; по-видимому, она была и у нас до императорского периода, ознаменованного гигантским расширением наших пределов и целым рядом не завершившихся доселе государственных перестроек, т. е. условиями, не благоприятствующими детальной работе.

Между тем, эта последняя крайне необходима, потому что без нее немислима прочная культура. Теперешняя германская империя культурно сильна и глубоко национальна потому, что долгое время она была разделена на мелкие владения, успешно и усердно конкурировавшие между собою в деле просвещения вообще и общественной науки в частности. Уменьше обывателей сразу, почти безошибочно группироваться во имя практических, осуществимых задач, отличать существенное от второстепенного и давать перевес общему над частным — вот черты, удобнее всего вырабатывавшиеся в сравнительно небольших группах людей.

Этими чертами наши окраинные обыватели, хотя и ниже нас стоящие духовно, отличаются нередко в большей мере, чем мы сами, а их неопределенное и формально подчиненное положение способствует развитию у них техники этого дела. Этой технике нам не мешает поучиться, а попутно и их самих многому научить. Так, например, каждая из маленьких инородческих групп называет себя «нацией», забывая, что понятие *нации* обуславливается понятием независимого и притом большого, сложного по составу *государства*. Между тем, злоупотребление указанным термином получило права гражданства даже на столбцах русской повременной печати, что свидетельствует о ее чрезвычайной податливости инородческим влияниям.

Надо бы, наоборот, усилить русское духовное влияние на инородческие группы, и притом ради собственного их блага, а не только в видах политических. Это влияние избавило бы их от узкой и нередко противосоциальной *мелочности*: одних — от излишнего деспотизма родового начала, других — от аристократических предрассудков, третьих — от опьянения своей обособленностью, подавшею, например, полякам повод назвать свою интеллигенцию «товариществом взаимного восхищения». Мера вещей, ширина и глубина взглядов — вот добрые плоды мирного общения и взаимного понимания между русскими и инородцами.

В настоящий переходный и во многих отношениях неблагоприятный для русского самосознания момент у нашего общения с инородцами есть весьма важная сторона, дающая много болезненно горьких впечатлений, но богатая спасительными созидательными результатами. Русским людям живется на окраинах плохо и приходится часто страдать невыразимо за самих себя и за *русское дело* вообще. Оно становится им дорого и рельефно выдвигается в их сознании. За вспышками фанатической

любви к родным устоям является сама собою любовь вдумчивая, вникающая в сущность вопросов и делающая строгую переоценку всяких доктринерских отвлеченностей и заблуждений.

Тяжелый крайний опыт, обыкновенно богатый сравнительным народоведением, дает более глубокое понимание истинных русских национальных нужд, чем петербургское кабинетное чтение. Яснее видны тогда те *священные источники*, в которых русские люди должны черпать творческую силу и патриотическое вдохновение.

Какою бы дорогою ценою ни покупалось это великое благо, — надо искать его, надо быть благодарным за него, ибо в нем залог будущего культурного расцвета нашей многострадальной родины.

РОКОВОЙ ВОПРОС

Чрез двадцать с лишком веков истории европейских народов проходит красною нитью большой вопрос, доселе неразрешенный, мучительный для всего человечества и, может быть, неразрешимый: вопрос о евреях.

Яркими красками изображают исторические писатели и публицисты XIX столетия те гонения, которым евреи подвергались в течение стольких веков у разных народов.

Многие образованные люди (особенно те, у которых голова «сделана», а не выросла самостоятельно!) либо вовсе отрицают всякий повод к таким гонениям, либо приписывают общеизвестные дурные еврейские черты *исключительно* многовековым преследованиям, развратившим и озлобившим евреев. Последнее не вполне, а лишь в значительной степени верно: всякий человек и всякий народ делается хуже под влиянием жестокого обращения и рабского или бесправного состояния. Если государственною или общественною необходимостью оправдываются, а иногда и требуются стеснительные ограничения для некоторых человеческих групп, то безусловно ничем не может быть оправдан практиковавшийся до конца XVIII века *бесчеловечный*, изуверский характер таких ограничений. Государство может сильно сдерживать известные человеческие группы и строго наказывать тех или иных

людей, но исключительно в таких пределах, которые обуславливаются его воспитательною задачею. Такой же характер должен быть присвоен и деятельности руководителей общественного мнения, ибо несправедливость или жестокость с их стороны опорочили бы ту суровую правду, которую они обязаны говорить.

Несомненно, что в течение многих веков европейские правительства, — а в XIX веке и до наших дней — многие представители правящих классов нарушали это основное правило по отношению к евреям, обостряя и разжигая тем ненависть евреев ко всем иноплеменникам, их учреждениям и жизненным устоям; немудрено, что под влиянием такого чувства еврейские расовые недостатки продолжали и продолжают развиваться...

Еврейский вопрос от этого затемнялся и затемняется, тем более, что многие высокие умы и благородные сердца не выносят несправедливости и жестокости: в пылу негодования против крайностей, они забывают разумные исторические основания к более уравновешенным ограничительным мерам и, в итоге, зачастую становятся защитниками тех, кого считают *только угнетаемыми*. Многие таким образом были сбиты с толку и впали в сентиментальность, вместо того, чтобы попытаться спокойно и дельно разверстать хотя бы национальные интересы и права своего народа с еврейским...

От одной несправедливости родится десять, а путаница порождает только путаницу. Выбраться из этого лабиринта возможно только при исследовании самого корня вопроса, ключом к которому является прежде всего, конечно, история.

При внимательном к ней отношении, неизбежен суровый вывод, что всякий народ в значительной мере сам создает свое положение. Если единичный человек может случайно попасть в плен и умереть *рабом*, то целый *народ* от такой случайности не зависит: это

или свободный в основе народ, или *предназначенный* для рабства в широком смысле этого слова. Если народ первой категории попадет в исключительно скверные условия, то он может либо вымереть, как вымирают американские индейцы, либо утратить свою государственность или племенную независимость и стать этнографическим материалом для другой нации; либо, наконец, долго томиться под чуждым игмом, не теряя надежды и духовной возможности сбросить его. Но он не усвоит *нравственной* физиономии раба, не уверует в подкуп и ложь как в главное средство спасения или могущества, не проявит бросающейся в глаза способности к резким переходам от рабского унижения до безумной заносчивости и наоборот. Зависть и мстительность не будут гореть неугасимо в его душе, как не будет в ней царить и тьма безнадежности.

Рабство, или вообще низшее, стесненное положение в окружающей среде, происходит всегда по вине самого народа, подвергающегося ему: либо это его естественное предназначение, как например, у некоторых африканских племен, либо не менее естественное историческое *наказание* за отрицательные черты, невыносимые для окружающих народов: таково именно положение евреев.

Чтобы объяснить себе их тяжелую историческую судьбу, не нужно быть антисемитом или пользоваться сведениями из антисемитического источника: достаточно внимательно прочесть Библию и иные специально еврейские источники.

И в Библии, и, например, у Иосифа Флавия¹ очень легко можно увидеть, что евреи искони были ненавидимы всеми соседями за свою нетерпимость и бесчеловечность к ним. Еще в те времена сказался еврейский характер, сложилось еврейское мирозерцание, обрисовались те резкие, своеобразные черты, которые привели сперва к падению еврейского государства, а затем и к дальней-

шим, загадочно роковым судьбам и мировой роли этого «жестоковыйного» народа.

Символизм Библии² удивительно характерен, если вникнуть в неизбежную *человеческую* сторону ее, независимо от божественного значения Ветхого Завета. Начнем с грехопадения: рекомендуется «древо жизни» и воспрещается «древо познания добра и зла», хотя именно в отличении добра от зла и заключается весь смысл мирового сознательно богочеловеческого процесса.

Каин и Авель: Каин — *земледелец*, Авель — *пастух*; и Иегове неужодна именно жертва первого. Тут, несомненно, есть *бытовой расовый оттенок*, которым объясняется даже теперешняя несклонность и малая способность евреев к земледелию.

А коммерческие способности, применяемые *решительно ко всему*, не исключая торговли женским мясом, без всякого стеснения пределами добра и зла! Иаков пользуется голодом своего брата Исава, чтобы за чечевичную похлебку купить у него первородство, обмануть слепого отца, — и после этого остается незапятнанно светлым, приснопамятным патриархом еврейского народа; братья продают Иосифа в Египет, где он делает карьеру опять-таки изворотливостью ума в области снотолкования и экономической сообразительности, а не путем производительного, упорного труда; даже шутка братолюбивого Иосифа с Вениамином (чаша, подсунутая ему в мешок) носит немножко уголовный характер.

Уходя из Египта, евреи забирают у туземцев «в долг без отдачи» много драгоценностей, из-за чего, быть может, и последовала за ними неудавшаяся египетская погоня.

Единобожие уже принято еврейским народом, но как факт, узанный *скорее воображением, чем сердцем*, и потому мало влияющий на нравственную сторону жизни, да и сам по себе не особенно прочный. Стоит Мои-

сею, так сказать, отвернуться, чтобы евреи откровенно поклонились своему всегдашнему божеству и покровителю, — *золотому тельцу*.

Моисей, вдохновенный вождь (по-видимому, не вполне еврейского происхождения и, во всяком случае, многому научившийся у египтян), неизмеримо выше своего народа, которому он дает впервые писанный религиозно-нравственный закон и нечто вроде политического строя.

Основными чертами первого, особенно по сравнению с античными религиями, является недостаток нравственно-бытовой тесной связи между строем жизни и велениями Иеговы, или, точнее, отсутствие культурного и философского обоснования у новых религиозно-нравственных велений: Иегова их дает — и нечего рассуждать!

Вторая, чисто практическая часть Моисеева законодательства, ярко окрашена *социалистической тенденцией*, свидетельствующей о том, что народ, высшие представители которого дошли до единобожия, в массе своей был крайним *материалистом*, и притом завистливым, нуждавшимся в радикальных мерах для установления сколько-нибудь сносного общежития. Очевидно, уже в ту пору в среде еврейского народа было много ростовщиков и вообще представителей неправого стяжания, если пришлось прибегать к таким радикальным мерам, как, например, установление «юбилейного года».³

Вообще понятие справедливости у евреев было преимущественно формальное и *материалистическое*: «око за око, зуб за зуб»; а их единобожие было и доселе осталось *узкоплеменной идеею*: с Богом, так сказать, заключен контракт, в силу которого Он непосредственно правит народом и дает ему преобладание над всеми соседями, под условием отречения евреев не только от

язычества, но и от близости с языческими народами, нетерпимость к которым становится *религиозным* требованием.

Понятие *договора* в области религии весьма характерно.

В итоге получается *тео-демократия*, мешающая развитию государственности: уже тогда евреи по натуре своей были врагами всякого государственного строя в арийском смысле этого слова. Когда, в силу политической необходимости или, может быть, из зависти к соседям, у которых были цари, евреи также захотели получить себе царя, то Самуил весьма энергично их от этого отговаривал, причем самые аргументы его весьма наглядно свидетельствуют о коренной *противогосударственности* этого народа.

Царство у них получилось некрепкое и не оставившее никакого исторического следа. Держалось оно на наемных войсках и сколько-нибудь серьезных культурно-общественных форм не выработало.

Теократические формы оставались в силе, причем весьма скоро, по-видимому, утратили душу живую и впали в *жреческий формализм*. Наглядным доказательством последнего факта служит *обилие пророков*, истинных носителей идеи религиозно-нравственной, более, чем религиозно-договорной.

Появление пророка вообще может обуславливаться лишь таким неблагоприятным положением вещей, когда обыкновенные средства государственного строительства и общественного созидания либо отсутствуют, либо далеко не достигают цели.

Пророк есть явление *экстренное*, вызываемое экстренными же обстоятельствами; вряд ли против этого можно спорить. А если так, то стало быть, не пророков и не то, что они говорили, следует признать *духовною сущностью* еврейской народной массы, а именно те по-

важные жизненные факты, которые вызвали появление пророков. Это необходимо помнить и в применении к современным евреям, т. е. считать их не столько потомками народа, давшего миру пророков, сколько *потомками народа, нуждавшимся искони в появлении самоотверженных пророков*, без помощи которых «образ и подобие» были бы окончательно утрачены.

Года полтора тому назад вышла глубоко интересная книга Мориса Мюрэ⁴ «*L'esprit juif*», в нынешнем году переведенная и на русский язык под неполным заглавием «Еврейский ум». Автор с большим беспристрастием и знанием дела выясняет характерные особенности еврейского мирозерцания, а также роль нескольких выдающихся еврейских умов на почве и под флагом так называемой европейской цивилизации.

Большинство выводов этой книги весьма солидны и трудно поколебимы: видно, что это не разъяренный, нетерпимый Дрюмон⁵, а спокойный и гуманный мыслитель, лично даже во многом сочувствующий евреям и предоставляющий читателям делать заключения на основании добросовестно и спокойно сгруппированных фактов. Знакомство с этой книгой существенно необходимо каждому образованному человеку, желающему сознательно отнестись к еврейскому вопросу и вникнуть в сущность и происхождение многих преобладающих в европейском (и, в частности, русском) обществе воззрений.

Носители этих последних немало удивятся, узнав, как много посеяно в современных «сделанных» головах именно *еврейских семян*, — и сколькоросло, вследствие этого, плевел отвлеченности, противокультурности и противогосударственности, с точки зрения национально-почвенной, жизненной правды.

Г. Мюрэ только недостаточно оттеняет крупную духовную разницу между массой еврейства и биче-

вавшими ее пророками. Эти последние, так же, как и идея единобожия, несомненно, возникли на еврейской почве; но в неравной исторической борьбе двух элементов победили не пророки, *возобладало не то, что они говорили, а именно то, против чего было направлено их пламенное вдохновение.*

Пророки не только предсказали, но, в значительной мере, и подготовили христианство: оно явилось, в человеческой части своей, *естественною стадией* богочеловеческого процесса, в котором участвовали и пророки, более ранние единичные лучи воссиявшей затем миру божественной правды.

Отвергнув христианство, евреи показали отсутствие духовного единения своего с пророками. Общими у них остались объективные лишь черты семитического творческого темперамента да древний духовный первоисточник, который у евреев затем сильно замутился мудрствованиями и «книжничеством» талмуда.

Слова пророков, да и многие религиозно-бытовые идеи, при дальнейшей эволюции еврейского мирозерцания, были, так сказать, *секуляризованы*, или материализованы: мистический элемент, без которого нет и не может быть религии, либо измельчал до уровня суеверий, либо выдохся.

Если библейский еврей, вразумляемый по временам пророками, был довольно близок к Иегове, хотя и узко понимаемому, то еврей-талмудист уже стал подалее от древнего источника ветхозаветной высшей правды, а современный еврей-интеллигент, духовно отдалившийся даже от талмуда и не усвоивший искренно иных религиозных начал, является чаще всего разнузданным воплощением тех расовых черт своего племени, на которые негодовали и Моисей, и пророки. Такой господин пожимает плечами при упоминании о пророках, с которыми у него ничего общего нет, ибо он

вообще свободен от каких бы то ни было нравственных императивов.

От других таких же беспочвенных людей, принадлежащих к другим племенам, он отличается лишь неискоренимо резкими расовыми чертами, расовым духовным складом.

Если у него есть культ, то большею частью именно культ золотого тельца. Проходящая сквозь всю еврейскую историю красною нитью неспособность и антипатия к государственности выражается у него в насмешливом или враждебном отношении ко всякому арийскому строю, обостряемом как первоначальной, так и исторически разросшеюся нетерпимостью ко всему иноплеменному.

Как истинный потомок племени, у которого был введен «юбилейный год», нынешний еврей-интеллигент одновременно склонен и к капитализму, и к неразлучному с ним социализму. Считая себя представителем аристократической расы, призванной подчинить себе все остальные народы, он вместе с тем прирожденный демократ и горячий ревнитель демократического самоуправления во всех иноплеменных государствах.

Это в нем черта и родовая, и благоприобретенная: исторический опыт показал еврейской расе, что *именно в правящей демократии больше всего царит общественная смута, больше всею имеется той мутной воды, в которой пронирыливым людям удобно ловить рыбу*. Чем более формально и юридически отвлеченно такое народоправство, тем легче фактически хозяйничать в нем обособленной и крепко сплоченной стачке евреев и их прислужников.

При таких условиях даже в большом и сильном государстве легко создать искусственное парламентское большинство, нелепые и позорные деяния которого кладут пятно на целую нацию и ведут к ее раз-

ложению. Наглядный пример этого мы видим теперь во Франции, где, по проискам евреев и подчиненных им масонских организаций, изгоняется христианство из школ и даже больниц...

Христианство, христианский культ — вот предмет неутолимой ненависти *особенно* интеллигентных евреев, чуждых какой бы то ни было веры; в этом они гораздо более фанатичны, чем самые горячие сторонники талмуда: ведь у последних есть в сердце вера, а потому они понимают и привязанность иноверцев к другим религиям. А вот «*секуляризованный*» еврейский дух есть уже цинично проявляющееся разлагающее начало, ничем не сдерживаемое, кроме страха перед силою.

Чем отвлеченнее, чем дальше от жизненной правды законы и учреждения какой угодно страны, чем больше ее общество занимается «вредным вздором» (выражение покойного Вл. Соловьева), тем беспрепятственнее идет работа социального разложения, главным симптомом которого у европейских народов является упадок или тяжкое положение христианства.

Вот почему евреи повсеместно выступают ревнителями «отвлеченного человека», и их интеллигенция энергичнейшим образом участвует в «делании головы» иноплеменной молодежи. Это поняла за самое последнее время даже наша русская молодежь, лучшие представители которой возвысили голос одновременно и против постыдных «обструкций», и против влияния еврейских интеллигентов на товарищескую среду. Мало-мальски серьезный отпор этим пагубным влияниям сразу же посодествовал водворению спокойствия в университетах. Еврейские руководители побоялись более подробного выяснения вопроса и предпочли временно перенести свою замаскированную деятельность в другие сферы⁶.

Одною из наиболее излюбленных ими областей воздействия повсеместно является печать, которую они буквально заволокли. В любой стране громадное большинство органов печати явно и тайно руководимо евреями или, по меньшей мере, служит идеям, распространение которых им выгодно.

За последнее время не имеется в Европе почти ни одной крупной писательской репутации, которая бы создалась без их помощи или против их воли. Даже наш гениальный Толстой, все громадные заслуги которого относятся к художественному периоду его деятельности, стал предметом всемирной еврейской рекламы именно после того, как принялся фальсифицировать христианство. Симпатичный, но по существу своего художественного багажа ничтожный Надсон, благодаря такой же усиленной рекламе, попал одно время в число «великих поэтов».

Талантливые и смелые изобразители отрицательных черт нашей общественности лишь в очень редких случаях дерзают отмечать эти черты у евреев.

Самый характер крайней нетерпимости, отличающий многие органы печати, свидетельствует о тесной связи их именно с еврейством, для которого эта черта чрезвычайно типична.

По совершенно верному замечанию г. Мюрэ, евреи — неподражаемые *распространители* всего, что они усваивают или считают выгодным себе. Это происходит, с одной стороны, вследствие их восточно-лирического темперамента, а с другой — вследствие наличности у них *всемирной подпольной организации*. Мне случалось, например, видеть совершенно безграмотных и невежественных сельских евреев в роли энергичнейших распространителей таких еврейских по духу изданий, как «Северный Курьер» и общенородческие, несмотря на свою пресловутую официозность,

«С.-Петербургские Ведомости»; очевидно, на то воспоследовал приказ какого-нибудь фактически властного еврейского учреждения.

Особенно ревностно распространяется все, что сколько-нибудь вредно христианству. Почти все те, без исключения, неправые стяжатели преувеличенной писательской известности, которых цитирует г. Мюрэ в своей книге (Спиноза⁷, Гейне, Карл Маркс, Георг Брандес⁸, Макс Нордау), являются *заклятыми врагами христианской морали и всякого строя, в котором христианство играет живую созидательную роль.* Повсеместная популяризация этих писателей отличается феноменальной напряженностью; в частности, у нас одно время даже Пушкина оттеснял наглый циник Гейне, талантливо издевающийся над христианством и выцыганивающий все созидательные элементы жизни; распространителем его идей, в слабых переводах и подражаниях, явился его собрат по происхождению и «душку» — П. И. Вейнберг⁹, малое писательское значение которого, кстати, весьма раздуто.

Недавно в упомянутых «С.-Петербургских Ведомостях» проводился *чисто еврейский взгляд (прямо входящий в современную масонскую программу)* относительно необходимости *изгнать из школ религиозный символизм* и заменить определенную, живительную религиозную основу русской культуры каким-то расплывчатым «*мировидением*». Воззрение, совершенно совпадающее с теми гадостями, которым подвергается ныне христианство во Франции со стороны остервенелых узурпаторов народного доверия; только там государственность уже приходит в упадок, а здесь, слава Богу, она еще крепка, так что у прислужников еврейских тенденций здесь еще языки длинны, но... руки коротки!

Вторую характерную черту еврейского мирозерцания и еврейской пропаганды является *отрицание*

национальной идеи в пользу «отвлеченного человека», прикрывающего собою еврейские расовые вождедения. Г. Мюрэ справедливо замечает, что типичный представитель секуляризованной еврейской мысли, Спиноза, характерные положения своего «Богословско-политического трактата», проникнутого ненавистью к стройной государственности, почерпнул у *еврейских каббалистов* и из других чисто расовых источников.

Мечтания Руссо¹⁰ прямо вытекли из этого еврейского памфлета. Добавим, что чрез посредство Руссо, у которого граф Л. Н. Толстой многое позаимствовал, легко установить, при некотором внимании, тесную идейную связь между противохристианскими и противогосударственными теориями Спинозы и мнимо христианскою, противонациональною проповедью русского мыслителя. Евреи и являются наиболее ревностными распространителями той искусственной популярности, которою стараются затмить бессмертную славу великого художника, добытую иным путем.

Нелюбовь евреев к национальной идее вообще наглядно объясняется историей. Национально-государственное развитие требует особых качеств (самоотречения, храбрости, правдивости и т. д.), которых евреи и у себя дома, в земле обетованной, выработать в себе не могли. Во время же скитаний и неполноправного проживания в чужих странах именно *национальное самосознание различных народов мешало евреям развивать свое преобладание над коренными жителями этих стран*. Здесь необходимо добавить, что иногда, во время пароксизмов ожесточения, это самосознание, увы, выражалось в формах кровавого насилия и бесчеловечного издевательства...

Так как настоящее национальное самосознание обусловливается сильною государственностью, или ведет к ее развитию, то немудрено, что евреи, не достигшие

государственности у себя дома и страдавшие от нее на чужбине, видят в ней лютого врага, — одни инстинктивно, а другие, сверх того, и сознательно. Несомненно, во всяком случае, что это — коренная *расовая* их черта, сравнительно мало доступная, поэтому, даже сколько-нибудь значительному смягчению.

Если принять во внимание беспримерную способность евреев к популяризации своих взглядов, то нетрудно себе представить, с какою серьезною опасностью в лице их приходится считаться государствам, насчитывающим много подданных евреев.

Сельский еврей видит в органах власти (зачастую не без основания) притеснителей, от которых надо откупаться взятками. Еврей интеллигентный, при помощи доступных ему средств, развивает это воззрение вглубь и вширь. Если оба они являются ревностными сторонниками так называемого правового порядка, ошибочно принимаемого многими за признак высококультурной государственности, то именно в силу обычного несоответствия между формальною и жизненною правдой такого строя, в силу большей легкости обойти мертвый закон, нежели живого, пронизательного и неподкупного деятеля.

В этой «прогрессивности» евреев, стало быть, играет роль не реальный, а мнимый, призрачный прогресс, или, попросту говоря, его мякина, на которой можно провести только таких воробьев, которым основательно «сделана голова».

Такою же прогрессивностью отличаются и близкие родственники евреев по крови и духу — армянские дельцы, несусветные сутяги, крючкотворцы и растлеватели, которые обобрали и закабалили себе Кавказ, подчинили себе и обывательские и казенные интересы целого края, в значительной мере, именно при помощи наших услужливых и достаточно мертвенных право-

вых установлений. Прогресс от этого получился более, чем сомнительный.

По справедливости надо, однако, сказать, что *евреи искренно верят в прогресс*: эта вера является, пожалуй, наиболее ярким проблеском их расового идеализма. Простые и простодушные евреи верят в предстоящее пришествие Мессии, который здесь, на земле, и в земных формах должен исполнить обещание Иеговы относительно возвеличения Израиля. Евреи цивилизованные верят в тот прогресс, который будет заключаться в уничтожении расовых различий, антипатий и предрассудков, и в таких формах самоуправления, при которых евреи сделаются властителями остальных народов, причем восторжествуют и еврейские социалистические идеалы на благо всем людям.

Осуществима ли такая мечта или нет — ей нельзя отказать и в некотором благородстве, но только, разумеется, низшего разбора по сравнению с христианскою идеей, дающей человеку и его жизни иной смысл, иное, неугасимо небесное, озарение. Глубокий материализм является отличительною чертою еврейского духа.

Вот почему вряд ли можно согласиться с выводом г. Мюрэ, находящего, что мы обязаны еврейству большею частью наших религиозных и нравственных идей, тогда как плодом арийской духовной работы является метафизика, наука, искусство и политика. Этот взгляд требует серьезной поправки ввиду того, что религия и нравственность без метафизической основы, без стройного миропонимания, могут достигнуть лишь элементарных ступеней развития.

Пастушеское безделье в пустыне, несомненно, создало психо-физическую обстановку для первых проблесков единобожия и эгалитарной морали; столь же несомненно, что любовное, вдумчивое изучение тайн и сил разнообразно пышной природы и разнообразно кра-

сивого человека привело чутких сынов античного мира сперва к обожествлению этих сил и тайн, а затем уже к философскому миропониманию, результатом которого является *менее непосредственная, но более глубокая идея единобожия*. Ведь и Сократ¹¹, и Платон¹² были уже в душе монотеистами.

Христианство не могло бы получить полного развития на одной только еврейской почве: говоря психологически, для развития христианства потребовалось сочетание лиризма еврейских пророков с глубокою вдумчивостью античных мудрецов.

Так как это дело богочеловеческое, то для его понимания необходимо принимать в расчет и расовые черты народов, восприявших первые лучи немеркнущего света. Отрицать заслугу еврейства было бы грешно, но и преувеличивать ее, а особенно делать из нее несоответствующие выводы для нашего времени — было бы по меньшей мере неосторожно.

В такой неосторожности многие обвиняли, между прочим, незабвенного Вл. С. Соловьева, известного защитника евреев.

Едва ли такое обвинение основательно, ибо, если предположить, что его поэтическое чувство приравнивало современных евреев к библейским, и притом лучшим представителям этой расы, то глубокое знание вопроса должно было умерить в нем подобное чувство. Не надо забывать, что Соловьев, вступаясь за евреев, или, точнее, проповедуя мягкое к ним отношение, вместе с тем *нанес сильнейшие удары именно худшим еврейским тенденциям*, так как явился пламенным проповедником христианства в печатных трудах, лекциях и всей жизни своей.

Великой деятельности его придется еще коснуться при обсуждении вопроса о том, как сделать дурные стороны еврейства менее вредными, не погрешая суще-

ственно против нравственности и права. Предварительно же необходимо еще вернуться к вопросу о еврейской расе, некоторые духовные особенности которой уже отмечены выше.

Г. Мюрэ основательно утверждает, что еврейская раса, при всей резкости своего облика, — подобно всем остальным племенным группам человечества, неоднородна: она представляет собою нечто производное, результат скрещивания коренного элемента с ханаанскими представителями кавказского и даже монгольского племен, а со времени еврейских странствий по миру, — и со многими другими народами.

Частые библейские протесты против такого скрещивания, склонность к которому с чрезвычайною яркостью проявляется и у современных евреев, наглядно свидетельствуют о широком распространении такого факта. Антропология свидетельствует о значительном физическом разнообразии еврейского типа, а вся историческая и современная жизнь этого народа, наоборот, — о значительном преобладании *устойчивых черт расовой психологии*.

Г. Мюрэ указывает на существенную физическую и психическую разницу между двумя ветвями еврейского народа, испано-португальско-голландскою, или «*Сефардим*», и германскою, или «*Ашкеназим*», к которой принадлежат и наши российские евреи. Помимо значительной физической разницы, первые, будто бы, даже чуждаются всякого духовного и делового общения со вторыми.

Во-первых, это не вполне точно, так как «всемирный еврейский союз», несомненно, объединяет их против остальных племен и мировоззрений, во-вторых, это разделение обуславливает психическую разницу не столько в главных чертах, сколько в оттенках. Мне случалось встречать нескольких испано-португальских евреев: некоторая романская метисация на них заметна, в

манерах больше грации и достоинства; но, взглядевшись подробнее, нельзя не увидеть *общееврейских* духовных и физических черт. Я помню, особенно заинтересовало меня это в португальском офицере из евреев, у которого оказалась, вдобавок, еще, вторая, комиссионерская профессия: он более интересовался распространением лиссабонского вина в нашем отечестве, нежели русскою армией, на которую ему поручило взглянуть португальское правительство...

Помимо всего, разделением евреев на указанные племенные ветви еще не определяется та, чрезвычайно резкая, разница, которая в пределах этих исторически разделившихся ветвей иногда замечается между единичными евреями. Среди них встречаются характеры, являющиеся *воплощенною противоположностью всех отрицательных черт их соплеменников*. По физическому складу, темпераменту и символизму речи они зачастую совершенно похожи на остальных соплеменников, но сердце у них, пожалуй, более христианское, чем даже у многих христиан.

Это, может быть, измельчавшие и «обескрыленные» преемники еврейских пророков, лишь случайно, или вследствие задетого расового самолюбия открыто не примкнувшие к христианству. Таких людей мне приходилось встречать в разных общественных классах: среди врачей, педагогов, даже торговцев и просто смиренных сельских евреев; доброта и задушевность их доходила до пределов, почти не встречаемых в нашем духовно измельчавшем обществе.

Казалось бы, эти различия проще всего объясняются тем, что во всяком племени есть дурные и хорошие люди, причем действительно хороших обыкновенно гораздо меньше. Но все мои попытки остановиться на таком объяснении обыкновенно оказывались неудовлетворительными. При ближайшем ознакомлении с прошлым

тех еврейских семейств, из которых происходили такие люди, почти всегда обнаруживалась весьма продолжительная преемственность тех нравственно-психических начал, которыми эти семьи отличались от массы своих соплеменников.

С детства наблюдая евреев в черте их оседлости, я настолько присмотрелся к ним, что указанные резкие исключения невольно навели меня на мысль о каком-то *давно проявившемся племенном различии в недрах самой еврейской расы*. Такая мысль находит подтверждение и в научных исследованиях, выясняющих, что колена Израилевы были далеко не равноценны в духовном отношении, да и в физическом, в зависимости от скрещивания с теми или другими народами.

И теперь в России можно различать разнообразные еврейские типы, из коих некоторые отличаются всеми признаками арийской расы.

Отчего эти лучшие люди, считающие себя принадлежащими к еврейству и не прерывающие с ним связи, являются лишь резкими светлыми пятнами на общем темном фоне и не влияют озаряющим образом на остальную картину жизни своего племени? Отчего не только слабо их влияние на соплеменников, но даже почти никогда не пытаются они проявлять и усиливать это влияние? Очевидно, они либо считают это бесцельным, либо *не смеют*; а вернее всего, действуют обе причины зараз.

Такое положение вещей свидетельствует как о малой искоренимости племенных черт, прирожденных и исторически развившихся, так и *о существовании центральной и поместных еврейских организаций*, опирающихся на «одичавшие» или омертвелые религиозные устои, но преследующих преимущественно *политически-расовые интересы*, в которых служение золотому тельцу является одновременно и средством, и целью.

Наличность таких организаций и такого сложного их характера настолько наглядна, что вряд ли ее нужно теперь доказывать, особенно пишущей братии: любой из ее представителей может легко в этом убедиться, получив из самых неожиданных мест целые ушаты неприятностей, не только если погладить евреев против шерстки, но даже если преступить, не касаясь евреев, хоть одну из заповедей русского *ложного* либерализма, который по тенденциям, задачам и многим исполнителям неизбежно должен быть назван *либерализмом еврейским*.

В одной из своих глубоко интересных статей Н. А. Энгельгардт¹³ основательно выяснил в «Новом Времени», что еврейская организация, прежде всего, лежит тяжелым бременем на еврейской народной массе, угнетаемой своими «козырными тузами». Мысль глубоко верная, — и с даровитым автором нельзя не согласиться, — что великому русскому народу, на долю которого выпала крупная мировая роль, следует выполнять свою *мессинскую* задачу по отношению к той еврейской бедноте, о которой Спаситель сказал: «*misereor supra turbam*¹⁴». Для этого представителям правящих классов надо *знать и общееврейское мирозерцание, и склад жизни различных слоев этого племени*.

Главным предметом настоящей статьи является, собственно, первый вопрос, как основной и общий, затрагивающий наиболее существенные стороны нашей государственной и общественной жизни. Второго же вопроса я здесь коснусь только вкратце, так как подробная разработка его требовала бы многотомного сочинения.

Сельский или уездный еврей простолюдин в черте оседлости — ремесленник, извозчик, мелкий фактор и приказчик, — представляет собою, в сущности, лучший из еврейских типов. Многое внушает искреннюю жалость, а кое-что и уважение к нему. Он беден и

скромен, искренно привязан к своей вере и, несмотря на всю талмудическую путаницу и формализм, черпает в ней, или в своем чувстве к ней, возвышающие начала. Живя в тесном общении с русской или, точнее, малорусскою народной массой, он не чувствует или, по крайней мере, не проявляет к ней той фанатической ненависти, на которую слишком огульно склонны указывать наши антисемиты.

Наоборот, скорее можно наблюдать довольно много примеров большой приязни между простыми евреями и христианами. Правда, из такого «кумпанства» получается почти всегда какое-нибудь нарушение закона: либо ростовщические операции, либо беспатентная торговля водкой, либо непохвальные юридические делишки.

Но расовой ненависти ни с той, ни с другой стороны не видно. Даже во время еврейских погромов, свидетелем которых мне случалось быть, вспышки народного буйства отличались юмористически шаловливым оттенком; если и встречалась ненависть, то она была направлена, главным образом и прежде всего, против сравнительно богатых евреев (иногда не без подстрекательства со стороны русских конкурентов — торговцев и кулаков), а затем уже переливалась через край.

В нормальное же время беднота сочувствует бедноте, независимо от расовых различий. Бывают примеры особо симпатичных форм дружеского соседства между простыми евреями и христианами. Например, в одном селе после пожара, уничтожившего множество хат, в числе усерднейших жертвователей на погорельцев оказался мелкий лесоторговец-еврей.

В моей сельской церковно-приходской школе прекрасно окончила курс еврейская девочка, все время жившая чрезвычайно дружно с христианскими детьми. Эта милая малютка даже участвовала в хоровом пении молитв и, с согласия родителей, посещала иногда пра-

вославленную церковь, отнюдь не забывая при этом своей религии и не собираясь ей изменять. На некоторые вопросы мои по этому поводу ребенок отвечал без всякого жеманства или искусственности, что «Бог один». Разумеется, это дитя неизмеримо выше своих соплеменниц, побывавших в гимназии или на каких-нибудь курсах, где отрицательные племенные еврейские черты проявляются обыкновенно в очень резких и антипатичных формах.

«Маленький», т. е. сельский и уездно-городской еврей-пролетарий в некоторых местностях играет большую роль. Я лично видел интересный пример: один вновь приезжий вице-губернатор в небольшом привислинском губернском городе в течение нескольких дней оставался без прислуги: люди придут, наймутся, а затем без всякой видимой причины отказываются от места. Наконец, кто-то из старожилов надоумил его обратиться к старой еврейке-факторше Рохле, которая оказалась значительно выше своего имени: мигом все устроила, — и у приезжего оказались те же люди, которые вначале, до участия Рохли, *боялись* оставаться у него на службе. Они объяснили мне, жеманясь и потупляя взор, что его превосходительство уедут, а Рохля останется — и тогда «бендзе кепско¹⁵...» Очевидно, у этой госпожи, при том живущей впроголодь, есть целая факторская организация, поддерживаемая обширным кругом местных евреев.

О другого рода факторстве, менее безгрешном, и говорить нечего: оно несомненно лежит грязным пятном на поместном мелком еврействе. Во всех странах мира, особенно же в России и Австрии, главный контингент торговцев «белыми невольницами» состоит из евреев, пускающих по этой наклонной плоскости и своих соплеменниц, очень часто даже собственных дочерей; это объясняется, по-видимому, не только условиями социально-экономическими, но и *историческою* расовою

склонностью еврейского племени к распутству и распространению распутства; может быть тут еще влияет скрещивание с разными ханаанскими народами, у которых имели большое значение культы, связанные с необузданностью страстей.

Что касается до ростовщичества, то еще большой вопрос: какое ростовщичество и какая вообще эксплуатация темного люда вреднее — еврейская или русско-кулачская?! Мелкий еврей-ростовщик и надувало — антипатичен и жалок: он одновременно и нервно корыстен, и надоедлив, и труслив; народ не видит в нем образца себе и, если дает себя обьегоривать, то по лености или деловому неряшеству. Так, по крайней мере, обстоит дело в Малороссии. Православный же кулак — персона и, до известной степени, воплощенный идеал в невежественной деревне. Он никому не надоедает, а к нему все на поклон ходят: «Обдери, мол, нас, горемычных, ради самого Создателя!» Когда он обдирает, то словно милость оказывает. Он и снохач, и ростовщик, и нигилист в вопросах общественных, — а вместе с тем он и церковный староста, и «благотворитель», и «почетный обыватель», пользующейся особым доверием и симпатией поместной полиции.

Этот хищник — вреднейший из деревенских «плотоядных». Теперь, когда помещики частью ослабели, частью окончательно сведены к нулю, кулак является истинным хозяином деревни. Если бы осуществились, например, пожелания А. А. Папкова¹⁶ относительно развития приходского самоуправления, то, при современных социально-экономических условиях, даже священники избирались бы непременно по воле подобных кулаков.

Хуже всего не самая эксплуатация ими народа, а именно то, что убогий крестьянин, вздыхая, мечтает о такой же экономической карьере, какую сделали

знакомые ему кулаки; *извращается*, стало быть, *нравственный смысл народа*, затуманивается его понятие о добре и зле.

А уподобиться еврею никакой крестьянин, тем паче малорусский, не имеет ни малейшей склонности: расовая разница тут весьма спасительна.

Допустим, что необходимо признать племенную склонность евреев к ростовщичеству и гешефтам; но не развивается ли эта черта отчасти именно под влиянием тех ограничений и стеснений, которым подвергаются «маленькие» евреи даже в черте их оседлости? Например, им даже воспрещено арендовать земли, запрещено проживать в селах и деревнях без профессионального предлога, который бы непосредственно оправдывал их пребывание в том или ином пункте. Да и этот предлог обставлен, как будто нарочно, именно так, чтобы мелкая полиция могла брать взятки за его применение; один становой пристав, с лукавой улыбкой, откровенно признавался мне по поводу моего заступничества за одного такого бедняка, что узаконения и сенатские решения по таким вопросам отличаются *«весьма удобною неопределенностью»*...

При таких условиях нельзя требовать, чтобы в «маленьком» еврее постепенно укоренялось уважение к закону, а не стремление и умение обходить его... Ведь он ясно видит на каждом шагу, что для евреев более зажиточных ограничения сильно смягчаются, а перед богатыми сынами Израиля даже крупные должностные лица считают непостыдным расшаркиваться. Попробуйте-ка в чем-нибудь ограничить в Киеве г. Бродского, или в Варшаве г. Блюха, или в Тифлисе армянина Манташева, влияющих не только на местные «силы», но даже на кое-какие столичные сферы и органы печати! Такие тузы кому угодно покажут «кузькину мать»!..

Козлом отпущения за прошлое, настоящее и будущее является мелкий, бедный еврей, теснимый и начальством, и своими «китами». Вряд ли такой порядок вещей делает честь русскому имени и содействует постепенному разумному решению еврейского вопроса.

Во избежание односторонности этой беглой характеристики «маленьких» евреев, необходимо отметить их положительную черту, — *умение быть благодарными*, в котором христианам с ними даже и сравниваться нельзя. Может быть, это результат восточной мудрости, согласно которой «благодарность есть ожидание новых благ», — но, так или иначе, это черта, глубоко-симпатичная и достойная подражания.

Весьма интересно с художественной стороны чертою является также презабавный юмор. Не могу забыть, как я однажды в юности, негодуя на мошенническую проделку мелкого торговца-еврея, неосторожно пригрозил, что «разнесу» его лавочку. Он не обиделся, а только пожал плечами:

— Ну, цтозе! И вас оправдают, как Веру Засулич!¹⁷...

Интенсивная склонность евреев к наживе и довольно значительная сплоченность их между собою, — в итоге представляют собою несомненно значительное неудобство для окружающего христианского населения, менее умелого в области экономической, отличающегося малою производительной и промышленной энергией и разрозненного. Если мелкий еврей, проживающий в том или ином селе, облюбовал какой-либо местный продукт (хлеб, лес и т. д.), то можно быть уверенным, что многие из соплеменников его откажутся конкурировать с ним, не пожелают вторгаться в район его гешефтов и appetitов; производитель при таких условиях, конечно, несет убытки, особенно в местностях, где торговля почти исключительно в еврейских руках.

Наконец, мелкий еврей почти всегда является в той или иной *мере* агентом еврея более крупного и опасного, и сам, при мало-мальски благоприятных условиях, становится таковым.

Большинство еврейской бедноты, однако, этого не достигает, живет впроголодь, в грязи и унижении. Оно отличается большею религиозностью, которая, невзирая на значительное нагромождение суеверий и мелочей формализма, повышает его нравственный уровень, придает этой среде определенную *колоритную* физиономию, с резкими отрицательными, но и положительными чертами. Чем дальше еврей становится от своей веры (когда он *искренно* не переходит в христианство) и патриархальных обычаев, чем более он утрачивает основной свой расовый колорит с его недостатками и достоинствами, тем он становится *хуже* и *опаснее*. Еврей в рваном лапсердаке, блюдуший благоговейно субботу, неизмеримо выше своего беспринципного соплеменника в космополитическом пиджаке или плутократическом фраке с купленною звездой.

В связи с этим, при современных условиях, *наглядное, внешнее обособление евреев*, почти повсеместно являвшееся правилом до Французской революции, значительно целесообразнее, чем их кажущееся слияние с другою народною и общественною средой, открывающее более широкий простор тайным стачкам, пропаганде секуляризованных еврейских идей, которые вносят элемент брожения и разложения в государственную и общественную сферы арийских народов. А именно на этот путь еврейство и стало давно уже, а со времени указанной революции делает в таком направлении значительные, *слишком значительные* шаги! В этом заключается несомненная, быть может, роковая опасность для христианства и, в итоге, для мирозерцания и строя европейских народов-арийцев.

Секуляризация еврейских идей в народной массе особенно быстрые успехи делает именно там, где евреев очень много и где они, поэтому, составляют крупную организованную силу. Высказанное выше сравнительно оптимистическое суждение о сельских евреях Малороссии, поэтому, гораздо менее применимо к губерниям белорусским, литовским и польским, где они почти повсеместно полные хозяева края и отличаются особенною наступательностью. Малоросс человек упорный, крепкий и не особенно податливый; он сам склонен к кулачеству и дает себя эксплуатировать еврею в мере довольно выносимой. В других местностях черты оседлости население более «рыхлое», вялое, да и евреев побольше: там с ними шутки плохи.

Простые, сельские и уездно-городские евреи, как бы они ни были невежественны и подавлены материальными заботами, *лихорадочно интересуются политикой*: это черта, резко бросающаяся в глаза. Литовско-польские евреи проявляют это в весьма острой форме: они дают значительный контингент *социалистов*, устраивающих демонстрации и заходящих еще дальше этого, чему примером служат сравнительно недавние события в Вильне, Белостоке, Витебске и т. д. Еврейская масса искони легко воспламеняема повсюду, и с каждым годом это неприятное свойство ее проявляется все резче, по мере нарастания еврейской интеллигенции.

Городской зажиточный еврей в черте оседлости представляет собою переходный тип от гонимого и страждущего мелкого еврея к еврею-властелину, утешителю и интеллигенту, истинному микробу общественного разложения. Он обыкновенно мало образован, но человек, одетый по-европейски, бывалый, с весьма вкрадчивыми манерами и некоторым запасом либеральных фраз, вычитанных в газетах и журналах, издаваемых евреями и их прислужниками. Супруга его одевает-

ся весьма изысканно, норовит брэнчать на рояли, болтать по-французски и выписывать «Вестник Европы»¹⁸; сын учится в гимназии, а в свободное от занятий время сидит в отцовской лавке или конторе; дочь пишет стихи или романтические дневники, учится также в гимназии, а затем на курсах, охотно стрижет свои курчавые черные волосы и вообще отличается страстно-либеральным направлением. Почтенное семейство равнодушно к своей религии, как к источнику богопознания, но крепко держится за нее, как за кагальную организацию в которой глава такой семьи играет видную роль. Гостями и до известной степени клиентами¹⁹ (в древне-римском значении) подобного еврея бывают местные чиновники, причем их служебный калибр обыкновенно соответствует экономическому уровню и влиянию городского еврея. Основа такой близости, конечно, всегда нелестная для достоинства служилого человека, и в результате всегда то или иное (иногда вопиющее) нарушение закона, — чаще всего обход ограничительных мер, являющихся, главным образом, источником «кормления» для поместных представителей правительственной власти или самоуправления. Личный состав земских учреждений в черте еврейской оседлости отнюдь не более свободен от таких отношений, чем уездные чиновники; я знал, например, земскую управу, истинным хозяином которой был еврей, подрядчик и векселедержатель.

Соответствие между рангом служилого клиента и денежным положением покровителя-еврея иногда резко нарушается в пользу этого последнего: есть в наших местах странные на первый взгляд примеры тесной близости между довольно крупными сановниками и довольно мелкими евреями; очевидно, «сам черт их связал веревочкой».

Города в черте оседлости — прямо еврейские цитадели. И в Полтаве, и в Чернигове, и в Минске, и в Витеб-

ске, не говоря уже об уездных городишках, — по субботам, когда еврейские лавки закрыты, буквально ничего достать нельзя, точь-в-точь как в Тифлисе во время армянских праздников!

Просто оторопь берет, если подумать, что коренное население так неспособно пробиться чрез эту сплошную стену к промышленной и торговой деятельности. Говорят, мудрено конкурировать русскому с евреями; последние, помимо всего, больше психологи в области экономической: умеют заманить покупателя, польстить ему, заметить вкусы публики, во время оказать кредит и т. д. Кроме того, сплоченность помогает им и «оборачиваться» в трудные минуты, когда русские разрозненные люди обыкновенно беспомощны. Наконец, умелая недобросовестность, склонность к ловким банкротствам и т. д. тоже приносит немалые плоды.

Все, что, по немецкому меткому выражению, называется «*Conjuncturgewinn*» (когда человек не сеет, не жнет, а в житницы собирает), относится к сфере еврейской деятельности. Евреи умеют и уголовным способом создавать такие «барыши от стечения обстоятельств». Известно, например, что многие деревянные города Белоруссии и Литвы, вроде Бобруйска, Полоцка и т. д., очень часто выгорают дотла: население открыто высказывает убеждение в том, что *евреи лесопромышленники нанимают поджигателей, чтобы пожарами увеличить спрос и цену на лесные материалы*. Здесь кстати заметить, что наиболее страдает от этого еврейская беднота, жалкое стадо, стригомое своими главарями и удачниками. Еврейская буржуазия жестоковейна!..

Как сказано выше, молодое поколение этой еврейской среды уже принадлежит к так называемой «интеллигенции» и, в силу своих острых расовых черт, играет там пагубную роль. Ненависть к христианству и монархической власти, в сущности, отрицание государ-

ства и семьи, увлечение денежными аферами (для себя) и социализмом (для других), непомерное тщеславие и самомнение, крайняя нетерпимость к чужим взглядам, необыкновенное умение прививать все это к «рыхлой», слабовольной и ненаходчивой интеллигенции других народов — вот повально проявляющиеся признаки еврея-интеллигента, его миросозерцания и характера.

При этом, как выше упомянуто, проявляется и плохо вяжущийся, как будто, с напряженною деловитостью и крайним эгоизмом несомненный *идеализм* — пламенная *вера в прогресс*, не знающий границ и долженствующий земными средствами дать земле райское счастье. Искренность и стихийность такого идеализма свидетельствует о его глубокой, именно расовой основе.

Ревностно служа идеям космополитизма, интеллигентные евреи, иногда сами того не сознавая, резко проявляют худшие племенные черты свои, осуществляют задачи инстинктивного племенного эгоизма во вред окружающим народам.

Впрочем, их служение космополитизму не отличается последовательностью. Во Франции и России они являются отчасти проводниками *германизма* и слугами германских политических тенденций. В России, кроме того, интеллигентные евреи выступают ярыми сторонниками всяких инородцев и их центробежных стремлений; наша еврейская и еврействующая печать сочувствует даже Финляндскому обособлению, хотя в Финляндии, по местным исключительным законам, строго выполняемым, евреям доступ совершенно прегражден. Очевидно, стало быть, что еврей-интеллигенты не столько космополиты в прямом смысле этого слова, сколько *враги сильной государственности*, готовые содействовать развитию мелких национальностей и племен, чтоб подрывать или парализовать народности крупные, преобладающие и созидательно-государственные.

Теперешнее сочувствие евреев германизму объясняется причинами особого рода, историческими и современными. Во-первых, налицо имеется психически-религиозная основа близости, заключающаяся в том, что реформация, основанная на Библии, по духу близка к Ветхому Завету, — значительно ближе, чем православие и католичество; борьба первого исповедания с двумя последними, принимающая за последнее время кое-где фанатический характер, на руку прежде всего еврейству, миросозерцание которого непримиримо враждебно именно к великим религиям, проникнутым мистическою верой и не делающим уступок рационализму, главному врагу религиозного чувства.

Допущение браков между протестантами и евреями свидетельствует наглядно о догматической близости между обоими исповеданиями; в последнее время оно почти не сдерживается и обычаем, долго основывавшимся на предубеждении против евреев, и служит все более заметной *юдаизации германской расы*, которая, под влиянием такого психофизического воздействия, утрачивает многие высокие черты свои, долго дававшие ей право на благородную гордость.

Просвещенные люди, знавшие Германию сорок лет тому назад и присматривающиеся к ней теперь, находят значительную разницу, заключающуюся, прежде всего, в упадке христианского идеализма и преобладания узко практических стремлений среди современных немцев. Это объясняется, с одной стороны, повсеместным господством материализма, с другой — реальным осуществлением германской национальной объединительной задачи, на котором подтверждается косвенно изречение **«die Ehe ist der Liebe Grab»**, т. е. **«брак — могила любви»** (практическое достижение идеала). Но несомненно, что скрещивание германской расы с еврейскою не могло также не повлиять на характер немецкой

нации. Отразилось оно и на современной немецкой печати, как это признают и сами германские патриоты, сколько-нибудь возвышенно смотрящие на мировую культурную миссию своего народа.

Близость между немцами и евреями в значительной мере объясняется также тем, что жаргон последних есть слабо измененная переделка языка первых, и они всегда могут понимать друг друга; такая близость, очевидно, достигается лишь весьма долгим историческим общением. При таких условиях евреям нетрудно быть даже искренними сторонниками германизма, тем более, что немецкая самодеятельность и практическая «зубастость» отчасти должны были вышколить евреев и положить без помощи раздражающих ограничений некоторый предел их паразитическим наклонностям.

Наконец, за последнее время в Германии сильно развился близкий еврейскому мирозерцанию *социализм* и проявило усиленную политическую деятельность *масонство*, *руководимое евреями* и служащее непосредственно их целям и задачам. Сам император германский, как известно, играет видную роль в масонстве...

Покуда, временно, такое положение вещей политически выгодно Германии, но в недалеком будущем ей, конечно, придется дорого поплатиться за помощь, оказываемую ей евреями: от родства и тесного общения с ними германская раса неминуемо утратит лучшие духовные черты свои, источник внутренней силы, на котором всегда зиждется и прочное внешнее могущество...

Если такая опасность явно грозит суровым, крепким, практичным и пропитанным национальною идеей германцам, то что же можно сказать о таком положении вещей, при котором в нашей вялой, исторически сноровленной и малонациональной интеллигенции хозяйничают евреи, неуклонно прививая ей еврейское мирозерцание?

Могло ли бы даже кому-нибудь из либеральнейших интеллигентов наших прийти в голову отдать своего ребенка на бесконтрольное воспитание еврею? Многих такой вопрос заставит пожать плечами или вознегодовать! А между тем он более чем уместен! Ведь печать воспитывает общество, приучает (иногда чисто механически) его к определенным взглядам на общественные и государственные вопросы; учреждения, точно так же, в первых, воплощают известный взгляд на эти вопросы, а во-вторых, пополняются людьми, воззрения которых придают учреждениям ту или иную окраску.

Значительная часть наших учреждений *пересажена* на нашу почву с Запада, и притом *послереволюционно*, испытавшего на себе сильное *воздействие еврейского мирозерцания*. Печать же, в значительнейшей части своей, либо находится непосредственно в руках евреев, либо, — *что еще хуже*, — служит еврейским тенденциям, распространяет еврейское мирозерцание даже тогда, когда для виду или искренно высказывает предвзятую антипатию к евреям и в мелочах придирается к ним или насмежается над ними...

Антисемитизм резкий и бездоказательный даже полезен делу «всемирного еврейского союза», когда тратится на мелочи, а не ведет борьбы с идеями: он вызывает реакцию со стороны людей гуманных и терпимых.

Все, что является у нас подрывом православной или крепкой государственности, идет на пользу еврейству. Стало быть, союзниками его являются в данную минуту и апологеты заблуждений графа Толстого, и сторонники неумеренно демократических тенденций, и ревнители пресловутой «единой школы», хотя бы они при этом и отрекивались от еврейства.

Само собою разумеется, что значительная часть нашей интеллигенции служит еврейским тенденциям *бессознательно* и против желания, а лишь потому, что

ей «сделали голову» и внушили, что порядочным людям необходимо быть «либеральными» по известной навязанной программе, тем более, когда это дает нравственный и материальный успех! Вот, они и стараются... в пользу тех, кому не сочувствуют, и... как всегда, «pour le roi de Prusse».

Умение одурачивать иноплеменников и гипнотизировать их в желанном направлении у еврейских интеллигентов прямо феноменальное.

В 1895 году мне довелось быть в Кутаисе очевидцем зверского убийства одного имеретина громадную толпою местных евреев, избивших его камнями и загнавших его в Рион, где он и потонул. На следующий день весь Кутаис, в справедливом негодовании, учинил грандиозный погром целого еврейского квартала, отличавшийся чрезвычайно типичными подробностями. Между прочим, толпа (в которой было и немало дворян) требовала «выдачи и унижения» богатого еврея Ц-и, который, ввиду общеизвестной близости своей к тогдашней администрации, получил даже прозвище «третьего губернатора».

Вся местная интеллигенция сочувствовала, если не диким сторонам погрома, то побуждениям, его вызвавшим: кутаисские евреи всем глаза намозолили как наглые эксплуататоры и притом злые, мстительные люди; отношение же названного богача к одному местному довольно крупному чиновнику носило действительно скандальный характер. Помню затем, как нелюбовь к евреям еще возросла в местном обществе, когда участники погрома были крайне сурово наказаны судом, не принявшим во внимание нравственной подкладки этого печального дела...

И вот по прошествии пяти или шести лет та же самая кутаисская интеллигенция «принципиально наскандалила» в театре, протестуя против представления

«Контрабандистов» г. Литвина²⁰, невинной пьесы, в которой далеко не во всей полноте и сущности изображены еврейские проделки. Удивительно, с какой быстротой *tempora mutantur*²¹ по воле этих узурпаторов русского общественного мнения!

А петербургский «принципиальный скандал» в Суворинском театре²² по тому же поводу! Что это такое? Где мы живем?! Почему порочных русских людей можно изображать, а евреев *нельзя*? Что-то нелиберально выходит!..

В обществе нашем, однако, не любят еврейских интеллигентов. Даже либерально мыслящие представители разных профессий, находящие, что всем евреям можно дать полные права, склонны оговариваться, что не мешало бы пускать поменьше евреев в среду адвокатов, врачей, инженеров, банковских деятелей, публицистов и т. д., смотря по тому, чем занимается говорящий об этом вопросе. Так или иначе, у евреев-интеллигентов недобрая профессиональная слава, очевидно, весьма заслуженная ими, коль скоро даже самые терпимые и передовые люди морщатся при мысли о таких собратях по профессии.

Как выше было замечено вскользь, еврей-интеллигент плох и вреден обыкновенно прежде всего потому, что он человек *без веры*; затем он, в некотором роде, торжествующий «вольнотпущенник», перешагнувший через разные ограничения и склонный мстить за них и обществу, и государству. Мне случилось однажды видеть на Кавказе, как еврей-лесничий, весьма образованный и на словах крайне передовой и гуманный, деспотически терзал бедных грузинских крестьян жесточайшими измышлениями формализма, придирками, издевательством над их обычаями и человеческой личностью. Требуя от горских детей билетов на собиранье ежевики в родных им горных дебрях, он проводил

целые дни в ловле безбилетных ребятишек, конфисковал ягоду и, когда она ему не была нужна для наливки или варенья, топтал ее ногами. Дерево для рубки по билетам он отводил обыкновенно подальше от селений, чтобы перетаскивать его приходилось по неудобным и опасным местам; по всякому делу он заставлял придти несколько раз, что в краткую рабочую пору иногда прямо невыносимо.

Дело дошло до того, что этот герой мелкого тиранства восстановил все местное население *против русско-го имени* (ведь для туземцев он «русский чиновник»!) и боялся сунуть нос куда бы то ни было без телохранителей, двух лесных объездчиков, которых он постоянно и отвлекал от их прямых обязанностей. А придет, бывало, в город — и разливается на темы о самоуправлении, административном гнете, национальной терпимости, братстве всех людей и т. п.!.. До сих пор оторопь берет, когда вспомню об этом слащавом изувере, мучившем бедных горцев, *потому что они исповедуют православную религию*, и потому что ему вообще приятно было как вчерашнему рабу или неполноправному человеку издеваться над кем бы то ни было. Конечно, он мучил только слабых и безответных, потому что, при виде сильных и властных, в этом интеллигентном космополите просыпался низкопоклонный, лебезящий маленький еврей в лапсердаке... В этом положительно был какой-то трагизм, так как жестокость являлась болезненной, стихийной потребностью этой искалеченной душонки... Сквозь отвращение, к нему нельзя было не чувствовать жалости.

Нельзя не чувствовать жалости и ко всему еврейству (исключая, конечно, евреев слишком торжествующих и нагло наступательных); нельзя не сознавать, что еврейский вопрос настоятельно требует справедливого и вместе целесообразного решения, которое бы не уни-

зило нравственного достоинства европейских народов и особенно нашего, а наряду с этим не подвергло бы опасности наших государственных и общественных устоев. Ясно также, по крайней мере, всякому образованному человеку, знающему историю, что перед нами такой Гордиев узел²³, которого сразу никак нельзя разрубить, а который надо *медленно и умело развязывать*.

Вопрос прежде всего, стало быть, *о системе и направлении* трудной, вдумчивой работы, степень успешности которой может служить мерилom духовных сил и пробным камнем для характера современных европейских народов.

СИОНИЗМ

Выше, в статье «Роковой вопрос», было отмечено, что одною из главных, коренных расовых черт еврейства является, так сказать, органическая ненависть этого народа ко всякой национальной идее. Речь идет, разумеется, прежде всего и главнейшим образом, *о чужой для евреев* национальной идее, напр., русской или французской, как это наглядно видно из целого ряда событий последнего времени.

По отношению же к своей собственной национальной идее еврейское миросозерцание подлежит особому анализу. Евреи исторически показали свою неспособность к национальному развитию в полном и *точном* смысле этого термина, т. е. к развитию, обусловливаемому сколько-нибудь устойчивою и творческою государственностью. Так было в течение многих веков, так оно осталось и до сего времени, и, вероятно, останется навеки. Еврейский характер органически противится тем цементирующим началам, без которых государственность немислима. Но, наряду с этим, нельзя не признать, что евреи искони, в особенности же со времен гонений и скитания по свету, отличались и отличаются беспримерно сильным развитием национальной идеи совершенно иного сорта, — в смысле религиозно-племенном, конспираторском, подпольно-государственном, — там,

где она получает широкое применение, где имеются данные для ее развития.

Строго говоря, понятие национальности тут мало применимо и употребляется в печати и разговорном языке лишь потому, что наша общепринятая терминология весьма неточна.

Если говорить языком понятий, напоминающих историческое прошлое еврейства, то необходимо признать, что лишенный территории еврейский народ управляется доселе теоретической организацией, хотя отдельные главари и органы ее «секуляризованы» (то есть отрешились от религиозных основ) до чрезвычайности.

Происходит это не только при помощи исторически выработавшихся учреждений, но и на почве природных способностей и склонностей. Забросьте в какую-нибудь пестроплеменную страну несколько десятков или сотен евреев, выходцев из разных частей света и представителей разных жаргонов; они мигом познакомятся, стакнутся между собою и составят еврейскую организацию; эта черта, конечно, проявится резче и результат будет полнее, если возникнет вопрос о конкуренции и борьбе с представителями других племен. Возьмите также любое учреждение, самое безразличное с национальной точки зрения и терпимое по отношению к евреям, например, банк или акционерную компанию; если туда проникнут несколько евреев, они совершенно естественно, почти без уговору, составят особую камарилью под главенством какого-нибудь Ротшурка или Вольгеруха.

Солидарность такого рода, очевидно, не доросла до понятий национальной идеи, так как она, в противоположность этой последней, нравственно безразлична, а в значительном большинстве случаев и противонравственна, разрастаясь на основе тайных соглашений, т. е.

в обход законов, правил и открыто вырабатываемых постановлений.

За последнее время, однако, много говорят, без должной вдумчивости, о «возрождении» еврейской национальной идеи. Поводом к таким разговорам служит весьма характерное по внешним признакам и далеко не выясненное явление, известное под именем *сионизма*. На нем необходимо остановиться повнимательнее.

Что такое сионизм? Со слов представителей этого течения, с большим легкомыслием принимаемых многими на веру, это — стремление к Сиону, к возрождению еврейского царства в Палестине. Первоначально, несколько лет тому назад, идея сионизма проникла в Россию (и была встречена благосклонно административными сферами) в более скромной форме: говорилось об эмиграции русских евреев в Палестину, долженствовавшей, будто бы, умерить остроту еврейского вопроса в нашем государстве. Разговоров было много, а дела в желанном направлении почти никакого. Для еврейского же вопроса в России результат получился лишь отрицательный: *обострение*. Тогда сионисты громче заговорили — и теперь говорят — о «еврейском царстве». Людям, заведомо не понимающим ни истории, ни социологии, указывают при этом на жалкую кучку евреев-колонистов, приступивших уже к осуществлению задачи сионизма на практике, «хотя и в скромных размерах». Ведь и океан, мол, составляется из капель.

Слушателям, менее доверчивым, или требующим большей правдоподобности объяснений, говорят, что непосредственно, ближайшею задачей сионизма является возрождение «Сиона духовного», т. е. подъем еврейской солидарности и обострение племенного сепаратизма, хотя и не опирающегося на определенную территорию. А делается это, будто бы, с целью создать,

в конце концов, еврейское государство в земле обетованной. Видя и тут проблески недоверия на лице слушателя, заинтересованные толкователи сионизма еще золотят эту пиллюлю, добавляя, что, «разумеется, реальное осуществление этой великой задачи возможно лишь в самом отдаленном будущем»...

Подумаешь, какие идеалисты! Сейчас собирают сорокакопеечные «шекели» с еврейской бедноты всего мира, устраивают съезды, пререкаются и тратят дорогое деловитому еврею время, чтобы когда-нибудь, *в отдаленном будущем*, создать свое царство в Палестине, где и десятая часть расплодившегося ныне еврейства не могла бы уместиться и совершенно не нашла бы применения своим специальным способностям и привычкам! Какого же воробья хотят провести на этой мякине? Очевидно, либо вовсе безголового, либо такого, который, в силу своекорыстных побуждений «vult decipi!».

Приводятся и более простые соображения: евреи, мол, слишком много посвящают труда, способностей и сил служению другим народностям; пора подумать и о собственных племенных интересах...

Покорно благодарю за такое «служение», выражающееся, главным образом, в гешефтмахерском окрашивании всяких профессиональных поприщ и в систематическом подкапывании политических устоев тех стран, которые облагодетельствованы подобным служением.

Если бы представители этого последнего стали давать преимущественно своим единоверцам то, что они теперь дают христианам, то можно бы сказать за это преевеликое спасибо. Но ведь это опять иллюзия: не покинут добровольно еврейские финансисты наших финансовых сфер, где они являются тайными пружинами; не избавится ни русская, ни иностранная печать от еврейской

нетерпимой «прогрессивности» и ложного либерализма; не покинут пресловутые сионисты и адвокатского поприща, нравственный уровень которого столь удачно понижен при их благосклонном участии!

Вообще, ни один сосущий не отвалится от привычных ему сосцов, а наоборот, лишь возрастет его энергия, обостренная еврейскою солидарностью и нетерпимостью. Решительнее лишь перешагнет такой деятель через нравственные преграды, которые теперь кое-где, под влиянием элементарных требований чужой культуры, заставляют его иногда умерять аппетит и резкость приемов. Стало быть, сионизм, разобранною выше стороною своего толкования, *призывает к отказу от излишних церемонностей*, к развитию *еврейского нищезанятия*? Если так, то и тут необходимо «кланяться и благодарить»!

Крайний предел откровенности, до которого доходят ревнители этого знаменательного движения, заключается в признании, что сионизм стремится к поддержанию и усилению еврейского обособления. Проектируется, мол, создание «еврейской науки» и «национальных» храмов ее, т. е. средних и высших учебных заведений. При этом не говорится, будут ли необъятные отрасли общеизвестных наук переведены на жаргоны племен «ашкеназим» и «сефардим», или на древне-еврейский язык, целым миллионом евреев неведомый и к современной научной терминологии совершенно не приспособленный. Откровенность, стало быть, и тут, по меньшей мере, неполная!..

Несколько дополняется она сетованием сионистов на то, что евреи, мол, уж очень легко ассимилируются с другими народами и утрачивают свое «национальное» (то есть религиозно-племенное) самосознание, вследствие чего еврейство, как определенная культурная группа, находится в опасности. При этом указываются

единичные примеры перехода в христианство и вытекающих отсюда последствий.

Но правдиво ли приведенное соображение? Заметна ли за последнее время усиленная внутренняя, *духовная* ассимиляция евреев с арийскими народами? Виден ли успех арийских и христианских идей в еврейской среде оттого, что лапсердак сменился фракком, пейсы отрезаны, а бородки острижены по моде? Нет, *тысячу раз нет*. Наоборот, с конца XVIII века, со времени французской революции, в которой коренное значение имели масонско-еврейские тайные пружины, европейская государственно-общественная жизнь дает ряд чрезвычайно ярких проявлений еврейской идеи, еврейской интриги, еврейского *владычества* над арийскими народами! Еврейство показало себя лишь как ядовитый, *сильно окрашивающий* элемент, по внешности растворимый, а по существу *растворяющий, разлагающий* всякую социальную структуру...

Христианство подвергается преследованию, кощунственному издевательствам и поруганию; монархическая власть ограничивается или упраздняется; в сменивших ее парламентарных народоправствах образуются партийные стачки социалистов, анархистов, масонов и иных разрушителей крепкой национальной государственности; во всемирной печати газета, особенно еврейская, вытесняет книгу и журнал, — то есть широкое распространение пониженной, демократизированной мысли берет верх над развитием ее вглубь и ввысь. **Вера в иной мир и приверженность к соответственному критерию нравственности** сменяются циничным материализмом в стиле Гейне, находившего, что живая собака лучше мертвого льва. Падают и сглаживаются исторически выросшие естественные перегородки между классами, сословиями и даже государствами; объединяющие нравственные начала каких

бы то ни было человеческих групп, включая главную ячейку общественности — семью, нагло отрицаются и в печати, и на сцене (под некоторым соусом иногда даже на казенной русской сцене), и в жизни.

Еврейская программа выполняется с поразительной успешностью, принимая за самое последнее время крупные, рельефные *политические* формы. Великий, могучий, богато одаренный французский народ, из-за *одного* проходимца, изменника Дрейфуса, претерпевает несколько лет невероятных по размерам усобиц, находящихся феноменально громкий и знаменательный отголосок в целой Европе; это движение растет и доходит до перехода государственной власти в руки масонско-еврейской камарильи, открыто преследующей христианство во Франции, дезорганизующей национальную армию и дипломатию. В Германии видную роль среди масонов, творящих волю еврейства, занимает глава государства; национальная идея там крепка... до поры до времени, так как еврейская чужеродная задача покуда во многом совпадает с задачей германского национализма. Беспочвенная русская интеллигенция пробавляется в теории и в несуразной практике формулами, полученными прямо или косвенно опять-таки из еврейского источника; некоторые слои ее дошли до того, что рукоплещут критике родного православия, принимающей характер издевательства над верою отцов наших, — издевательства в стиле Гейне, Макса Нордау и прочих дрейфусов арийской культурной мысли!..

Каких еще нужно примеров? Куда еще арийским заспанным очам обратить взоры, чтобы увидеть проявления семитического умственного господства и гнета? Не проще ли сказать, что *почти не осталось «живого места»*, почти нет сферы, свободной от таких проявлений?!

Ассимиляция произошла и происходит, но не та, на которую ссылаются адвокаты сионизма, а как раз обратная: струи еврейских идей замутили, отравили арийское мирозерцание; пригнетен и обессилен дух великих европейских наций, — и им, а не евреям, следует обратиться к соплеменникам с воплем тревоги и негодования: «Не угашайте духа!..»

Нет, не тревога за судьбы еврейской обособленности и преобладания могла вызвать сионизм! Тут есть иная психическая причина. Евреи, хотя и сильно вышколены суровой историей, развившей в них скрытность и сдержанность, остаются все-таки восточным по темпераменту народом, с характерною рабскою чертой: они легче выносят угнетение, нежели победу и успех, — и в последнем случае им изменяют задерживающие центры. Попросту говоря, они склонны зазнаваться, когда чувствуют свою силу; зазнавшись, они показывают карты.

Какие же карты показывает сионизм и, в частности, резкий и шумный подъем сионизма в нашем государстве?

Хотя в русской общественности мы и видим, в более слабом, конечно, растворе те же противосоциальные яды, которые привели на край гибели национальный организм Франции; хотя характер минского конгресса сионистов и далеко не выясненные ежедневною печатью предметы занятий его подают повод предполагать, что русский сионизм готовит нам (надеюсь, безуспешно!) судьбу Франции, — но на таком предположении я дольше останавливаться на стану, чтобы не выходить за пределы точно установленных фактов и их доказательного толкования.

Во-первых, следует отметить, что еврейские «националисты», по крайней мере, судя по указанному конгрессу, занимают в России *привилегированное* поло-

жение. В самом деле: какой другой народности, не исключая коренной русской, было бы возможно созвать в любом городе собор, с нагло выставляемой *политической*, узко-расовой программой и с организацией совершенно парламентарного типа; собирать громадные суммы денег, не без некоторого психического давления, со всех слоев данного племени, и без достаточно правдоподобного ответа на вопрос, как будут употреблены эти деньги; выдавать никаким законом не установленные марки с символическими знаками; наконец, оставлять для гласности лишь такие результаты конгресса, которыми истинное его значение и назначение выясняется до смешного слабо?

Если б это попробовали проделать какие-нибудь инородцы, обладающие территорией и историей, то они были бы обвинены в инсуррекционных приготовлениях, а русские люди — в переодетых конституционных тенденциях.

Еврейские «патриоты» ни под одно из этих определений не подошли, — потому ли, что они уже слишком сильны или еще слишком слабы? Предпочитаю остановиться на последнем предположении, невзирая на то, что русское государственное здоровье несомненно и наглядно находится в серьезной зависимости от того или иного решения еврейского вопроса.

Эксперимент, подобный указанному конгрессу сионистов, пока еще не может у нас иметь такого фатального значения, как, например, во Франции, так как наши жизненные устои, слава Богу, еще крепки. *А для пробуждения национального самосознания в русских образованных классах этот эксперимент чрезвычайно полезен*, и ревнители русской государственной силы должны радоваться тому, что он «имел место», как теперь принято выражаться в гимназиях и газетах.

В глазах людей, не склонных к тенденциозной слепоте, этот конгресс — превосходный *реактив*. Все, там происходившее (даже если взять только то, что неопровержимо установлено), проливает яркий свет на сущность политики «всемирного еврейского союза». Оно подает, вследствие этого, и повод русским людям исследовать добросовестно, а затем и решительно отвергнуть многие пункты распространяемой евреями мнимой либеральной формулы, угнетающей мозги русской интеллигенции.

Возьмем любого еврея со значком высшего образования в петлице фрака или пиджака. Что он говорит нам, какие тезисы отстаивает устно, печатно и в официальных бумагах? «Все люди — братья», «национализм — устарелое, дикое, противокультурное понятие», «излишняя приверженность к религии — признак недомыслия» и т. д. и т. д.

И вдруг тот же самый господин, захлебываясь от фанатического увлечения, поднимает знамя еврейского «национализма», обособленности, нетерпимости! Не ясно ли, что предыдущие «сладкие слова» были кукольной комедией или лубочным обманом? Положим, при мало-мальски внимательном отношении к жизненной правде, этот обман можно было бы увидеть и без помощи конгресса, на котором... так «ослабели задерживающие центры», но теперь-то, *после этого конгресса*, самый недобросовестный наблюдатель, самый увертливый адвокат дурных тенденций еврейства не вправе притворяться, будто он не видит обмана и кукольной комедии.

Гуманность, прогресс, сверхнациональные идеи — это в их устах слова, которыми нас морочат, чтобы ослабить, унижить, обезличить нас. Еврейская нетерпимость, масонско-еврейская организация — это *факты*, реальные факты, грозящие нам гибелью, если мы окончательно по-

глупее. Не пора ли остановиться нашему «образованному» обществу на пути оглубления и отличить черное от белого? Не пора ли сказать этим грубо замаскированным людям: «Вы лжете!..»

Подобно тому, как босяческая откровенность г. Максима Горького выдала истинную сущность тенденций того лагеря, которым он произведен в гении, — откровенность г.г. минских сионистов поставила штемпель браковщика на космополитический гуманизм русских «просвещенных» евреев и их прислужников. Недаром наиболее хитрые из этих последних забили тревогу, по поводу некоторых признаний сионистских ораторов, — и фальцетом запели затасканные мотивы еврейско-масонского «гуманизма».

Этих мотивов уже всерьез принимать нельзя, да и пискливые голоса поющих заглушены истеричным гвалтом конгресса! *E sempre bene!*².

Большое спасибо г.г. сионистам, приподнявшим завесу хотя бы над частью тех стремлений, которыми руководятся вожаки злополучного еврейского народа, во вред прежде всего ему самому и, разумеется, в немалый вред нашему государственному спокойствию. Еще большее спасибо тем немногим людям, откровенность которых идет значительно дальше и, по-видимому, проникнута горячим желанием, чтобы еврейская народная масса *культурно* развивалась и мирно уживалась в великой России, принося свою долю пользы в общую сокровищницу государственной жизни.

С этой точки зрения чрезвычайно ценно помещенное в «Виленском Вестнике» письмо могилевского общественного раввина, г. Якрина, под заглавием: «*Моя отповедь современной еврейско-русской печати*». Это письмо поражает лиризмом и прямою основных взглядов автора, местами принимающих, впрочем, неприятно резкие формы. Всякому, кто интересуется

еврейским вопросом, прямо необходимо прочесть это письмо, богатое смелыми разоблачениями и при этом дышащее любовью к еврейскому народу. Автор прямо говорит, что в качестве «представителей» еврейских интересов и тенденций фигурируют нередко воры и мошенники, обкрадывающее и казну, посредством стачек на торгах, и своих соотечественников — всякими способами. Это обвинение он взводит далеко не на единичных дельцов, а на довольно значительные по численности группы еврейского населения; он говорит, например, что евреи напрасно сетуют на русское общество за недоверчивое отношение к ним, и особенно к еврейской молодежи. Г. Яркин задает своим землякам прямые вопросы:

«Как должен русский человек относиться к еврейской образованной молодежи, когда он вдруг узнает, что представители этой молодежи одевают призреваемых на общественные деньги сирот не в русскую одежду, а в красные турецкие фески: сознавайте, мол, что вы не русские, а будущие граждане земли Палестинской, будущие верноподданные его величества султана турецкого! Милые эти представители наши и этим не ограничиваются, а нарочно разговаривают с сиротами не по-русски, а на жаргоне, *заставляя их петь гимны, ничего общего с русским народом не имеющие*; мало того, поощряют разных заезжих пройдох-проповедников открыто в синагогах и школах при огромном стечении публики всех возрастов *произносить хулу на священные и дорогие нам имена*; предлагают подобным «проповедникам» для их проповедей и свои квартиры, куда приглашают своих знакомых и незнакомых «на чашку чаю». И все это опять-таки проделывают *люди с русскими дипломами*, при благосклонном молчании и даже личном присутствии молодых «образованных», утвержденных

правительством, раввинов!...» Далее откровенный раввин говорит:

«Мы, евреи, не перестанем роптать, что нас сдавили в черте оседлости; но задаем ли мы себе при этом вопрос, как же нас пустить к великорусскому человеку, когда мы у себя, в черте, оказываемся такими специалистами по части развращения местного мелкого и крупного чиновничества, как это выяснилось в знаменитом деле покойного Авринского³ и многих других, пока еще не всплывших на свет Божий; когда мы в нашей черте умеем иногда русских общественных деятелей даже с солидным образованием, недюжинными способностями и честными принципами в короткое время превращать во взяточников, готовых за деньги не только продавать общественные интересы, но даже прямо, открыто, без малейшего (даже хотя бы для виду) стеснения, поддерживать и этих же наших «представителей».

Вожаков сионизма, орудующих в России, г. Якрин считает непрошенными защитниками и *самозванными представителями еврейской массы*, насильно, словом и делом отторгающими ее от всего русского и ведущими ее безусловно к неминуемой гибели. Способы добывания ими денег на цели агитации носят скверный, подпольный характер; настроение этих господ гармонирует со всем остальным.

«Вправе ли мы, евреи, требовать, — говорит г. Якрин, — чтобы нам широко открыли двери в средние и высшие учебные заведения, когда именующие себя «представителями» нашими из молодежи, в благодарность за образование, полученное ими в *русских* учебных заведениях, открыто проповедуют еврейской массе в школах и синагогах обособление от всего русского. «Пушкин не наш, какое нам дело до разных пушкиных», — орет во все горло на жаргоне один из

наших «представителей», с дипломом русского высшего учебного заведения».

Г. Якрин, словно испугавшись целого ряда характерных фактов и неизбежных выводов, спешит оградить массу своих соплеменников от огульно-отрицательного к ним отношения:

«Решившись открыто пред лицом русского общества и всего еврейства выставить подпольную деятельность его нынешних вожаков, я снова, чуть ли не в сотый раз, оговариваюсь, что еврейская масса тут решительно ни при чем, что именно в интересах этой забитой, терроризируемой массы, покорно, как овца, склоняющей голову пред каким-нибудь десятком негодяев из своей среды, безусловно, необходимо наконец сорвать маски, под которыми эти угнетатели своего народа лицемерно скрываются, указать настоящее место раввинам, «позорящим своими преступлениями еврейский народ», как определенно выразился покойный государственный деятель Корнилов⁴ в письме своем по поводу деятельности отстраненного от должности бывшего молдавского раввина Кагана, над которым в настоящее время производится следствие судебным следователем по особо важным делам.

Когда печальной памяти лапсердачный кагал отошел в вечность, когда правительство лишило возможности разных проходимцев «ловить» еврейских несчастных бедняков и сирот и сдавать их в рекруты за богатых, разжиревших ростовщиков, — масса вздохнула свободно и воссылала к нему горячие благословения бессмертному Освободителю.

Но ведь *то, что было при лапсердачном кагале, еще в большей мере совершается среди нас теперь...* И что возмутительнее всего, это то, что большинство этих преступных лицемеров, ни во что не верующих и сдирающих с бедняка последнюю рубаху, прикрывается

большую частью маскою благотворительности, санкционируемой государственными законами, заботами о домах Божиих, которые они в своем кругу цинично осмеивают, куда они, если и заходят, то исключительно для того, чтобы забрать у бедняка потом добытый им последний грош его, или читать ему пасквиль или донос, легко проведенный ими чрез «своих» в печать, или *под видом национализма проповедовать ненависть и злобу ко всему русскому народу.*

Как мои беспощадные обличения, так равно с каждым днем все более и более раскрывающаяся деятельность бывшего раввина Кагана и могилевского *фрачного кагала*, органом которого этот «раввин» служил, привели в ужас местных сионистов, почувствовавших, что почва под их ногами окончательно рушится; как последнее средство, вожаки их взялись, помимо обычных ложных доносов, как в печати, так и моему учебному начальству, *терроризировать всех и все, что им стоит на пути к сокрытию истины.*

Вот голые факты, точность которых, в случае надобности, будет подтверждена присягой.

Далее автор указывает на целый ряд омерзительных проявлений кагального террора и «бойкота», обещающая сказать еще больше на предстоящем ему судебном разбирательстве.

Может быть, почтенный раввин что-нибудь и преувеличивает в порыве личного раздражения. Может быть, единичные «представители» еврейства менее виновны во всем, что он им приписывает. Но вряд ли можно сомневаться в подлинности тех *общих болезненных явлений* в еврейской среде, на которые он указывает: они бросаются в глаза всякому, кто присматривается к еврейской жизни самостоятельно, не заимствуя тенденциозных очков у разных наемных или слабодушных исполнителей масонско-еврейской программы.

Что же такое сионизм, открыто стремящийся усилить еврейское обособление? Кагальная сплоченность была всегда налицо и в усилении отнюдь не нуждается, а к религии своей простые евреи всегда относились и относятся добросовестнее, чем «цивилизованные». Им недоставало, с точки зрения вожаков, только *бодрости*, или, попросту, наглости в кагальных предприятиях. Сионизм прежде всего склонен *непосредственно, самым существованием и тоном своим*, развить и усилить эту черту. Одобрить этого нельзя. Не мешает заметить, что волнения в еврейской среде, вроде виленских событий⁵, возросли одновременно с ростом сионизма. Может быть, это вопрос еврейских нервов, но можно предположить, что это — результат сионистской деятельности, явной и тайной, проведение зажигательных токов к массам взрывчатых веществ, фанатизирование толпы, *переход от медленной осады к частным эпизодам приступа*.

Собирание «шекелей» и успешность этого своеобразного налога, законом не установленного, имеет не только экономическое, но и нравственно-политическое значение: привлекаются к выполнению неведомой, но несомненно крупной и нелегальной задачи те слои еврейского народа, которые доселе скромно добывали себе хлеб насущный, сравнительно мало занимаясь активной политикой.

Вряд ли дальнейшее развитие такого беспорядка вещей терпимо в благоустроенном государстве. Если это не имеет рокового значения, то во всяком случае, может создать нежелательные ни для России, ни для самой еврейской массы осложнения, которые примут угрожающий характер, когда мы станем пожинать во всей их полноте решительные и не поддающиеся уже маскированию плоды финансовых авантюр, довольно наглядно вдохновляемых еврейскими политиками и цинично прославляемых наемною печатью!..

На глазах у пробуждающихся русских людей растет многоголовый, собирательный Дрейфус, находя себе иногда крупные воплощения в таких сферах, где и духу его не должно быть! Растет и забирает силу. В печати часто происходит какая-то вакханалия неискренних похвал тому, что заслуживало бы здоровой критики; ярые обличители темных явлений зачастую смолкают, получив подачку; жизненные струи, материальные и духовные, местами иссякают, — и на мелеющих, заболачиваемых пространствах некогда здоровой жизни множатся гады...

Почти незамеченной прошла, ничтожная с виду, подробность сионистской организации, а именно: *марки*, распространяемые этим «палестинским правительством». На этих марках изображены *пересекающиеся треугольники*. Это символизм откровенно масонский. Во Франции это знает каждый ребенок, а в России пора это знать, по крайней мере, образованным взрослым людям. Символизм — вещь весьма серьезная. Он играет огромную объединяющую роль, облегчая память и взаимное понимание для членов всевозможных сообществ, особенно тайных или преследующих тайные цели; в некоторых случаях символическими знаками могут заменяться шифрованные депеши.

Но у символизма есть и оборотная сторона медали, особенно, когда он служит тайным задачам: иногда достаточно найти «ключ» от шифра, т. е. понять истинное значение тех или иных знаков, чтобы сразу выяснилась целая картина скрываемых фактов.

У всякой стройной организации сам собою нарастает характерный символизм не только в знаках, но и в оборотах речи. Например, люди, принадлежащее к еврейско-масонской камарилье, употребляют иногда совершенно невольно выражения традиционные, по которым их весьма легко обличить людям, знающим дело.

Во Франции изрядно разработана литература о масонстве, и при помощи некоторого знакомства с нею мне удавалось иногда сразу определять не только истинное направление, но и самый источник «вдохновения» кое-каких органов печати.

Необходимо русским людям познакомиться с сущностью масонства, особенно современного, сильно видоизменившегося и разросшегося за истекшее столетие. У нас в России оно создает уже гораздо больше ненормальных явлений, чем может показаться на первый взгляд. Многие явления были бы прямо необъяснимы без понимания масонской организации и программы; в частности, самое упорство некоторых, заведомо нелепых, воззрений нашей интеллигенции объясняется систематичностью их распространения и поддержания в человеческих головах, умело «сделанных» и лишенных способности самостоятельно мыслить.

Масонство, и именно *современное масонство*, с явными очагами во Франции, Германии, Италии и Швейцарии и *тайными в других странах*, должно быть *специально* исследовано как правительственными органами, так и людьми, способными к научному выяснению сложных вопросов.

Для поверхностного же ознакомления с политикой, символизмом и еврейской основой масонства достаточно прочесть хотя бы следующие книги: «La Franc-maçonnerie en France», par Georges Goyau⁶, «L'idée de patrie et l'humanitarisme» того же автора, брошюру «Pouvoir occulte», par Copin-Albancelli⁷. Наконец, справочную книгу «Le tout-Paris maçonnique»⁸. В указанной выше (см. статью «Роковой вопрос») книге г. Мориса Мюрэ «L'esprit juif» можно найти экстракт еврейских тенденций и наглядно убедиться в еврейском же характере масонской программы. Конечно, важнее всего для читателя составить себе самостоятельный взгляд на

масонство непосредственно на основании документов этого последнего: целый ряд масонских изданий указан в перечисленных выше нескольких книгах.

Россия, в некоторых отношениях, отстала от Запада и необходимо должна пользоваться его дарами в разных областях чистого и прикладного знания; не менее необходимо ей поближе знакомиться с *серьезною критикою социальных ошибок и нестроений Запада* для того, чтобы Россия не стала свалочным местом для западных отбросов и разлагающих ферментов, которые теперь слишком охотно без критики приемлются значительною частью нашей интеллигенции, а «босьяками» всех категорий воспринимаются как непреложная истина.

Но возвратимся к съезду сионистов: хорошо, что он состоялся и многое невольно выяснил; но повторяться ему и вообще развиваться этому движению вряд ли следует. Не говоря о том, что евреям не за что позволять соваться «в чужой монастырь со своим уставом», — истинные, т. е. законные и благородно-человечные интересы самого еврейства тем больше пострадают, в конце концов, чем резче и нелегальнее проявится их «зоологическое» обособление; тем дальше отодвинется и разумное, спокойно-гуманное разрешение еврейского вопроса.

В этом вопросе нужна правда и *не сентиментальная, а здравая русская гуманность*, вытекающая из нашего национального самосознания. Вредят делу и те, кто силится «утаить шило в мешке», утверждая, что «еврейский вопрос измышлен русскими профессиональными патриотами», и те, кто втайне ожидает момента, когда раздастся клич «бей жидов». Оба настроения одинаково скверны, ибо первое сопряжено с торговлею русскими интересами и святынями нашего духовного мира, а второе сопряжено с унижением этих

последних и с низведением патриотизма на уровень «зоологических» чувствований.

Между этими скверными крайностями есть разумная жизненная середина, которую нужно выяснить и установить, не смущаясь перед террором еврейско-масонской партии, столь сильной у нас и в печати, и в некоторых служилых и общественных сферах. Пусть клеветники кричат, что им угодно: достаточно, чтобы совесть спокойного исследователя говорила ему, что он объективно правдив, да и в сердце своем прав, коль скоро борьба с дурными сторонами еврейства и анализ данного вопроса не вытекают из слепой расовой ненависти к этому загадочному народу и не носят бездушно-спортивного характера.

Дай Бог евреям жить и ужиться в России, нравственно возвыситься, чтобы поменьше причинять страданий себе и другим; дай Бог, чтобы именно в России, среди великого, мессианского по духу народа, постепенно исчезло предубеждение против еврейства, но чтобы оно исчезло не искусственно, а *естественно*, вследствие исчезновения или хоть сильного смягчения оснований к такому, вполне законному теперь чувству. Для этого евреям несомненно нужно *самосознание*, но только *не такое*, каким ныне отравляют и гипнотизируют их самозванные вожди-гешефтмахеры. Истинные, не своекорыстные патриоты еврейской расы должны с особенною энергией *продолжать дело пророков*, стремиться к необходимой еврейству религиозной реформе, к освобождению от «книжничества и фарисейства», от пороков и злых настроений, бросающих тень на целую расу. Только параллельно с *таким* духовным подъемом еврейского самосознания возможно будет и ревнителям возвышенно понимаемой русской национальной идеи добросовестно радеть об улучшении легального положения евреев в государстве и о смягчении взгляда на них.

Недобросовестное же радение в итоге не убедительно и, если вводить в заблуждение близоруких слушателей, то не надолго: за ним следует реакция, проявления и результаты которой еврейству невыгодны. Ведь если евреи, посредством ряда революций и общественного разложения, воцарились во Франции, то это нисколько не гарантирует их от Варфоломеевской ночи⁹, быть может, в очень близком будущем. Лучше не доводить до такой гадости... Лучше идти путем нравственной эволюции, делая *реальные* успехи в области нравственно-бытовой, не соблазняясь шумихою мнимо гуманных фраз, поддерживающих истерию в нервном еврействе и временно дурачащих другие народы...

Подробнее коснусь этого вопроса в следующей главе.

ИСХОД

Гг. сионисты делают вид, что озабочены вторичным «исходом» еврейской расы в землю Ханаанскую, а в сущности все их махинации направлены к тому, чтобы еврейское население нанесло как можно больше вреда своим соседям, которые приравняются к египтянам, вавилонянам и иным властителям, тщетно искавшим радикального решения еврейского вопроса еще в глубокой древности.

Так как еврейского «исхода» европейские государства (и, в частности, Россия), вероятно, никогда не дождутся, то и самое слово «исход» необходимо понимать в более общем и широком смысле.

Вряд ли можно сомневаться в необычайной трудности найти исход из того положения, которое евреи создали себе и другим. Сам великий Шекспир, в сущности, не разрешает вопроса, а только ставит его в «Венецианском купце»¹. И как мастерски, с каким беспристрастием! Душа еврея-ростовщика обнажена до глубочайших тайников, до тончайших извилин.

Да, Шейлок — ростовщик, хищник не только по натуре, но и по традиции, по принципу жестокий человек. Он притом человек правового порядка, буквально того самого правового порядка, которого у нас в России требуют буржуазно-либеральные журналы, состоящие в подчинении у еврейских тенденций или

денег. Шейлок, несомненно, *антипатичен*, это его характерная, естественная черта. В первом действии антипатия к нему зрителя или читателя вполне понятна и не нуждается в комментариях; но по мере того, как ее проявляют христиане, действующие в той же пьесе, — и они оказываются довольно дрянными людьми, причем эта дрянность расцветает не только в зависимости от сношений с Шейлоком, но и сама по себе. Один из этих героев увозит дочь еврея вместе с его шкатулкой, без которой, вероятно, и возлюбленная была бы ему не столь мила, а то и вовсе не нужна. Падкость на семитические деньги составляет довольно характерную черту благородных арийцев; если бы ее не было, то и вопрос о евреях утратил бы свое роковое значение. Другие героини-христиане желают овладеть рукой и сердцем прекрасной Порции, у которой имеется, вдобавок, изрядная порция приданого. Даже тот, кто разгадывает условную загадку, заданную красавицей, остается под сомнением: может быть, он, попросту, догадливее или хитрее своих конкурентов...

Наиболее положительные христианские характеры, участвующие в этой междуплеменной трагедии, — сама Порция и добродетельный Антонио, преследуемый Шейлоком. Но что же делают эти прекрасные люди? Порция переодевается «легистом»² и не только вырывает из рук Шейлока его добычу посредством чисто адвокатской изворотливости, но и самого заимодавца превращает в жертву должника. Ведь если судить добросовестно, то Шейлока на этом судьбище прямо «объегорили»; коль скоро закон позволял вводить в ростовщические договоры такие человекоубийственные пункты, как шейлоковский, то нечего было «ломать комедию» и опираться на правовой порядок, чтобы отнять у ростовщика то, что он по закону считал своим. Проще было бы, во-первых, запретить самое

возникновение подобных пунктов, а во-вторых, положить предел бесчеловечности еврея откровенно административным способом.

Итак, христиане Шейлоку денег не отдали, дочь и шкатулку у него украли, не дозволили ему отомстить должнику и, в заключение, выдали его с головою этому последнему. Что же делает Антонио? О, он проявляет несомненное великодушие, он требует от Шейлока сущих пустяков: *перемены религии*. В заключение, этот нелицеприятный суд еще спрашивает Шейлока: доволен ли он?! Разумеется, он доволен, так доволен, что всем землякам своим завещает вечную любовь и благодарность к христианам... В зрителях, под впечатлением заключительной сцены последнего действия, неизбежно преобладает *жалость* к Шейлоку, как к затравленному человеку...

Конечно, первопричиною всех этих зол является, однако, острая, нестерпимая для соседей жестоковывность еврея и его культ золотого тельца, воспринимаемый окружающею средой и понижающий ее духовный уровень.

Сознавал ли Шекспир, что и характеры христиан в этой пьесе невысоки, или пьеса вылилась у него полубессознательно как плод творчества, в котором у вдохновения неодолимый перевес над рассудочным анализом?

Строго говоря, это все равно. Его произведение доселе является вернейшею «экспозицией» еврейского вопроса.

Разница между тогдашним и нынешним временем лишь в формах, а не в существе дела. Для того, чтобы вместо трагедии наступило «благоденственное и мирное житие», необходимо, прежде всего, устранить *первопричину*, т. е. необходимо собирательному Шейлоку стать менее корыстным и жестоким, да и христианам менее доступными «звону злата»...

Шейлок требовал точного исполнения закона, требовал равноправности с христианами; если б это ему было дано, то Антонио непременно бы погиб под его ножом; да наверное и не один Антонио! Точно так же и теперь: если бы дать евреям ту полноправность, которой они домогаются всякими способами, то соседние с ними народы узнали бы своими боками, что такое собирательный Шейлок! Ведь *Шейлок не стал бы добрее, вследствие возможности беспрепятственно делать зло*. Дурные инстинкты, особенно расовые и обостренные многовековой историей, *сразу не исчезают*: для их смягчения (не говоря уже об искоренении!) необходимы *продолжительные воспитательные воздействия*, причем и воспитание-то не всесильно; оно может лишь до известного предела изменить духовную сущность воспитываемого.

Это — строго-научная истина, от которой нельзя уйти ни противникам, ни защитникам и апологетам еврейской расы. К удивлению, исповедание этой истины появилось на столбцах газеты «Новости» довольно открыто служащей еврейским интересам, отстаивающей выгодную им идею правового порядка и т. д. В статье «Прокисшие дрожжи» (Прощание с народничеством) г. фельетонист «Новостей» называет русское «народничество» *мертвым направлением*, а причисляемых им к представителям этого направления гг. Сигму³, Гофштеттера⁴ и др. — «странным типом публициста», народившеюся в период 80-х годов «помесью балаганного деда с кликушей» и, наконец, «*трупными червями*». Народничеству-де у нас не на чем основываться, так как русский народ всегда «являлся *тестообразной славянской расой*, из которой внешние условия могут лепить все, что угодно, *кроме граждан*, потому что граждан не налепишь: они сами делаются из материала более благородного, чем тесто».

Насколько справедлив такой взгляд автора на наш народ, история которого полна величайших примеров истинной (а не западно-политиканской) гражданственности, и насколько прав автор, относя к народникам г. Сигму, — об этом здесь говорить не стоит. Интересно то, что свое отрицательное отношение к русским людям, разделяемое вдохновителями и читателями указанного органа, г. фельетонист «Новостей» основывает на исповедании *решающего значения расовых свойств*. Вот что говорится в конце той же статьи:

«Образование, просвещение? Но оно не изменяет свойств расы. Не просвещение создало европейские общественные организации...

«Вообще, внешние условия могут мешать или действовать *развитию* расы, могут уничтожить ее, — как засуха уничтожает рожь, — но *не могут пересоздать расу*»...

Вывод знаменательный и даже чересчур резкий, так как даже самые ревностные представители такого взгляда в западной науке не отрицают значение воспитания.

Но что же можно разуметь под именем тех «внешних условий», о которых упоминает автор? Очевидно, речь идет о *законах*, нормирующих жизнь расы, и о *со-седях*, ее окружающих, а также об иных условиях (естественных и экономических), под влиянием которых сла-гается ее быт.

Одним из важнейших условий жизни той или иной расы является именно общение ее с другими пле-менами. В частности, для *«славянского теста явно не-выгодно общение с еврейскою расой*, коренные черты которой в достаточной мере выяснены многовековою историей.

Черты преимущественно отрицательные и, если согласиться с фельетонистом юдофильской газеты отно-сительно решающего значения расовых свойств, — то,

значит, никогда, безусловно никогда еврейский вопрос не может быть разрешен благоприятно для евреев без явного, непоправимого ущерба для народов, среди которых они живут.

Стало быть, если еврей получит образование и воспитание, то он останется тем же вредным хищником, но только будет еще вреднее, во всеоружии знания и обманчивых культурных манер.

Из этого следует, что облегчение доступа евреев к знанию и к занятию даваемого им положения в обществе может произойти лишь в явный ущерб интересам других племен; да и вообще всякая забота, клонящаяся к облегчению участи евреев, если применить к этому вопросу основную точку зрения указанного автора, вредна и нелепа, а все соображения гуманитарного свойства и теоретические доводы в пользу такой заботы падают во прах перед суровым реальным фактом, — постоянством еврейского расового психофизического склада...

Такая безнадежная строгость, однако, вряд ли отвечает запросам русского духа, вряд ли совместима с русским мировоззрением. Мы не можем не желать лучшего будущего для евреев, не можем не стремиться к нему, в силу старорусского завета данного Илье Муромцу отцом. Вот как говорит «старый хресьянин»:

«Я на добрыя дела тебе благословенья дам,
А на худыя дела благословенья нет.
Пойдешь ты путем и дорогою,
Не помысли злом на татарина,
Не убей в чистом поле христианина».

Эту заповедь соблюл Илья-Богатырь, *что не помешало ему наказывать и стирать с лица земли всякую нечисть, обуздывать всякую злую силу, вредившую его родине.*

Не должен мешать этот завет и ныне ограждать русский народ от вредных ему соседей. В стремлении к правде и человеческому братству нужны *постепенность и мера*, указываемые знанием действительности и здравым смыслом. Сентиментальность была бы грехом, ибо сентиментальным и излишне уступчивым каждый имеет право быть *только на свой, а не на чужой счет*. Сентиментальность на счет народа была бы тяжким, непростительным историческим грехом..

Действительность такова. Русский народ, являющийся, по мнению фельетониста «Новостей», «тестообразною расой», мало склонен к мелкой повседневной политике и давно вверил свои интересы самодержавию Божьей милостью, как началу высшему, естественно авторитетному и беспристрастному, черпающему силу и мудрость из Божественного Источника. Самодержавие у нас — не случайное, не искусственно возникшее, а органическое явление, свидетельствующее о мудрости народа и философской глубине его взгляда на политическую жизнь. Поэтому нельзя представить себе русский народ не огражденным правительственной заботой от бедствий, страданий и опасностей.

Сам он далеко не от всего может и умеет себя оградить, так как *в его самодеятельности недостает твердых или, вернее, жестоких элементов*, отличающих самодеятельность западных народов. Он неспособен ни на рассудочную ненависть к конкурентам, ни на систематическое, холодно-жестокое сживание недругов со свету, ни даже на сколько-нибудь упорный бойкот кого и чего бы то ни было. Он не только мало склонен к синдикатам и иным формам *заговора*, но даже мало способен и к борьбе с явлениями такого рода.

Оттого русская будничная жизнь, экономическая и духовная, кишмя кишит всяческими инородческими «заговорами». Приедут в Тамбов три поляка, из кото-

рых один состоит аптекарем, другой инженером, а третий почтмейстером, — и сейчас же образуется в этом городе, если не «Великая Польша», то хоть маленький ее отдел. Если русский человек будет иметь неосторожность не угодить одному из этих лиц, то получит неприятности от целой импровизированной коллегии. Огорчивший одного немца получит возмездие от многих немцев и т. д., и т. д. Но опаснее всего, разумеется, прогневить еврея, — ибо придется иметь дело с целым кагалом, не стесняющимся, вдобавок, никакими средствами для борьбы или мести и вообще для отстаивания своих эгоистических интересов.

Легко себе представить, каково приходится в таких случаях русскому простолюдину, хозяйственное и юридическое положение которого все еще нельзя признать вполне установившимся после реформ, разрушивших старый строй и оказавшихся гораздо более слабыми в области созидания, отчасти вследствие того, что общественная самодеятельность сразу приняла ложное направление, преобладающее и доселе, поддерживаемое с тупым упорством. Для современного великорусского крестьянина не только экономическая борьба, но и *простое соседство с евреем* были бы прямо фатальны.

Главный контингент евреев мы получили сравнительно недавно; это наше историческое наказание за раздел Польши. Поляка без еврея столь же трудно себе представить, как грузина без армянина. Польское политическое и бытовое *неряшество* было естественною почвою для еврейского паразитизма, с которым население польских и ополяченных местностей нашей империи давно свыклось.

Малороссияне почти повсеместно настолько приспособились к евреям, что иногда можно встретить даже примеры угнетения этих последних кулаками из христи-

ан. Например, в одном местечке Черниговской губернии недостроенная синагога заложена местному кулаку, о котором евреи не без юмора говорят: «Вай, вай! Этоць целовек хузе зида!»

В других местностях бывшей Речи Посполитой евреи гораздо могущественнее, кроме тех пунктов, где их крупными конкурентами выступают немцы — передовые отряды надвигающегося на Россию германизма.

Так или иначе, черта еврейской оседлости является *родиной* современных российских евреев, многие поколения которых там свили прочные гнезда. Население с ними освоилось, — и сами собою выработались в этой местности, если не строго применяемые методы борьбы с дурными сторонами еврейства, то, по крайней мере, практические взгляды на это дело.

С повышением уровня мелкого служилого класса, с подъемом народной самодеятельности и общего развития, евреи будут менее вредны в черте оседлости, нежели теперь. В частности, подъем промышленной энергии во всех слоях польского народа, замечаемый за последние два—три десятилетия, служит порукою тому, что этот народ вступает в новый фазис развития, и приближается время, когда формальные закономерные ограничения будут менее нужны вследствие возникающих на смену им ограничений общественно-бытовых.

Какое бы то ни было бытовое зло всегда требует обуздания, и *нет таких теоретических или принципиальных соображений* (правовых или моральных), в силу которых государство или общество обязано было бы *терпеть устранимую реальную неправду*. Ограничения, ею вызываемые, всегда необходимы и всегда бывают в благоустроенных государствах, причем их учреждает либо правительство (когда обществу борьба непосильна), либо само общество.

Последнее бывает зачастую суровее первого, — и ревнители правового порядка напрасно торопятся праздновать победу, когда, на смену правительственным, выступают общественные ограничения. Примером суровости последних может служить современное отношение американцев к неграм.

В итоге, правительственные ограничения обыкновенно рациональнее и уравновешеннее, чем общественные, особенно в России, где общественное самосознание недостаточно развито. Кроме того, они по духу гуманнее, а на практике мягче, так как, вследствие недостатков бюрократической машины, применяются гораздо слабее, чем все то, что определенные общественные группы считают нужным применять к тем или иным категориям людей или понятий. Так, например, можно ручаться, что правовые ограничения евреев в черте оседлости и за ее пределами соблюдаются с гораздо меньшею строгостью и полнотой, чем те гонения всякого рода, которым подвергаются со стороны нашей космополитичной и еврейскими вдохновителями руководимой интеллигенции те единичные люди и группы людей, у которых хватает мужества указывать на дурные стороны еврейства.

Деятельность евреев не одинаково ограничена в разных районах черты оседлости. В Царстве Польском у евреев больше прав, чем в Малороссии.

В Варшаве весьма значительная часть домов и преобладающее обывательское влияние принадлежит уже не полякам, а евреям. Если допустить, что наше правительство применит к этому краю программу, сочиненную и муссируемую гг. Спасовичем и Пильцем, то в барышах останутся преимущественно «поляки Моисеева закона», а не настоящие поляки, — по крайней мере, в городах.

В других районах черты оседлости ограничения большею частью слабо соблюдаются, так как *несоблю-*

дение их является постоянным и вошедшим в нравы источником дохода для поместного служилого класса. Евреям, например, запрещено арендовать имения, а между тем это запрещение обходится сплошь да рядом, под видом «покупки урожая» и т. п. Есть целые уезды в юго-западном крае, где евреи являются монополистами по части аренды и сильно утесняют крестьян. Ведь *рабочими* у евреев-арендаторов являются *христиане*, а не евреи, мало способные и несклонные к тяжелому земледельческому труду и вообще к какой бы то ни было серьезной *созидательной* работе. Главным их призванием является *посредничество* в самых разнообразных и предосудительных формах. В Черниговской губернии значительная часть бывших помещичьих земель перешла теперь уже прямо в собственность к евреям. Запрещением селиться в деревнях и селах без профессионального предлога (разработки торфа, леса, мукомольного дела и т. д.), как уже упомянуто выше в главе «Роковой вопрос», местные власти зачастую, так сказать, «играют», создавая тем и в еврейской среде, и в массе христианского населения отрицательное, скептическое отношение к закону и к самой идее законности.

Ввиду изложенного, необходимо, с одной стороны, пересмотреть законоположения и распоряжения, нормирующие положение евреев в черте оседлости; необходимо ограничения невыполнимые либо сделать выполнимыми, либо отменить; во-вторых, — *усилить контроль* над должностными лицами всех ведомств, дабы поколебалась еврейская вера в силу денег и дабы поднялось достоинство русского служилого класса в черте оседлости. Надо, чтобы евреи усматривали в законе, их стесняющем, именно закон, а не источник устранимых взятками шикан⁵, и чтобы в них постепенно возрастала заслуженная надежда на целесообразное смягчение этого закона.

Местные власти и наиболее развитая часть общества должны, по мере сил, служить гражданскому *воспитанию еврейской среды*, а не поддаваться ее растлевающим воздействиям. Наконец, сознательные сторонники равноправности евреев, не склонные в угоду этим последним поступаться народными интересами, должны стремиться к тому, чтобы экономическая самостоятельность близкого им района поднялась и выработала усовершенствованные приемы, так как при этом условии закономерные ограничения евреев будут менее нужны. Вообще при наличности целого ряда явлений, характеризующих современную народную и общественную жизнь в черте еврейской оседлости, об отмене ограничений покуда не может быть и речи. Это грустно, но это так...

Но несомненно, что одно уже введение справедливости, строгой законности и человечности в практику этих ограничений само по себе явилось бы немалым благом для еврейской народной массы.

Органы печати, вдохновляемые еврейскими тенденциями или деньгами (а такова почти вся наша «либеральная» печать), охотно повторяют избитую фразу, украшающую также столбцы всевозможных подпольных изданий: «евреи *задыхаются* в черте оседлости». Вряд ли есть у нас «интеллигент», который бы не слышал и не повторял этой нелепой фразы?

Почему «задыхаются»? Пределы черты оседлости весьма широки — в полтора или даже два раза больше Германии и Франции, народы коих, однако, не задыхаются! Если даже допустить, что для евреев *на деле* закрыта восточная граница отведенного им историей и законом района, — то ведь *на запад им путь не заказан!* Если кому особенно тяжело в черте оседлости, так это «*маленьким*» евреям, порою действительно задыхающимся *под гнетом собственной буржуазии*, от которого их следовало бы оградить. Заправилам «фрачного кагала»

живется привольно. Этим противникам русской самобытности и ревнителям западных форм народоприваждения предоставляется посещать очаги западной цивилизации и промышленности; все это у них под боком — и проезд от Вержболова до Берлина и от Волочиска до Вены легче осуществим, чем долгое путешествие из Саратова за границу. Отчего же они задыхаются, обладая таким доступом ко всему тому, что они считают хорошим и желательным? Не вернее ли будет сказать, что они отнюдь не задыхаются, а попросту сердятся на некоторую затруднительность распространения их эксплуататорской и катальной деятельности на север и восток от черты оседлости! То ли дело бы, например, если б можно было собирать шекели и выдавать марки с масонскими треугольниками и в Туле, и в Пензе, и в Казани! Цивилизация от этого весьма выиграла бы, и Россия, пожалуй, благоговарила бы свою судьбу?!...

Так ли это? Пускай бы добросовестные (а не тупые или подкупные) ревнители еврейской полноправности определенно ответили на нескромный вопрос: *что создали евреи в черте оседлости, и каковы культурные последствия их пребывания там?*

Приятного для евреев ответа взять решительно неоткуда. История говорит, что они содействовали падению Польского королевства, ослабив его государственность и внося растление в местные нравы. Со времени же русского владычества еврейская среда явилась в черте оседлости школою чиновничьего развращения, школою всяческого соблазна для экономически утесненного еврейями народа. Торговля? Оживление? Но торговля бывает дурная и хорошая, полезная и вредная. Крупные еврейские фирмы нанесли нашему хлебному экспорту, особенно южно-русскому, неисчислимый вред посредством фальсификации, запятнавшей доброе имя русского хлеба. Контрабанда, с

еврейской точки зрения, также считается торговлею, как и фальсификация продуктов. Еврейских *фирм*, которые бы гордились многолетнею беспорочною деятельностью, в черте оседлости почти нет. Торговые заведения, сознательно идущие к банкротству и потом возрождающиеся на мошеннически приобретенные деньги под другими вывесками; темные акционерные и биржевые операции; всевозможные виды «дутого» грюндерства — вот наиболее характерный формы еврейской торгово-промышленной деятельности; при этом — удивительное умение находить ключ к сердцам таких провинциальных и столичных деятелей, на обязанности которых лежит регулирование и развитие экономических сил нашего отечества. Что касается до «оживления» облагодетельствованных евреями местностей, то оно выражается прежде всего *в понижении всеобщего уровня политической благонадежности*. Евреи — искусные распространители всего запретного и тлетворного, начиная с беспатентной водки, продолжая порнографическими изображениями и кончая подпольными брошюрами, нелепыми слухами, заразительным нервным настроением. Психический склад молодежи в высших и даже средних учебных заведениях черты оседлости неизмеримо аномальнее, чем во внутренних губерниях, — и именно потому, что еврейское воздействие там непосредственнее и сильнее. Вряд ли все это можно назвать культурными плодами.

Вряд ли также нужно подробно доказывать, что распространение такой «панацеи» на великорусские губернии было бы величайшим бедствием. Да оно решительно никакими нравственно-социальными соображениями не вызывается. Если бы евреи были склонны к земледелию, к которому правительство в течение многих лет тщетно старалось их привлечь, — то для них с избытком хватило бы честно заработанного насущного

хлеба и в черте оседлости. Там, ведь, гораздо менее тесно, чем во многих зарубежных странах, а спрос на честный труд весьма велик.

Не очевидно ли, что евреям в черте оседлости тесно именно с точки зрения паразитической, — и они хотели бы эксплуатировать население других местностей, не знакомое еще с их «методом» и менее приспособленное к самозащите. Выше было отмечено, что великорусское население недостаточно вооружено для борьбы с еврейством: оно слишком доверчиво, добродушно и, если можно так выразиться, мечтательно. С нравственной точки зрения это достоинство, а не недостаток, но в наш век суровой экономической борьбы такое достоинство по меньшей мере невыгодно. Так или иначе, власть должна ограждать народную среду, отличающуюся такими духовными чертами, от инородческих посягательств и утеснения.

К сожалению, это ограждение слишком часто не достигает цели, как потому, что соблюдается недостаточно добросовестно, так и в силу существования лазеек, допускающих закономерный обход предначертаний законодателя. Ни Орловская, ни Курская, ни Харьковская, ни Псковская губернии, ни Сибирь, ни обе столицы — не входят в черту оседлости. Между тем, — как всем известно из газет, — в Курске, в Ельце и других городах имеются неизвестно когда возникшие еврейские общины, выступающие иногда с официальными проявлениями своего существования и самосознания; дачные окрестности Харькова заполнены евреями; в Псковской губернии приняло невероятные размеры еврейское землевладение, не без содействия некоторых местных земцев; в Сибири еврей-золотопромышленник и водочный торговец — бичи приискового и таежного населения; в Петербурге истинными хозяевами гостиного двора являются евреи, в союзе со своими

родичами-армянами, а в Москве евреи хозяйничают во многих главных сферах жизни: они и домовладельцы, и главари денежного рынка, и шумные вожаки «интеллигенции», и вдохновители или обладатели всей почти без исключения местной прессы, насчитывающей в своих рядах множество дельцов, отличающихся невероятно шантажным характером и дикою «либеральной» нетерпимостью. Печатью завладели евреи отчасти даже в Сибири, не говоря уже о Петербурге, где еврейская тенденция состоит в компромиссе с другими инородческими и зарубежными направлениями.

До очевидности ясно, что пресловутые ограничения не соблюдаются, — и в черте оседлости имеются значительные прорывы. Если чего нужно желать для настоящего фазиса русского развития, — так именно *не упразднения, а наоборот, соблюдения черты оседлости*, тем более, что несоблюдение ее *всегда* происходит именно в пользу самой вредной категории евреев — в пользу сильных и крупных хищников. Так называемый жид неизмеримо лучше и безвреднее, чем еврей, — а именно последнему-то и дано беспрепятственно переступать через какие угодно ограничения и обходить какие угодно, для всех русских подданных обязательные, законы.

Закономерная зависимость еврейских прав от *гильдии*, т. е., попросту *от денег*, является источником всяческой неправды, бытовой и юридической, и худшим из нарушений ограничительных мер. Сам закон как будто говорит еврею: «Будь богат — и все тебе доступно!» Есть случаи, когда кагал собирает деньги для того, чтобы предоставить своим избранникам играть серьезную роль в городах за пределами черты оседлости. Крупный промышленник или торговец заводит «отделение» своей фирмы в столицах, с целым штатом служащих евреев. Если бы гильдия не давала таких прав, то во главе по-

добных «отделений» явились бы христиане, без ущерба для честной торговли. То, что в крупных городах садятся наиболее богатые и изворотливые евреи, помогает им сплотиться и сильнее влиять экономически и духовно на русскую среду. В итоге страдают и русские, и еврейская беднота, а сильные хищники-евреи благоденствуют; *дело кагала*, все более принимающее политически-масонский характер и объединяющееся с зарубежными интригами, при таких условиях крепнет и развивается с ужасною быстротой. Ясно, что *необходим иной критерий*, более целесообразный и нравственный, чем богатство, для допущения исключений из ограничительных правил. Ведь теперь еврей, платящий первую гильдию, — лицо привилегированное по сравнению с русским купцом той же категории, так как последнему *не дается* этим званием *такого расширения государственных прав*, какое получает еврей...

Специальный разбор ограничений, стесняющих разнообразную еврейскую предприимчивость, не входит в программу этой статьи, имеющей целью содействовать лишь установлению в обществе более независимого от доктринерских предрассудков здравого взгляда на еврейский вопрос. Но есть одна деталь, о которой тяжело даже думать.

Что бы вы сказали, если бы какому бы то ни было человеку, во имя его расовых отрицательных черт, запретили принимать прописанный ему врачами хинин? Ведь это уже, так сказать, вошло бы почти в инквизиционную программу, т. е. нарушило бы нормальные пределы борьбы с дурными сторонами еврейства. Между тем, такое нарушение у нас имеется: евреям запрещено посещать большинство наших минеральных вод и, в частности, лечиться на кавказских водах.

Признаться, даже трудно понять причину такого запрета. Говорят, что евреи тогда наводняют все курорты под

предлогом лечения. Но разве этого неудобства не могут, по крайней мере, смягчить присяжные правительственные врачи, отличающие больных от здоровых? Говорят, что евреи антипатичны, неопрятны — и неприятно действуют на нервы прочих больных. Но видь эту нервность можно и в карман спрятать, когда речь идет о страданиях живых людей! Наконец, армяне, заполняющие кавказские минеральные воды и усиленно муссировавшие вопрос о выселении евреев из Владикавказа и о недопущении их на указанные курорты, — во многих отношениях хуже евреев, и роль их на кавказских курортах еще более скверна; тем не менее, вопрос о недопущении их туда не поднимается, и бакинские нефтепромышленники беспрепятственно скупают множество земель и дач этого района. Вот этому-то надо бы положить предел, а запрещение лечиться кому бы то ни было какими угодно водами вряд ли может оправдываться какими бы то ни было соображениями.

Справедливее было бы предотвратить целесообразными мерами неудобства, сопряженные с временным пребыванием евреев в различных курортах. Положим, богатые евреи могут ездить за границу, а еврейская беднота, страдающая разными болезнями, столь же мало имеет шансов попадать на какие бы то ни было минеральные воды, как и русские бедняки, обреченные на страдания и смерть в тяжелой обстановке. Тем не менее принцип остается принципом, — и введение расовой политики в область человеческих страданий вызывает нерадостные мысли...

Если дело дошло до того, что это *нужно*, — то необходимость указанной меры является плохой рекомендацией, прежде всего, для курортного начальства и врачебного персонала...

Теперь возникает аналогичный вопрос: коль скоро следует признать категорию прав, неотъемлемо принад-

лежащих *каждому* человеку, независимо от видовых его особенностей и лишь потому, что он *человек*, — то можно ли признать правильным стеснение доступа представителям той или иной расы к образованию? Если не следует мешать лечиться, то неужели следует мешать развиваться духовно?

Вопрос этот неизмеримо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

В глазах человека, не удрученного тупым и прямолинейным либерализмом, совершенно ясно, что *каждое государство как организм*, необходимо руководящийся естественною идеей подбора, не только может, но даже *должно разделять своих подданных на категории, облаченных неодинаковыми государственными правами*. Это мы и видим даже в самых либеральнейших республиках, где требуется определенный имущественный ценз, например, для участия в выборах. Это вполне резонно как общее правило, так как люди, лишенные всякого ценза, представляют собою, с политической точки зрения, беспринципный, беспокойный, безнравственный, подкупный и вообще противосоциальный сброд. Исключения редки и не типичны.

Принимаются также в расчет и расовые черты. Страна свободы — Америка — относится к китайцам неизмеримо суровее, чем русские к евреям. Недалек день, когда и еврейский вопрос неизбежно поднимется в Америке. В республиканской Франции туземное население колонии на деле далеко не пользуется одинаковыми правами с гражданами метрополии. В современной Германии, представляющей собою сильно развивающийся государственный организм, правительство идет гораздо дальше по этому пути: не только поляку не вверят управления Познанью, но даже в самой немецкой среде происходит известного рода *подбор*, — и большинство ответственных должностей по министерствам внутрен-

них, иностранных дел и финансов — преимущественно предоставляется *пруссакам*.

Наши доктринеры правового порядка большею частью не отличают *государственных* или политических прав от гражданских, в тесном семейно-имущественном смысле этого слова. Между тем, эта разница, несомненно, существует, — и во всяком живом государственном организме первая категория прав (служебные, выборные и т. п.) должна отличаться достаточными *разнообразием и гибкостью*, в зависимости от соображений внутренней и внешней политики. Наоборот, признаками узко-гражданских прав должны быть: *сравнительное постоянство* (при весьма медленном нарастании перемен) и стремление к *единообразию* по отношению ко всем без изъятия обывателям, допуская лишь различия, выросшие на исторически-бытовой почве. Купля-продажа, брак, наследование, договоры всякого рода одинаково нужны всем...

Но *даже и гражданское право*, в тесном смысле слова, *не может и не должно быть независимым от соображений государственной политики*, имеющей реальною целью благо подданных, а отнюдь не служение кумиру правового доктринерства или «бумажного» нивелирования, ведущего на практике к *обострению неравенства*. Недаром сами юристы признали, что «*summum jus—summa injuria*»⁶.

Если, положим, арендовать земли и покупать их разрешается в некоторых местностях всякому русскому подданному, *за исключением еврея*, то такое вторжение расовой политики в область узко гражданского права не только оправдывается, но и подкрепляется реальною заботою об интересах тех крестьян и рабочих, которым придется иметь дело с арендатором. Если, согласно новому вексельному уставу, некоторым категориям лиц воспрещаются известные долговые сделки, то на это опять-

таки есть нравственно-бытовые причины. Достаточно вдуматься в эти вопросы, чтобы решать их не прямолинейно, а жизненно-верно и в духе высшей, не формальной только справедливости.

И все-таки, хотя предрассудки, которыми обосновывается мертвенная неподвижность правового порядка в глазах его идолопоклонников, теряют свою цену при более добросовестно-вдумчивом отношении к делу, — вопрос о праве евреев на духовное развитие требует более подробного анализа,

Во-первых, необходимо знать, *какие плоды* получает государство и общество от нарастания еврейской интеллигенции; во-вторых, — точнее определить, *в чем заключаются стеснения*, формально ограничивающие доступ евреям к образованию.

На первый вопрос даже самый доброжелательный к евреям человек, если он мало-мальски добросовестен и наблюдателен, может дать лишь весьма нелестный для евреев ответ. В предыдущих главах выяснены как главные черты еврейского племенного мирозерцания, так и особенности характера и стремления представителей этого племени.

В области политической — ненависть к идее государственности и даже неспособность к искреннему и полному ее восприятию. В области религиозно-философской — ненависть к христианству и врожденный материализм; сюда же относится отчасти слабый интерес к понятиям чести, долга, братолюбия. В области междуплеменных отношений — тайная или явная нелюбовь к «гоям», презрение к их национальным идеям и, так сказать, органическая склонность сплываться против них и вместе с тем залезать к ним в душу, гипнотизировать их на свой лад, подтачивать все устои их жизни, все государственно-общественные учреждения. Проникнут несколько евреев в адвокат-

скую среду, — и там широкою струей разливается беспринципность; снюхается еврей с бюрократией, — начинаются взятки, обход закона и т. п. Орден Почетного Легиона теперь можно увидеть в петлице таких дельцов любой профессии, одно имя которых является синонимом поругания всякой чести...

Печать — и в частности бедная русская печать — теряет и здравый смысл, и порядочность, благородную терпимость и правдолюбие, как только попадает в руки евреев или их наемников. Даже среда ученых, сформировавшаяся под влиянием еврейского мирозерцания и служащей ему печати, наглядно утрачивает ту духовную высоту, которою наши университеты могли гордиться несколько десятилетий тому назад. Промышленные и финансовые предприятия, акционерные общества и т. д. непременно принимают характер темного грюндерства, а то и просто мошенничества, как только туда, хотя бы в незначительном числе, проникают евреи. Эти последние, натворив всяких бед, если и теряют иногда то или иное место, выходят, однако, «сухими из воды», как это произошло, например, недавно в одном крупном финансовом предприятии.

У вас может быть какой угодно гуманный взгляд на евреев, но если вы увидите бюрократа, или инженера, или писателя в тесном общении с евреями, — то невольно станете относиться к означенным лицам подозрительно. Неуязвимы для подозрения почти исключительно такие редкие люди, как покойный Вл. С. Соловьев, а прочие — очень уязвимы! А ведь не может же подобное чувство вытекать из одного только неосновательного расового предрассудка!..

Да и может ли вообще расовый предрассудок, этот естественный исторический результат опыта целого народа, быть неосновательным? Ему не следует под-

даваться в частных случаях и в частных отношениях, чтобы не доставить незаслуженных страданий человеку, быть может, являющемуся светлым исключением из печального правила. Но, при решении вопросов общих, необходимо считаться и с мнением народа, исторически сложившимся.

Как влияет еврей-интеллигент на доступную ему общественную среду? Очевидно, это влияние находится в прямом соответствии с его духовным обликом, даже в *тех* редких случаях, когда этот еврей не состоит еще исполнителем каких-либо кагальных предначертаний; кстати сказать, такие случаи не то, что редки, а буквально почти не встречаются, ибо еврея-одиночку, еврея, не имеющего никаких отношений со «всемирным еврейским союзом» или его агентами, даже представить себе невозможно! Если он, по своему характеру, нелюдим, или склонен к мечтательности, или тяготеет к иному кругу людей и задач, — то его все-таки *най-дут*, возьмут на строгий мундштук и заставят делать то, что угодно кагалу.

Но если даже оставить в стороне указанное обстоятельство и просто взять типичного, образованного еврея, одаренного научным или философским мышлением, то каково будет *содержание* этого мышления? Очевидно, оно будет *в соответствии с его племенным психическим складом*. Как совершенно верно сказал г. фельетонист «Новостей», открывши тем весьма уязвимую ахиллесову пяту защитников еврейства, — *расу перевоспитать нельзя*.

Такая задача, разумеется, менее всего по плечу нашим учебным заведениям, педагогический уровень которых за последние несколько десятилетий сильно понизился. Наконец, не надо забывать, что питомца учебного заведения воспитывают не только педагоги, но и товарищеская среда, если она отличается боль-

шою стойкостью принципов, и особенно стойкостью национального самосознания.

Прошедший английскую школу Дизраэли⁷, хотя и остался по существу, по темпераменту и складу мышления евреем, но, так или иначе, усвоил много английских принципов и был достойным лордом Биконсфильдом. У нас же, наоборот, несколько евреев, попадающих в гимназическую или университетскую среду, могут заразить своими разлагающими тенденциями многое множество юнцов «без руля и без ветрил». Если есть у нас нечто «тестообразное», так это именно наша интеллигенция, начиная с учащихся подростков, — и коренится это не в расовых чертах нашего народа, а в двухвековом бесцеремонном обращении с жизненными устоями русской общественности и даже государственности. Не отрицая громадной заслуги эпохи так называемых «великих реформ», необходимо, однако, отметить, что именно эта эпоха нанесла значительный вред русской интеллигенции, оторвала ее от родной почвы, стерла в порошок самобытные характеры, заменила *русскую культуру* фикцией космополитического просвещения и превратила толпу дипломированных людей в «тесто», из которого бесцеремонные вожаки стали лепить, по прихоти просветительной моды, то марксистов, то отрицателей родной религии, то ницшеанцев, то лакействующих космополитов, то, наконец, совершенно разнузданных, нравственно-неопрятных босяков. Такая среда никого воспитать не может, а может только исковеркать или заразить. Ее духовное неряшество создает особую *восприимчивость ко всякой инфекции* и особо благоприятные условия для благоденствия и размножения паразитов, экономических и духовных.

Пустите в эту среду самого безобидного, т. е. не прирванного к кагалу и не пылкого еврея. Что он будет там говорить, без всякой задней мысли, *bona fide*⁸? Ведь

не будет же он отстаивать православие, самодержавие и русскую народность — понятия *чужие для него* исторически и фактически; его предки и соплеменники и сам он, так или иначе, привыкли усматривать в этом скорее источник страданий или, по меньшей мере, препятствия для общеврейских и даже личных своих стремлений. Ясно, что он будет говорить о необходимости ускорить темп прогресса, отвергнуть исторические заветы русского народа, которые он *естественно* считает нелепыми и вредными; наконец, — установить безусловную *формальную свободу и равенство* для всех.

Может быть, он и не собирается злоупотреблять этою свободою и равенством с определленною целью создания фактических еврейских привилегий и порабощения других племен; но он ни за что не согласится с теми, кто скажет ему, что безусловное формальное равенство неизбежно влечет за собою сквернейшие формы неравенства *на деле*, что это придумано на Западе своекорыстною буржуазией, а в России горячо поддерживается и систематически проводится именно *инородческою* интеллигенцией, у которой наши дипломированные люди состоят в подхалимах или в учениках.

Он замашет руками, если ему напомнить, что во Франции пресловутая «свобода совести» привела к угнетению христианства, что, *по требованию Ротшильда* и его прислужников, там была снята с театрального репертуара пьеса, неприятная евреям, что пресловутый Дрейфус, дважды осужденный, помилован по требованию все той же еврейской организации и т. д. и т. д.

Он назовет самые разговоры на такие темы «мракобесием», нетерпимостью; а окружающая «тестообразная» среда, усвоившая чисто еврейскую нетерпимость к непонятным или несимпатичным ей взглядам, с усердием доброй своры примется травить выразителя таких взглядов.

Все русское, все созидательное для нашего народа и для арийцев вообще можете осуждать и даже оплевывать: вам будут рукоплескать, а при наличии у вас некоторого таланта произведут вас даже в гении, сочинения которого обязан знать наизусть каждый студент, обязан покупать каждый интеллигент, от столоначальника до значительного сановника включительно. Но попробуйте затронуть еврейский вопрос (или аналогичный вопрос об армянской плутократии на Кавказе), — и начнется *террор*: пойдут гонения всеми способами, с разных сторон, даже оттуда, где ревнитель русских интересов вправе рассчитывать на честную поддержку.

Далеко не все правящие сферы это понимают, а есть и такие, которые понимают, но по разным причинам продолжают сочувствовать еврейству и творить волю еврейского «правительства».

Это «правительство», хотя и в кавычках, но несомненно *существует*, — и вряд ли можно отрицать, что в отношении систематичности работы и неуклонности направления у него есть несомненные преимущества перед многими *государственными* правительствами, например, французским. Деньги оно собирает всюду — то посредством систематичной биржевой игры, то посредством «шекелей» и т. п., а не тратится ни на армию, ни на суд, ни на охранение границ.

В наш век, когда экономическим условиям принадлежит преобладающая роль, и деньги властвуют, еврейский всемирный союз с каждым днем становится сильнее, особенно там, где правовой порядок парализовал государственную власть и где национальное самосознание не стоит на должном уровне.

При утилитарном взгляде на науку, знание, политику, профессиональные занятия и т. д. — какое бы то ни было знание не перевоспитывает человека, а *лишь вооружает его*; если в нем преобладают инстинкты и

стремления разрушительные по отношению» к устоям данного государства (как у евреев по отношению к России), — то трата государственных денег на «вооружение» человека, неминуемо враждебного этим устоям, есть реальный вред народным интересам, и, так сказать, *частичное самоубийство*.

Стоит только трезво взглянуть на дело и признать, что *каждый народ имеет право ограждать свои национально-государственные интересы*, — чтобы стеснение евреев в области образования получило разумный смысл и оправдание, по крайней мере, на то время, пока мирное развитие нашей национальной культуры прервано или сильно стеснено общественным бытом, наносными воздействиями и зарубежными интригами.

Такой вывод делается еще более приемлемым, если сообразить, что *никакому еврею не воспрещается покупать книги и учебные пособия и достигать каких угодно высот знания*, но только ему предоставляется это делать без прямой помощи народных средств и без последующих прав, даваемых дипломом. Кроме того, известному проценту евреев, почти всегда превышающему установленный на бумаге, все пути к образованию открыты.

Насчет диплома же и его применения, надо полагать, сомнений не должно быть: каждое государство вправе давать этому вопросу какое угодно направление, — ибо это вопрос политики и *самоохранения*. Сентиментальность в этой области — сентиментальность на чужой счет — была бы не только нелепостью, но даже преступлением....

Но какой же возможен исход из трагического положения, когда здравая междуплеменная политика настоятельно требует даже ограничения целой расы в ряде естественнейших сфер жизни и деятельности? Можно ли нам, христианам и ревнителям гуманного взгляда на человечество, мириться с таким положением вещей?

Наконец, наступления каких событий должны желать сами евреи, стремящиеся к равноправности для своей расы и к ее реабилитации? Какому складу русской мысли должен сочувствовать еврей вдумчивый, дальновидный и понимающий историю?

Теперешние русские интеллигенты и прямо или косвенно руководящие ими евреи полагают, что надо попросту снять все перегородки, открыть евреям доступ во все святилища русской жизни и мысли, — т. е., в итоге — отдать не только материальную, но и духовную сокровищницу России «на поток и разграбление», на поругание евреям.

Но на это не может пойти правительство, пока в нем есть хоть искра национального достоинства, не подточенного влияниями «дружественных держав»; оно не может стать в противоречие с великою народною стихией, которая все вверила родному самодержавию, но и от других заветных устоев своих не отреклась и отречься не может, пока она жива.

Неосмотрительное снятие перегородок и пагубные результаты его для народа встретили бы со стороны последнего нежданно быстрый, неудержимо сильный и грозный для еврейства бытовой отпор. История кишмя кишит такими примерами, — и недаром одной из причин жалкого доктринерства и умственной слабости нашей интеллигенции является *незнание и предвзятое игнорирование истории*.

Сторонники «снятия перегородок» любят выдвигать идею *ассимиляции евреев*. Но, во-первых, как выше сказано (глава «Сионизм»), способность евреев к ассимиляции *более чем сомнительна*, а их способность к «переодеваниям» только была и доселе является для них орудием разложения арийского мирозерцания и государственности. Во-вторых, если уже говорить о *полной ассимиляции*, то речь идет не о стрижке пейсов

или забвении жаргона, а о *скрещивании рас*, о *поглощении* еврейской народности русской, посредством смешанных браков. Это штука мудреная и обоюдоострая. Если даже, вопреки обширному историческому опыту и резко проявляющемуся за последнее время еврейскому наступательному «национализму», допустить, что евреи поддались бы такого рода ассимиляции, — то и в таком (в сущности невозможном) случае от этого ждать добра не приходится. Если сообразить, что главным фактором религиозно-нравственных, политических и иных взглядов и стремлений любого племени является его расовый психофизический склад, т. е. *основа органическая*, то само собою разумеется, что *острая* еврейская струя, влитая в государственно-общественный организм России, не могла бы не повлиять и на психофизический склад народа и даже, весьма скоро, на его политические судьбы.

Опять-таки обратимся к истории. Ведь тюрко-финская и монгольская кровь явилась у нас тою лигатурою к славянскому элементу, при помощи которой создалась крепкая российская государственность; помимо этого, московским людям надо было еще пострадать под татарским прессом, чтобы сплотиться как следует и не только умом, но всем нутром своим воспринять мировые задачи византийского самодержавия. Польская народность, чрезвычайно талантливая по натуре, восприняла (отчасти при помощи «франкистов», т. е. евреев, поверхностно ассимилировавшихся ради поддержания еврейских интересов) небольшую струю еврейской крови — и пришла к государственному банкротству. И по сие время эта нецелесообразная прививка, наряду с другими причинами, является довольно крупною помехою желанному установлению братских отношений между поляками и русскими: как только поляки становятся на путь разумного единения с нами, — всегда появляется пылкий «патриот», или

льстивый «угодович» из более или менее крещеных польских евреев, и сеет микробы всякой смуты.

Те местности Германии, где произошло наиболее заметное скрещивание с еврейской расой, весьма быстро подпали под власть германо-славянской Пруссии. Современная Франция нагляднее всего испытывает на себе «благодетельные» результаты расовой ассимиляции с евреями. Венгерская общественность также достаточно печальна под непосредственным воздействием того же фактора.

Вопрос о скрещивании рас, некогда хорошо знакомый человечеству, сильно затуманился и отошел на далекий план, особенно во времена господства противонаучного позитивизма над наукой. Он возрождается за последнее время, но далеко не разработан, — и в этой области возможны лишь весьма приблизительные выводы. За крайнюю затруднительность добывания статистических данных особенная работа выпадает на долю чутья и, если можно так выразиться, беллетристической вдумчивости наблюдателя.

Чтобы составить себе сколько-нибудь близкий к истине взгляд на вопрос о результатах ассимиляции евреев, интересующемуся им русскому человеку полезно проследить, что получается от такого рода смешанных браков в знакомой ему среде. Ручаюсь, что наблюдения такого рода приведут к заключениям неблагоприятным, *особенно с государственной точки зрения*. Скрещивание русских с евреями дает обыкновенно нисходящих либо с крайне неуравновешенным характером, либо людей узко материалистического склада. Уровень талантности нередко повышается, но притом, обыкновенно, в ущерб идеальным духовным чертам. Наиболее же наглядным результатом такого скрещивания является *космополитизм* и нетерпимость в его отстаивании.

Космополитическому настроению многих семей из нашей интеллигенции необходимо искать *органической причины* — т. е. инородческой и, особенно, *еврейской крови*, попавшей туда законным или внебрачным способом. Кровь эта, нужно кстати заметить, чрезвычайно *острая*, одаренная способностью «не прощать», так сказать, до седьмого колена.

Насколько скрещивание с германскою и англосаксонскою расой полезно славянину (разумеется, когда этот последний не является этнографическим материалом), настолько смешанные браки с евреями *органически вредны* для цельности русского мирозерцания. Вспомните когда-нибудь в двенадцатилетнего гимназиста, происходящего из такой семьи; он уже непременно «газетный» человек в таком возрасте, когда чисто русский ребенок еще наивен. Он уже пишет стихи, либо критические заметки, презирает при этом Пушкина, а Надсона знает наизусть, критикует что угодно и ко многому относится с каким-то старческим скептицизмом; у него потребность играть роль в товарищеской среде и щекотать свое тщеславие, а наряду с этим, он умудряется снискивать расположение начальства, удачно устраивать свои школьные, а в близком будущем и материальные делишки.

Когда он вырастет, — у него может оказаться довольно яркий, но непременно *неглубокий* талант, скорей разрушительный, чем созидательный. Его работа будет скорее блестящим пенкосниманием, чем солидным творчеством, потому что для этого последнего нужны, помимо таланта, еще и особого рода уравновешенность, и *высокий духовный склад*, редко присущие типичным представителям еврейской расы.

Большими числами в вопросе о русско-еврейских скрещиваниях располагать теперь не приходится, да, по всем вероятностям, никогда никому и не придется. Поэтому

трудно решить вопрос, могла ли бы русская народность бесследно «поглотить» живущую около нее еврейскую расу? Можно сказать а priori, что это обошлось бы им *недешево*, в отношениях государственном и общественном. К счастью, это и невозможно, и дело не к тому идет. Стало быть, остается вопрос о русско-еврейском скрещивании только принять к сведению для частного обихода, а попытку развязать gordiev узел еврейства в России продолжать с другого конца.

Если вникнуть в сущность этого «узла», то сама собою выяснится главная из темных и опасных его сторон.

Русская народная масса, вступая в общение с евреями, несет, главным образом, материальные потери и не теряет религиозно-политических основ своего бытия, своей духовной и государственной жизни. Для нее, не оторванной от родной почвы, дурные стороны еврейства особенно рокового значения не имели бы, если бы правящие классы честно выполняли свой долг и ограждали народ от всяких зол и бедствий.

Интеллигенция — дело другое.

Призвание образованных классов, из которых выходят воспитатели и руководители народа, в общественном и служилом смысле этого слова, — *повысить, сохранить и умножить сокровища народного духа*. Народ стихийно верен Царю, отечеству, церкви, заветам прошлого; *истинная* интеллигенция должна осмыслить, укрепить это чувство, быть стражем народа от врагов внутренних и внешних.

Крестьянин, идя за плугом, поглощен в заботу о хлебе насущном, в узкие, чисто местные интересы свои. Высшие стремления, заботы и чувствования поднимают голос в нем лишь в минуты исключительной важности, когда голос земли зовет его на подвиг, или Царь делит с ним думу, горе или радость. Умственная жизнь не состав-

ляет для него постоянной и естественной обстановки. Она должна быть на подобающей национальной высоте у образованных классов, специально к ней призванных. Национальное самосознание этих последних должно быть вечно бодрственным и творческим, во всеоружии духовного (в широком смысле) просвещения. На каждом шагу нужна такая специальная духовная вооруженность для решения самых скромных с виду вопросов народной жизни — в частной, общественной, поместно-служилой и столичной практике...

Каково положение народа, если интеллигенция, под влиянием прямых и косвенных воздействий, становится «еврействующей», космополитичной, равнодушной к родным святыням, к родной силе и правде? Каково ему, если печать является очагом такого национального омертвения и если служилые представители интеллигенции несут этот яд на бюрократические высоты, в такие инстанции, где решаются экономические или духовные судьбы массы неповинного населения?!

Где предел такому болезненному явлению, столь дорого обходящемуся народной среде и всему государству? Какими бедами чревато подобное положение вещей?...

Ясно, что когда мы говорим о борьбе с дурными сторонами еврейства, — то на первом плане должна стоять *борьба за русские национальные идеалы*, имеющие целью духовное оздоровление наших образованных классов и, в окончательном результате, — надежное облегчение участи самого еврейства.

Закономерные ограничения и национальная самодеятельность общества находятся в наглядном взаимоотношении: если вторая слаба, то первые должны восполнять ее. Никакое лечение не может сравниться по результатам с природными силами организма, которые опытный врач первым долгом и старается пустить в ход. Если бы наше общество, начиная с учащихся

подростков и кончая людьми влиятельными, исповедовало и проводило в жизнь *здравый взгляд* на русские государственные и общественные задачи; если бы мы, разрозненные русские люди, умели, когда нужно, *сплотиться* и в культурной борьбе дружно *отстаивать свои исторические заветы* и интересы родного народа, то никакие ограничения инородцев вообще и евреев, в частности, не были бы нужны.

И еврейская, и всякая другая (конечно, облагороженная и вошедшая в благоразумные границы) обособленность *могла бы уживаться беспрепятственно наряду с сильным русским самосознанием*, которое сдерживало бы лишь отрицательные и враждебные проявления ее.

Этого не понимают ни евреи, ни другие инородные сограждане наши: они думают достигнуть больших результатов, если бы им удалось хорошенько усыпить бдительность русской власти и радикально одурачить русское общество.

Расчет совершенно неверный, — ибо временный успех заблуждения и обмана неминуемо влечет за собою резкую *реакцию*.

Столь же неосновательны и надежды на роковые для нашей родины обстоятельства, в связи с какими-нибудь внешними осложнениями.

Не только иностранцы, но *даже русские инородцы не понимают стихийной сущности России*. Она выносила в историческом прошлом своем такие бедствия, какие другой стране были бы не под силу; затем она отряхивалась, оправлялась и снова расцветала. Вынесет она что угодно и в будущем, — а *внешние осложнения только пробудили бы в ней дремлющие гигантские силы действенного патриотизма*; их можно, с этой точки зрения, скорее *желать, чем бояться*. Враги нашей национальной силы слишком часто принимают доброду-

шие и некоторую обломовщину за слабость — и на этом непременно когда-нибудь обожгутся!...

Если евреи некогда содействовали падению Рима, то именно потому, что *настоящих* римлян было количественно мало, и многие функции государственного организма выполнялись *чужими людьми*. Россия легко может избежать этого, *если захочет*, — а обстоятельства непременно *заставят ее захотеть этого*, для ее же собственного спасения и блага...

Если бы еврейские вожаки были действительно дальновидны и умны, в широком историческом значении этого слова (а не только для куцега гешефта в лисьем духе), то они сами желали бы подъема русского самосознания, сами относились бы сочувственно к его проявлениям. Они боятся грубого национализма, забывая, что он русской душе не свойствен и проявляется лишь в редких случаях, как нервный акт негодования или протеста. Чем меньше евреи будут подавать повода к таким проявлениям, чем спокойнее будет высокое национальное чувство русских людей, тем легче будет и положение евреев.

Теперешнее национальное чувство русского общества похоже на горную речку: то его вброд переходят инородческие куры, то внезапно мчится по разросшемуся руслу разрушительный поток. Между тем, желательно *спокойное и глубокое течение*. На это должны быть направлены духовные силы и русских, и *евреев*. Когда евреи поймут это, поймут психическую разницу между Россией и Западом, они не оглянутся, как им станет легче...

Мы должны выяснять, укреплять и развивать созидательные начала русской жизни, открыто, словом и делом исповедовать свою приверженность к этим началам. Тогда голоса космополитов и евреев станут «вопиющими в пустыне», утратят всякую силу. Если теперь безусловное закрытие евреям всякого (прямого

или косвенного) доступа к печати, сокровищнице *русской* мысли, берущей на себя служение русским интересам, явилось бы актом величайшей государственной мудрости, то в будущем, когда наше национальное самосознание разрастется, подобная мера окажется совершенно ненужною.

Никакие ограничения противников не могут *сами по себе* радовать представителя государственной народности, особенно, когда его призвание — мыслить возможно свободнее.

Типичным представителем такого взгляда на еврейский вопрос был безвременно угасший мыслитель наш Вл. С. Соловьев. Подобно астроному или просто дальнозоркому человеку, видящему лишь необъятную даль и не замечающему ближайших фактов и предметов или не придающему им значения, — Владимир Соловьев желал полного уравнивания евреев в правах с русскими, а одновременно вел упорную борьбу с еврейскою противохристианскою тенденцией. Даже из духовных лиц весьма немногие лишь могли бы соперничать с этим крестоносцем по части пламенности и убедительности его религиозной проповеди. Евреи, однако, горячо любили его и, будучи влиятельными людьми в органах, где он писал, не мешали ему проповедовать христианство, в благодарность за его братолюбие.

Если бы в разных сферах русской жизни появилось несколько тысяч людей одинакового духовного склада с Владимиром Соловьевым, относящихся к родным устоям с таким же самоотвержением, с каким он служил делу христианского богопознания, то можно было бы сразу отменить какие угодно ограничения.

Соловьев ошибался только в *масштабе*, в свойствах данного исторического момента, а не в принципе, — если только допустить, что совокупность его работы была ошибкою. Но допустить это чрезвычайно труд-

но, — и правильнее остановиться на предположении, что принятое им извилистое, и порою как будто внутренне противоречивое направление было плодом глубоко обдуманного плана. Он был прав в широких линиях и, по-видимому, нарочно погрешал против узких; с точки зрения их последних были правы его противники, практичнее понимавшие запросы и нужды данного момента.

У нас мало разработана *русская идея*, или, точнее, слишком основательно забыты великие труды наших славянофилов в этой области. В противоположность западным *насильникам* и душевно холодным людям, русский человек *по натуре добр и терпим*: ненужных стеснений он никому причинять не станет. Он сознает, что нет на свете человека безусловно и неисправимо скверного, и нет на свете расы, лишенной всяких положительных черт или задатков, которые можно было бы развить. Пусть евреи, увлекающиеся теперь «еврейским национализмом», сделают его мощным орудием не авантюры, а нравственного своего подъема, очищения своей религии от противосоциальных тенденций и отживших предрассудков, освобождения своего духа от темных его сторон. Пускай они дают все более значительный процент *лояльных* граждан, — и вопрос о расширении их прав станет на *реальную* почву. Умеют же теперь евреи искренно скорбеть при виде пьяного соплеменника; пусть научатся скорбеть при виде еврея-хищника, растлевателя, мучителя, хотя бы и безнаказанного или даже торжествующего. Пусть *очеловечатся*: русские люди это заметят и высоко оценят.

Покуда же этого нет, и ограничения еврейских прав нужны, — пусть они остаются, и странно было бы спорить против них во имя отвлеченных соображений или терпимости апатичной, беспринципной или робкой.

Несомненно, что внутренние источники возрождения в еврействе почти иссякли, так как золотой телец

одержал решительную победу над моисеевыми скрижалями. Поэтому решение еврейского вопроса должно исходить *от христиан*, т. е. в данном случае от *русских*.

Надо, чтоб и сами евреи, и бескорыстные (что редко) друзья их сознали *необходимость возникновения таких благоприятных условий, при которых ограничения могут быть отменены без вреда для духовных и материальных интересов русского народа*: тогда самые горячие ревнители этих интересов будут искренно приветствовать указанную меру, но не как слабодушную уступку, а как *реальный и радостный результат нашего национального роста*. Это будет единственный достойный исход.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стихи В. Л. Величко
из Сборника «Арабески», 1903 г.

26 ФЕВРАЛЯ
(Памяти Царя-Миротворца)

Из года в год в заветный день
Мы чтим семьею, как сегодня,
И в сердце, – вестница Господня, –
Нисходит трепетная тень:
Тень возвышающей печали,
Боль созидательных скорбей!..
Над смутой жизненных зыбей
Есть нерушимые скрижали:
Начертан ясный путь на них
И долг священный всем указан
Над жалким прахом благ земных!
Он неземною силой связан
С бессмертной памятью Того,
Чье сердце истиной горело,
Чья мысль, и скорбь, и речь, и дело –
России мощь и торжество!..

Событий всходы жадно косит
Времен губительная власть;
Раскрыв чудовищную пасть,
Все новых жертв забвенью просит!
Как много меркнет ярких дел,
Могучих обликов мельчает,
Едва их издали встречает
Всего непрочного удел!
Царь незабвенный! Не опасен
Тебе тот недруг роковой:
Все величавей облик Твой,
Красой невянущей прекрасен!
Растет он с кротким торжеством
В трудах преемственно-державных,
В игре событий своенравных,
В самосознании живом!..

Растет – и в смутную тревогу
Приносит мир и ясный свет,
Давая жизненный ответ,
Как на земле быть верным Богу...
Ты, стягом правды русской став,
Дал сильным кротость, смелость – правым,
С проникновеньем жизни здоровым
Любовь Христову сочетаю!
Тобою тверд боец усталый
В неравной праведной борьбе!
Растут, прильнув душой к Тебе,
И стар, и млад, большой и малый, –
Сыны духовные Того,
Чье сердце истиной горело,
Чья мысль, и скорбь, и речь, и дело –
России мощь и торжество!

РУССКАЯ ИДЕЯ

Не всем постичь ее дано!
В ней мир и меч, покорность и свобода!
Она в душе могучего народа
Небесной истины зерно!

Едва вошло – и налетели
Потоки бед на дорогую новь!
Но побеждала вечная любовь
Не раз и бури, и метели.

То, не ища земных наград,
Богатыри вступали в бой неравный,
То звали мы варяжский стяг державный
Смирять бесправье и разлад.

В гнетущей тьме скорбей несметных
Стонал народ под игом вражьих орд;
Пред Богом раб, пред хищниками горд,
Он ждал спасенья дней заветных.

Чтоб собиралася земля, –
Народ, в борьбе с нечестием и ложью,
Всего себя помазаннику Божью
Вручил, стеной став у Кремля.

В непререкаемом сознании
Безбрежных прав, владеемых царем,
Царь падал ниц пред Божьим алтарем,
В мольбе, в надежде, в покаянии!

И правде верные уста
Смирненных слуг, сынов любвеобильных,

Смущали гордых, просвещали сильных
Предвечной истиной Христа.

И знали все, и знают ныне:
В веках скорбей, страданий, славных дел
Свершается таинственный удел –
Служенье крестное святыне!

Нам мил, как брат, вчерашний враг;
Где бой кипел, мечи алели кровью,
Там через миг целительной любовью
Зажжен немеркнущий маяк.

Все борет мощное стремленье
Родной реки в неведомую даль...
А на душе – стыдливая печаль,
Любовь и самоотреченье!

Душе, что братски пленена
Чужой красой, мечты чужие сладки!
В грядущем ли таится смысл отгадки?
В тебе ль, седая старина?

Холодной тьме большого века
Даруют свет, – как ласка, горячи, –
Горения сердечного лучи!
В них отблеск Богочеловека!

С каким врагом ты вступишь в бой,
Мечта родимой, вдумчивой России?
Верна ль себе пребудешь, дочь Мессии?
Чужую ль власть признаешь над собой?

О, никогда! Что в ослепленье
Считает враг бессилием твоим, –

То юный пыл, то грез рассветных дым,
То лишь сердечное горенье!

Самосознания заря
Встает, горит – и в блеске мирной славы
Отчизне светит образ величавый
Родной мечтой венчанного Царя!..

СУМЕРКИ

Мы умираем каждый час...
Мы глухи к счастью и надежде,
Грядущий день не манит нас –
И смерть пугает лишь, как прежде.

Живем, – а как, и для чего, –
Нам дела нет! С тупым упорством
Живем, – а все в душе мертво,
Ни капли чувства в сердце черством!

Боишься мысли голова...
Мы мелко жадны, мелко злобны...
Не веря более в слова,
И к делу мы уж неспособны!

Кто правду скажет нам, – того
Мы бить камнями не будем:
Нет!.. Просто, нам... не до него –
Мы улыбнемся и... забудем...

Как завещания царей, –
Любви осмеяны заветы...
Все отцвело, все песни спеты...
О, мы несчастней дикарей!

Жалка их вера, мысль убога, –
Но искра жизни есть!.. А мы? –
Низвергнув идолов, – и Бога
Мы потеряли в царстве тьмы.

Теперь умом зовут сомненье;
Насмешка – гения печать,
Благоразумие – уменье
Неправду видеть... и молчать!..

Нависли сумерки над нами...
Ни дня, ни ночи в небе нет...
Зальет ли черными волнами
Все ночь? забрезжит ли рассвет?

Речей ли пламенных пророка
Пробудит нас живой аккорд?
Зальет ли нас тьма диких орд
Из недр таинственных Востока?

Иной ли, в меркнувшей дали,
Нас недруг ждет, как зверь голодный, –
Чтоб рабский ум, и труд бесплодный,
И нас, – как сор, как хлам негодный,
Стереть с лица земли?!

РУССКОМУ СОБРАНИЮ

В тумане смутных дней
В нелегкий путь пошли мы,
Огнем любви палимы –
Любви к земле своей!
Тому, кто сердцем верен,
Не страшен сильный враг!

Да будет каждый шаг
Отважен, тверд и мерен!
Сплотимся лишь тесней
Вокруг родного дела,
Осветим правдой смело
Туманы смутных дней!
Обступим стяг священный,
Как доблестная рать!
За Русь! За нашу мать
Поднимем кубок пенный!
За русский пыл в крови,
За славные преданья,
За луч самосознанья
И торжество любви!

КОММЕНТАРИИ

Статьи В. Л. Величко публикуются по изданию: Величко В. Л. Полное собрание публицистических сочинений. В 2-х тт. Т. 2: Русские речи. СПб., 1905.

В связи с тем, что статья «Духовная сущность и свобода писателя» была написана В. Величко ранее других, редакция решила сохранить хронологию написания и поместить ее в начале данного издания.

ДУХОВНАЯ СУЩНОСТЬ И СВОБОДА ПИСАТЕЛЯ

Впервые: «Русский вестник», 1903, №2.

¹ Илоты — в древней Спарте земледельцы, находившиеся на промежуточном положении между крепостными и рабами. Спартанцы старались внушить илотам комплекс моральной неполноценности и с этой целью запрещали им иметь оружие, петь военные песни, и наоборот — заставляли петь песни непристойные; заставляли напиваться, чтобы показать молодежи, как отвратительно пьянство. По мнению Плутарха, жестокое обращение с илотами вошло в норму после сильного землетрясения 464 г. до Р. Х., когда илоты, воспользовавшись временной слабостью спартанцев, бесчинствовали в Лаконии.

² «Книжки Недели» — ежемесячный бесцензурный литературный журнал, выходил в виде приложений к газете «Неделя» с 1878 г. Первоначально это был журнал исключительно беллетристический, печатавший романы и повести. С 1891 г. содержание его было расширено включением путевых и биографических очерков, критических статей, а также отдела «Литературная смесь» (отзывы о новых художественных произведениях, извлечения из литературных журналов и книг). В журнале печатали свои произведения граф Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Вл. С. Соловьев и др.

³ Меньшиков Михаил Осипович (1859-1918) — публицист и общественный деятель, идеолог партии русских националистов, расстрелян большевиками.

⁴ Карлейль Томас (1795–1881) — английский мыслитель, историк, публицист. Пытался объяснить всемирную историю решающей ролью великих личностей.

⁵ Фаресов Анатолий Иванович (1852–?) — беллетрист-народник, публицист. Ему принадлежат биографические очерки, посвященные Н. Г. Чернышевскому, Н. С. Лескову, А. Н. Энгельгардту и др.

⁶ Отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827 г.).

⁷ Эльзевир (Elzevir) — типографский шрифт.

⁸ Фихте (Fichte) Иоганн Готлиб (1762–1814) — немецкий философ. В 1805 году читал лекции в университете г. Эрланген.

⁹ Уайльд (Wilde) Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс (1854–1900) — ирландский поэт, драматург, писатель, эссеист. В 1891 году издал сборник теоретических статей «Замыслы» (Intentions), где изложил читателям свою эстетическую доктрину. Пафос книги в прославлении Искусства — величайшей святыни, верховного божества, фанатическим жрецом которого был Уайльд.

¹⁰ Бестужев–Марлинский Александр Александрович (1797—1837) — русский писатель, автор рассказов «Испытание», «Лейтенант Белозор», «Амалат-Бек», «Фрегат Надежда» и др.

¹¹ Ормузд (Ахура-Мазда) — верховный бог персидского пантеона, олицетворение всех светлых начал мира, защитник всего доброго, брат-близнец Ахра-Майню, с которым он борется.

¹² Зевс — в древнегреческой мифологии сын Кроноса и Реи, бог грома и молнии, стоявший во главе олимпийского пантеона богов, царь богов и людей.

¹³ Иегова (Яхве) — имя бога в иудаизме.

¹⁴ Сакья-Муни (Шакьямуни) — имя главного основателя и проповедника буддизма, Будды Гаутамы, которому, по преданию, предшествовали 24 других Будды. Буквальный перевод этого имени — аскет из рода Шакья.

¹⁵ Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) — поэт, переводчик, один из основоположников русского романтизма. Автор приводит строки из переведенной Жуковским пьесы Фридриха Гальма «Камознс», где размышления о вечных вопросах, о судьбе поэта в мире автор вкладывает в уста знаменитого португальского поэта, обращающегося перед смертью к своему сыну.

¹⁶ Гомер — легендарный древнегреческий поэт-сказитель, которому приписывается создание «Илиады» и «Одиссеи». О жизни и личности Гомера достоверно ничего не известно.

¹⁷ Эсхил (525 г. до Р. Х.— 456 г. до Р. Х.) — древнегреческий драматург, отец европейской трагедии.

¹⁸ Вергилий Публий Марон (70 г. до Р. Х. — 19 г. до Р. Х.) — один из наиболее значительных древнеримских поэтов. Создал новый тип эпической поэмы.

¹⁹ Прозелиты («пришедший, новообращенный») — греческое наименование лиц, обратившихся из язычества в иудейство. Прозелитизм — стремление распространить

свою веру, обратить других в свою веру, стремление к повсеместному установлению собственной религии. В переносном значении – горячая преданность вновь принятому учению, новым убеждениям.

²⁰ Рюи Блаз — герой драмы В.Гюго «Рюи Блаз» (1838 г.), крайне чувствительный юноша, романтический герой-мечтатель, тайно влюбленный в Королеву Испании.

²¹ «Дама с камелиями» (1852 г.) – произведение знаменитого французского драматурга Александра Дюма-сына (1824–1895). В «Даме с камелиями» Дюма выступил защитником «погибших, но милых созданий» и сделал из своей героини, куртизанки Маргариты Готье, идеал любящей до самопожертвования женщины.

²² Лессинг (Lessing) Готхольд Эфраим (1729–1781) — немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель, основоположник немецкой классической литературы.

²³ Шиллер (Schiller) Фридрих (1759–1805) — немецкий поэт, философ, историк и драматург, представитель романтического направления в литературе.

²⁴ Герольд в странах Западной Европы в средние века — глашатай, церемониймейстер при дворах королей и крупных феодалов; распорядитель на торжествах, рыцарских турнирах.

²⁵ Ваал (или Баал) — библейское название бога языческих семитов Палестины, Финикии и Сирии. По этимологическому значению слово означает «господин, владыка». Синоним самого низменного идолопоклонства.

²⁶ Байрон (Byron) Джордж Гордон (1788–1824) — английский поэт-романтик.

²⁷ Леопарди (Leopardi) Джакомо (1798–1837) – итальянский романтический поэт, моралист.

²⁸ Шелли (Shelley) Перси Биши (1792–1822) — английский поэт.

²⁹ Мюссе (Musset) Альфред (1810–1857) — французский поэт, драматург и прозаик, представитель позднего романтизма.

³⁰ «Ты счастлив ли, Вольтер? / Язвительной улыбкой / Кривятся ли в гробу иссохшие уста...» — строки Альфреда де Мюссе из поэмы «Ролла» (1833), обращены к идеологу Просвещения Вольтеру (1694–1778). Враждебное отношение Мюссе к Вольтеру определялось разочарованием европейской интеллигенции начала XIX столетия в деятельности просветителей и в результатах французской революции XVIII века.

³¹ Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) — философ, правовед, публицист, историк, один из виднейших представителей русского гегельянства.

³² Спенсер (Spencer) Герберт (1820–1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма, идеи которого пользовались большой популярностью в конце XIX века.

³³ Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) — видный русский историк и педагог, основатель знаменитых «Бестужевских курсов».

³⁴ Суровская лавка – место, где торговали шелковым, бумажным и шерстяным текстилем.

³⁵ Гамлет – герой одноименной трагедии В. Шекспира.

³⁶ Офелия – персонаж трагедии В. Шекспира «Гамлет».

³⁷ *Le geste est beau* (фр.) – Красивый жест.

³⁸ Миньона (Миньон) — героиня романа И.-В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796). Этот образ лирической души с трагической судьбой был воплощен французским композитором А. Тома в опере «Миньон» (1866).

³⁹ *The rest is silence* (англ.) – А дальше – тишина.

⁴⁰ Фактически, на деле.

⁴¹ *Circenses* – часть известного латинского изречения «Panem et circenses» –Хлеба и зрелищ.

⁴² Флобер (Flaubert) Гюстав (1821–1880) — французский писатель, автор популярных романов «Мадам Бовари» (1856) и «Саламбо» (1862).

⁴³ Многолетний секретарь Гете Иоганн Петер Эккерман (1792—1854) долгие годы вел подробнейшие записи своих бесед с великим поэтом и мыслителем. Они стали ценнейшим источником для изучения личности Гете и его взглядов на жизнь и литературу, историю и политику, философию и искусство.

⁴⁴ Федотов Павел Андреевич (1815–1852), русский живописец-рисовальщик.

⁴⁵ Речь идет о многолетней переписке Гюстава Флобера с поэтессой Луизой Коле, с которой его связывали романтические отношения.

⁴⁶ Гюго (Hugo) Виктор Мари (1802–1885) — французский писатель, поэт и драматург, теоретик французского романтизма.

⁴⁷ Фет Афанасий Афанасьевич (1820–1892) — русский поэт, переводчик, мемуарист.

⁴⁸ Некрасов Николай Алексеевич (1821–1878) — русский поэт.

⁴⁹ Надсон Семен Яковлевич (1862–1887) — русский поэт, был очень популярен в среде молодежи 1880-х — 1890-х годов.

⁵⁰ Строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» (1837).

⁵¹ Строки из стихотворения А. К. Толстого «Против течения» (1867).

⁵² 1 марта 1881 года Император Александр II был убит народовольцами.

⁵³ Кондотьер – предводитель наемной дружины в средневековой Италии, *здесь* – наемник.

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Впервые: «Русский вестник», 1902, №5.

¹ Щербина Николай Федорович (1821—1869) — русский поэт, известен как автор стихотворений из древнегреческой жизни, отличающихся чистотой и музыкальностью языка.

² Горький Максим (настоящее имя и фамилия Алексей Максимович Пешков) (1868—1936) — русский писатель и публицист левого толка, оказал влияние на формирование идейно-эстетических принципов коммунистической литературы.

³ Авгур — в Древнем Риме жрец, толковавший волю богов по крику и полету птиц, по падению молнии и другим небесным явлениям, прорицатель.

⁴ Калхас — сын Фестора из Микен, жрец и прорицатель в войске Агамемнона, по словам Гомера «знавший, что есть, что будет или что было». Говорили, что он предсказал продолжительность Троянской войны и объяснил ахейцам под Илионом причину гнева Аполлона.

⁵ *Idees subversives comme aperçus de morale* (франц.) — Пагубные для нравственности идеи.

⁶ Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) — русский писатель-сатирик, публицист.

⁷ Жемчужников Алексей Михайлович (1821—1908) — русский лирический поэт, сатирик и юморист, известен как создатель совместно с братом Владимиром и двоюродным братом Алексеем Толстым литературного псевдонима Козьма Прутков.

⁸ Лесков Николай Семенович (1831—1895) — русский писатель, его называли самым национальным из писателей России.

⁹ Величко говорит о времени редактирования им газеты «Кавказ» в Тифлисе в 1896—1899 гг. Свои чувства

и мысли он выразил в статьях, которые после его кончины составили первый том его публицистики под названием «Кавказ: Русское дело и междуплеменные вопросы» (СПб., 1904).

¹⁰ Штейн (Stein) Лоренц фон (1815–1890) — немецкий философ, историк, экономист, автор работ об обществе, государстве, праве.

¹¹ Александр III Александрович (1845—1894) — российский император с 1881 года, второй сын Александра II.

¹² Первая русская общественная право-монархическая организация, возникла в начале 1901 года, одним из учредителей Русского Собрания был В. Л. Величко.

¹³ Вязигин Андрей Сергеевич (1867—1919) — русский историк и общественный деятель, председатель Харьковского отделения Русского Собрания и Харьковского отдела Союза Русского Народа. Руководитель фракции правых в III Государственной Думе, издатель журнала «Мирный труд». Взят в заложники и убит большевиками.

¹⁴ Антей — в греческой мифологии великан, сын Посейдона и Геи, был непобедим, пока соприкасался с матерью-землей, задушен Гераклом, оторвавшим его от земли.

¹⁵ Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — выдающийся русский поэт, философ и дипломат.

¹⁶ Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891) — русский мыслитель, писатель и публицист, оказал влияние на идеологов право-монархического движения начала XX века.

¹⁷ Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — крупнейший русский философ, поэт, сын историка С. М. Соловьева, друг В. Л. Величко.

¹⁸ Данилевский Николай Яковлевич (1822—1885) — русский мыслитель, социолог, естествоиспытатель, создатель теории культурно-исторических типов.

¹⁹ Рюккерт (Rükkert) Генрих (1823—1875) — немецкий историк и исследователь германских древностей, профессор университетов в Йене и Бреслау, один из основоположников цивилизационного подхода к истории; его главный труд — «Учебник всемирной истории в органическом изложении» (1857).

ОТВЛЕЧЕННЫЙ И ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК

Впервые: «Русский вестник», 1902, №6.

¹ *Revue des deux mondes* («Журнал двух миров»), старейший ежемесячный общекультурный журнал Европы умеренно-консервативного направления (выходил с 1829 г.).

² Вогюэ Эжен-Мельхиор, граф, позднее маркиз де Вогюэ (*vicomte de Vogüe*) (1848—1910) — французский дипломат, писатель-путешественник, археолог, меценат и литературный критик, историк литературы, член Французской академии.

³ Филипп III Смелый (1245—1285) — король Франции с 1270 г.

⁴ Квириды — в Древнем Риме эпохи республики название римских граждан (*cives*), употреблявшееся обычно в официальных обращениях (*Populus Romanus Quiritium*).

⁵ Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — французский полководец, император Франции в 1804—1815 гг., завоевал почти всю Европу.

⁶ Французская революция, называемая иногда «Великой», представляет собой крупную трансформацию социальной и политической систем Франции, произошедшую в конце XVIII века, в результате которой был уничтожен Старый порядок. Началом ее послужило взятие Бастилии в 1789 г., а окончанием разные историки считают пере-

ворот 9 термидора 1794 года, переворот 18 брюмера 1799 года или коронацию Наполеона в 1804 году. В этот период Франция из абсолютной монархии стала республикой. Французская революция оказала значительное влияние как на саму Францию, так и на всю Европу, и считается одним из важнейших событий мировой истории.

⁷ Речь идет об Англо-бурской войне 1899–1902 гг., войне Великобритании против бурских республик — Южно-Африканской республики (Трансвааля) и Оранжевого Свободного государства (Оранжевой Республики), закончившаяся победой Британской империи. Русское общество симпатизировало свободолюбивым потомкам первых поселенцев – бурам (в переводе с голландского «крестьяне»).

⁸ Речь идет о восстании ихэтуаней (или боксерском восстании) в Китае против вмешательства иностранцев во внутреннюю жизнь Поднебесной (1899–1901). Ихэтуани убивали не только иностранцев, но и принявших христианство китайцев (Православная Церковь чтит память 222 мучеников, пострадавших от восставших). Восстание было подавлено коалиционными войсками, в кампании принимали участие и русские войска. Укрепление позиций России в Китае привело к обострению отношений с Японией, приведшему в итоге к Русско-японской войне.

⁹ «L'academie est un salon» (фр.) – «Академия есть салон», цитата из романа «Бессмертный» французского писателя Альфонса Доде (1840–1897).

¹⁰ Фламмарион основательно замечает, что лишь малое знание отдаляет от Бога, а великое – приближает к богопознанию. (*Прим. автора*)

¹¹ Тэн (Taine) Ипполит (1828–1893) — французский философ и писатель, представитель культурно-исторической школы в литературоведении, член Французской Академии (1878 г.).

¹² Речь идет о X томе Свода законов Российской империи 1832 г., в который были включены гражданские законы.

¹³ Эскамотировать (от фр. *escamoter*) (книжн.) – незаметно, ловко скрыть что-либо с целью обмануть кого-нибудь.

¹⁴ Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг фон (1749–1832) – великий немецкий поэт, философ и естествоиспытатель.

¹⁵ Данте Алигьери (Dante Alighieri) (1265–1321) — итальянский поэт, автор знаменитой «Божественной комедии».

¹⁶ Вольтер (Voltaire) (1694–1778), урожденный Франсуа-Мари Аруэ, — французский философ-просветитель, поэт, прозаик, публицист.

¹⁷ Шекспир (Shakespeare) Уильям (1564–1616) — знаменитый английский драматург и поэт.

¹⁸ Шиллер (Schiller) Фридрих (1759–1805) — немецкий поэт, философ, историк и драматург, представитель романтического направления в литературе.

¹⁹ Deutschland ueber Alles (нем.) – «Германия превыше всего».

²⁰ Uebermensch (нем.) – «Сверхчеловек», понятие, введенное немецким философом Фридрихом Ницше (1844–1900), которое стало центральным в его произведении «Так говорил Заратустра». Это была попытка заменить «устаревший и исчерпавший себя» образ Господа Иисуса Христа новым, более современным.

²¹ Левантинцы – потомки европейских (главным образом, итальянских и французских) колонистов, переселившихся в прибрежные районы Сирии и Ливана в начале крестовых походов (конец XI — начало XII вв.) и смешавшихся с местным населением. Говорят в основном по-арабски. По вероисповеданию — преимущественно марониты и католики, небольшая часть — мусульмане.

²² Лебон (Le Bon) Гюстав (1841—1931) — французский психолог, социолог, антрополог и историк, основатель социальной психологии.

²³ Гобино (Gobineau) Жозеф Артюр (1816—1882) — граф, французский писатель-романист, социолог и историк, дипломат, востоковед, родоначальник расовой идеологии и нордицизма.

²⁴ Бержере (Bergeret) Жан-Адриен-Гастон (1840—?) — французский писатель, член палаты депутатов, автор нескольких финансовых трактатов и популярных романов. Здесь упоминается его работа «Принципы политики» (Principes de politique).

²⁵ Здесь приводятся заключительные строки из *Послания к М. Н. Лонгинову о дарвинизме*, написанного в 1872 г. известным писателем и драматургом графом Алексеем Константиновичем Толстым (1817—1875). Лонгинов М. Н. (1823—1875) — библиограф и историк литературы, в 1871—1875 гг. был начальником Главного управления по делам печати. Лонгинов ответил Толстому стихотворным посланием, в котором утверждал, что слухи о запрещении книги Дарвина не соответствуют действительности.

²⁶ Культуртрегер — ироническое название людей, социальных групп, этносов, стран, неумело, насильственными методами или с корыстными целями распространяющих свою культуру, свое мировоззрение, свои идеи среди других людей, социальных групп и народов.

²⁷ Толстой Лев Николаевич, граф (1828—1910) — русский писатель и публицист, в конце жизни основал религиозно-нравственное учение — толстовство, противное христианству, за что был отлучен от Церкви.

²⁸ Александр Македонский (Александр III Великий) (356 — 323 до Р. Х.) — македонский царь с 336 до Р. Х. из династии Аргеадов, великий полководец, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти.

²⁹ *Civis romanus sum* (лат.) – «Я римский гражданин!» В античную эпоху эта формула заключала в себе самоутверждение римского гражданина как носителя неотъемлемых гражданских прав.

³⁰ Похищение сабинянок – эпизод ранней римской истории, описанный Титом Ливием в первой книге *Истории Рима*. В недавно основанном Риме царил нехватка женщин, тогда Ромул пригласил соседнее племя сабинов участвовать в празднествах в честь основания Рима. Во время этих празднеств римляне и похитили всех сабинских девушек. Это послужило причиной войны между римлянами и сабинами. Позже, во время битвы, сабинянки, ставшие уже женами и матерями римлян, бросились между сражающимися и тем самым заставили их примириться. После этого сабины переселились в Рим.

³¹ Апостол Павел в Послании к Колоссянам (3: 10-11) говорит о нравственном облике истинного христианина, который должен отказаться от «ветхого человека» в себе и духовно обновиться — «по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос». Та же мысль содержится в другом Послании апостола Павла — к Галатам (3: 27-28): «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе».

³² Лк. 17: 12-16: «Входящу же Ему в некую весь, сретоша Его десять прокаженных мужей, иже сташа издалеча: и тии вознесоша глас, глаголюще: Иисусе Наставниче, помилуй ны. И видев рече им: шедше покажитесь священником. И бысть идущим им, очистишася. Един же от них, видев, яко изцеле, возвратися, со гласом велиим славя Бога, и паде ниц при ногу Его, хвалу Ему воздая: и той бе Самарянин».

³³ Теократия – форма правления, при которой глава государства является одновременно его религиозным главой.

³⁴ Генрих IV (1050–1106) — германский король и император Священной Римской империи из Франконской династии.

³⁵ Каносса — замок в Северной Италии, куда в январе 1078 г., пройдя пешком через Альпы, пришел отлученный от церкви и низложенный германский император Генрих IV, чтобы испросить прощения у римского папы Григория VII. Три дня во власянице, босиком простоял Генрих IV у стен Каноссы, прежде чем получил прощение от папы и восстановление в правах. Впрочем, через два года папа вновь отлучил Генриха IV от церкви, но тот в ответ инициировал выборы нового папы Климента. Выражение «идти в Каноссу» стало означать: согласиться на унижительную капитуляцию.

³⁶ Людовик XIV де Бурбон, получивший при рождении имя Людовик-Дьёдонне («данный Богом»), также известный как «Король-Солнце» (*Le Roi Soleil*) и как Людовик XIV Великий (1638–1715) — король Франции и Наварры с 14 мая 1643 г. Царствовал 72 года — дольше, чем какой-либо другой монарх крупнейших государств Европы. Людовик, в молодости переживший войны Фронды, стал убежденным сторонником принципа абсолютной монархии (ему приписывают выражение «Государство — это я»), укрепление своей власти он сочетал с удачным подбором государственных деятелей на ключевые политические посты.

³⁷ Фронда (*фр.*, *букв.* «праща») — обозначение целого ряда противоправительственных смут, имевших место во Франции в 1648—1652 гг. В разговорном языке, в память о тех событиях, выражение «фронда», или «фрондерство», означает браваду перед вышестоящими без желания радикальных перемен.

³⁸ В 1726 году шевалье де Роган публично насмеялся над Вольтером по поводу недворянского происхождения последнего. Вольтер парировал: «Сударь, мое имя ждет слава, а ваше – забвение!» За такую дерзость Вольтер был избит и брошен в Бастилию.

³⁹ Гейне (Heine) Генрих (1797–1856) — немецкий поэт, публицист и критик.

⁴⁰ Руссо Жан-Жак (1712–1778) — см. примечание 10 к статье «Роковой вопрос».

⁴¹ Монтескье (Montesquieu) Шарль Луи (1689–1755) — французский философ и литератор эпохи Просвещения. Книга «О духе законов» (De l'esprit des lois, 1748 г.) – труд всей жизни Монтескье, ставший фундаментальным произведением в области либеральной политической мысли.

⁴² Ришелье (Richelieu) Арман Жан дю Плесси (1585–1642) — герцог, французский кардинал и государственный деятель. Кардинал Ришелье был государственным секретарем с 1616 года и главой правительства («главным министром короля») с 1624 года до своей смерти.

⁴³ «Свобода, равенство, братство» – лозунг Великой французской революции – впервые был озвучен в Декларации прав человека и гражданина, вошедшей в Конституцию Франции 1793 года.

⁴⁴ Марк Аврелий Антонин (121–180) — римский император из династии Антонинов. Философ, представитель позднего стоицизма, последователь Эпиктета.

⁴⁵ Робеспьер (Robespierre) Максимилиан (1758–1794) — один из лидеров Французской революции, глава якобинцев. В 1793 г. фактически возглавил Комитет общественного спасения и развернул массовый террор против «врагов революции». 27 июля (9-го термидора) 1794 года был свергнут и на следующий день вместе с соратниками казнен на гильотине.

⁴⁶ Шенье (Chénier) Андре-Мари (1762–1794) — французский поэт, журналист и политический деятель.

⁴⁷ Тард (Tarde) Жан-Габриель (1843–1904) — французский социолог и криминалист.

⁴⁸ Гуайо (Gouau) Жорж (1869–1939) — французский историк религии и публицист.

⁴⁹ Мюрэ (Muret) Морис — французский психолог и публицист, автор книги «Еврейский ум».

ВРАГ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ

Впервые: «Русский вестник», 1902, №7.

¹ Литтре (Littré) Максимилиан Поль Эмиль (1801–1881) — французский философ, историк и филолог, представитель позитивизма.

² Наполеон III Бонапарт (полн. имя Шарль Луи Наполеон) (1808–1873) — президент Французской республики, император французов. Племянник Наполеона I, после ряда заговоров с целью захватить власть пришел к ней мирным путем как президент республики (1848). Совершив переворот 1851 г. и устранив законодательную власть, установил авторитарный полицейский режим и еще через год провозгласил себя императором Второй империи.

³ Катон Марк Порций Старший (234–149 до Р. Х.) — древнеримский полководец, оратор, писатель и государственный деятель. По сообщению историка Плутарха, отличался непреклонностью и честностью, из-за чего нажил себе много врагов. Обычно имя Катона упоминается в связи с его известной фразой «Карфаген должен быть разрушен», ставшей крылатым выражением. Имя нарицательное для честного человека, неуклонно отстаивающего законы чести и нормы морали.

⁴ Ницше (Nietzsche) Фридрих Вильгельм (1844—1900) — немецкий философ, оказал влияние на формирование экзистенциализма и постмодернизма.

⁵ Дарвин (Darwin) Чарльз Роберт (1809—1882) — английский натуралист и путешественник, заложивший основы эволюционной теории и направления эволюционной мысли, носящего его имя (дарвинизм). В своей теории, первое развернутое изложение которой было опубликовано в 1859 году в книге «Происхождение видов» (полное название: «Происхождение видов посредством естественного отбора, или выживание благоприятствующих рас в борьбе за жизнь»), Дарвин придавал первостепенное значение в эволюции естественному отбору и неопределенной изменчивости.

КАК ДЕЛАЮТ ГОЛОВУ

Впервые: «Русский вестник», 1902, №7.

¹ Писемский Алексей Феофилактович (1821—1881) — русский писатель, автор повестей из жизни дворянско-чиновничьей провинции.

² «Аквариум» — увеселительный сад на Каменно-островском проспекте в Петербурге (1886—1923).

³ «Русские ведомости» — газета, выходила в Москве с 1863 г. по март 1918 г. (с 1868 г. — ежедневно). Влиятельное либеральное издание, с 1905 года рупор Конституционно-демократической партии (кадетов).

⁴ Произведение М. Горького «Трое» (1900—1901) представляет собой ряд картин из жизни обитателей городских подвалов.

⁵ Речь идет о балете Цезаря Пуни «Дочь Фараона».

⁶ Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868) — революционный публицист и литературный критик.

⁷ Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891) — революционер-народник, публицист.

⁸ Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — революционный публицист, идеолог народничества, соредактор «Отечественных записок», редактор журнала «Русское богатство».

⁹ Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) — философ, литературный критик, писатель и революционный публицист, идеолог народничества.

¹⁰ Маркс Карл (1818–1883) — немецкий философ, экономист и публицист, основатель международной революционно-террористической организации «Интернационал».

¹¹ Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) — князь, писатель и публицист, сотрудник «Московских ведомостей», «Русского вестника» и других консервативных изданий, издатель монархической газеты-журнала «Гражданин» (с 1872 года), хозяин правого салона в Петербурге.

¹² Катков Михаил Никифорович (1818–1887) — выдающийся русский публицист, издатель и литературный критик, гл. редактор крупнейших правых изданий — газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник».

¹³ Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) — выдающийся русский публицист, один из идеологов славянофильства, редактор и издатель ряда газет и журналов консервативного направления, поэт и литературный критик.

¹⁴ Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907) — публицист и общественный деятель, монархист, один из основателей и главных идеологов черносотенного движения.

¹⁵ Нордау Макс (настоящие имя и фамилия Симха Меер (в крещении Симон Максимилиан) Зюдфельд (Südfeld) (1849–1923) — врач, писатель, политик, соучредитель Всемирной сионистской организации.

¹⁶ Алкивиад (ок. 450–404 г. до Р.Х.) — афинский государственный и военный деятель, один из самых талантливых политиков и полководцев Афин конца 5 в. до Р.Х.

¹⁷ Перикл (490–429 г. до Р.Х.) — политический деятель Древней Греции, вождь афинской демократии.

¹⁸ Черемисия — устаревшее название территории республики Марий Эл.

¹⁹ Меря — древнее финно-угорское племя, жившее на территории современной Московской, Владимирской, Ярославской, Ивановской и Костромской областей.

²⁰ Perpetuum mobile (*лат.*) — вечный двигатель.

²¹ Грюндерство (*нем.* Grunder — основатель) — массовое лихорадочное учредительство акционерных обществ, банков и страховых компаний, сопровождавшееся широкой эмиссией ценных бумаг, биржевыми спекуляциями, созданием дутых предприятий.

²² Младотурки — либерально-революционное политическое движение в Османской империи, выступало за либеральные реформы и конституционное государственное устройство.

²³ Гешефтмахер (*нем.* Geschäftmacher, — *разг. пренебр.*) — ловкий делец, спекулянт.

²⁴ Кавальери (Cavalieri) Лина (1874–1944) — итальянская оперная певица (сопрано).

САМОУПРАВЛЕНИЕ И САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Впервые: «Русский вестник», 1903, №2.

¹ Audiator et altera pars (*лат.*) — Пусть выслушают и другую сторону.

² Millesima (parte) (*лат.*) — тысячная (доля).

³ Энциклопедисты — коллектив авторов французской «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел», изданной в 1751—1780 гг. В создании «Энциклопедии» активно участвовали Д. Дидро и Ж. Л. Д’Аламбер, Вольтер, Кондильяк, К. Гельвеций,

П. Гольбах, Ж.-Ж. Руссо, А. Тюрго, Г. Рейналь, Ж. Бюффон и др.

⁴ Лагарп (Laharpe) Фредерик Сезар (1754—1838) — швейцарский генерал и государственный деятель, учитель императора Александра I.

⁵ «Без лести предан» — гербовый девиз, который был присвоен российским императором Павлом I своему военному министру Алексею Андреевичу Аракчееву (1769—1834) при возведении последнего в графское достоинство (1799). Благодаря эпиграмме А. С. Пушкина «Всея России притеснитель...» слова из девиза Аракчеева вошли в широкий оборот в иронической версии: «Без лести преданный холоп». В русской дореволюционной исторической науке и публицистике преобладала негативная оценка деятельности графа А. А. Аракчеева, которая в последнее время пересматривается.

⁶ Ротшильды — международная еврейская династия банкиров, основателем которой является Майер Амшель Ротшильд (1744—1812), основавший банк во Франкфурте-на-Майне и разбогатевший во время французской революции и наполеоновских войн. Дело продолжили пять его сыновей: Амшель, Соломон, Натан, Кальман и Джеймс.

⁷ Дрейфус Альфред (1859—1935) — офицер французского генерального штаба, по происхождению еврей, обвинялся в шпионаже. Дело Дрейфуса — процесс (1894—1906) по делу о шпионаже — сыграл огромную роль в истории Франции и Европы конца XIX века.

⁸ Рейнак — еврейская семья во Франции, из которой вышли влиятельные политические и общественные деятели.

⁹ Lumpenproletariat (*нем.*) — Люмпенпролетариат — социальный слой деклассированных людей без определенного занятия и постоянной работы.

¹⁰ Высочайший рескрипт 10 июня 1902 года гласил: «Прежде всего, подтверждаю Мое требование, чтобы в

школе с образованием юношества соединялись воспитание его в духе веры, преданности Престолу и Отечеству и уважения к семье, а также забота о том, чтобы с умственным и физическим развитием молодежи приучать ее с ранних лет к порядку и дисциплине». Для чего предлагалось «немедленно позаботиться о том, чтобы постепенно в столицах и губернских городах были устраиваемы воспитательные пансионы при средних учебных заведениях». Инициатором рескрипта называли князя В. П. Мещерского.

¹¹ Верховники – члены Верховного тайного совета – высшего государственного органа России в 1726—1730 гг. Верховный тайный совет был создан императрицей Екатериной I и состоял из влиятельных вельмож. После смерти императора Петра II члены Совета пригласили на Престол племянницу Петра Великого герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну, предложив ей подписать «Кондиции», которые ставили ее в зависимость от верховников. Подписав «Кондиции», Анна Иоанновна вскоре их расторгла, разогнав Верховный тайный совет.

¹² «Сон советника Попова» (1873) – сатирическое произведение гр. А. К. Толстого, направленное против правящей бюрократии.

¹³ «Дворцы из алюминия» упоминаются в четвертом сне Веры Павловны об идеальном будущем в романе «Что делать?» революционера и публициста Н. Г. Чернышевского (1828 -1889).

¹⁴ Стахович М. А. (1861—1923) – дворянин, камергер, член Государственного совета, член партии «мирного обновления», депутат I и II Государственных дум.

¹⁵ Чехов Антон Павлович (1860—1904) — русский писатель и драматург. Рассказ «Маска», высмеивающий самодурство и раболепие, написан в 1884 году.

¹⁶ Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — русский юрист, общественный деятель и литератор.

¹⁷ Прудон (Proudhon) Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский публицист, экономист и социолог, один из основоположников анархизма.

¹⁸ См. статью «Отвлеченный и живой человек».

¹⁹ «Руслан и Людмила» (1842) — опера русского композитора М. И. Глинки. Огромная голова — жертва Черномора — насмеяется над Русланом, и тот наносит ей смертельный удар.

²⁰ Неккер Жак (1732—1804) — французский министр финансов в 1777—1781 и в 1788—1790 гг. Частичными реформами пытался спасти государство от финансового краха.

²¹ Фридрих Вильгельм I (1688—1740) — король Пруссии с 1713 по 1740 гг., курфюрст Бранденбурга из династии Гогенцоллернов. За свои военные победы получил прозвище Король-солдат (*нем.* Soldatenkönig).

²² Бисмарк-Шёнхаузен Отто Эдуард Леопольд фон (1815—1898) — князь, германский государственный деятель, первый канцлер Германской империи (второго рейха), прозванный «Железным Канцлером».

²³ Мольтке Гельмут Карл Бернхард фон (1800—1891) — германский генерал-фельдмаршал, русский генерал-фельдмаршал (1872), военный теоретик. Наряду с Бисмарком и Рооном считается одним из основателей Германской Империи.

²⁴ Фактория — торговое поселение, образованное иностранными (чаще всего европейскими) купцами на территории другого государства или колонии.

²⁵ Жирондисты — одна из политических партий в эпоху Французской революции. Поклонники демократической политической теории Руссо, республиканцы, пламенные защитники революции, которую они желали перенести и за границы Франции, отличались прекрасным красноречием, но не обнаружили партийной дисциплины.

²⁶ 19 Февраля 1861 г. был обнародован Манифест императора Александра II об отмене крепостного права.

ВОПРОС О РАБОЧИХ

Впервые: «Русский вестник», 1903, №1.

¹ Гайдебуров Павел Александрович (1841–1893/94) – публицист, народник, с 1870 г. член редакции, с 1874 г. редактор-издатель популярной газеты «Неделя».

² Короленко С. А. — экономист, сотрудник «Нового времени» в 1900-ые гг.

³ «Русский Вестник» – русский литературный и общественно-политический журнал, одно из наиболее влиятельных изданий второй половины XIX века, оказал значительное влияние на развитие общественной мысли и движение литературной жизни в России. Основан в 1856 г. М. Н. Катковым, прекратил существование с 1907 г.

⁴ На-фуфу — неосновательно, легкомысленно, кое-как.

⁵ *Le remede est pire que le mal* (франц.) — Лекарство хуже самой болезни.

⁶ Иоанн IV Васильевич Грозный (1530–1584) — Великий Князь Московский и всея Руси (с 1533 г.), первый русский Царь (с 1547 г.).

⁷ Народные дома — клубные учреждения в до-революционной России. Обычно в них размещались библиотека с читальней, театрально-лекционный зал, воскресная школа, чайная, книготорговая лавка. Создавались со 2-й половины 80-х гг. XIX в. на средства земств, органов городского самоуправления, обществ грамотности и отдельных лиц.

⁸ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) — философ и публицист, издатель, основатель и многолетний редактор газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник».

⁹ Pierre de la Gorce. Histoire de la seconde Republique Francaise. Paris, 1887.

¹⁰ Le Petit Journal — французская иллюстрированная еженедельная газета.

¹¹ Сю (Sue) Эжен (1804–1857) — французский писатель, один из основоположников массовой литературы.

¹² Крестовский Всеволод Владимирович (1839–1895) — русский поэт и прозаик, литературный критик.

¹³ Le troisième larron (*франц.*) — третий жулик; ≈ две собаки дерутся, а третья кость грызет.

¹⁴ Выдержка из стихотворения М. Ю. Лермонтова (1814–1841) «И скучно, и грустно» (1840 г.).

¹⁵ A priori (*лат.*) — «от предшествующего» — знание, полученное до опыта и независимо от него.

¹⁶ Вагнер (Wagner) Адольф (1835–1917) — немецкий экономист, сформулировал закон о постоянном возрастании государственных потребностей, который стал носить его имя, представитель школы государственного социализма.

¹⁷ Шмоллер (Schmoller) Густав фон (1838–1917) — немецкий экономист, историк, государственный и общественный деятель, наряду с А. Вагнером ведущий представитель школы государственного социализма.

¹⁸ «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы» — возглас на Божественной Литургии перед пением всеми богомольцами Символа Православной Веры.

ИНОРОДЦЫ И ОКРАИНЫ

Впервые: «Русский вестник», 1902, №12.

¹ Pour le roi de Prusse (*фр.*) — даром.

² Инсurreкционный (*устар.*) – повстанческий.

³ Владимир Спасович и Эразм Пильц – основатели польской газеты «Кгај», которая издавалась в Петербурге в 1882—1909 годах.

⁴ Привислинский край – в Российской империи общее название 10 губерний Царства Польского в 1867—1917 гг., до 1875 г. наместничество, затем генерал-губернаторство, центр — Варшава.

⁵ Безвременная смерть помешала В. Л. Величко довести до конца задуманный им труд. Ему удалось разработать лишь еврейский вопрос, которому посвящены дальнейшие главы настоящей книги, и инородческие вопросы Кавказа, составившие отдельный том (т. I) его сочинений [*Изд.*].

⁶ Plus ça change, plus c'est la même chose (*франц.*) – Чем больше все меняется, тем больше остается прежним.

⁷ Газета «Кавказ» была образована в Тифлисе в 1846 г. по инициативе наместника Кавказа князя М. С. Воронцова как политико-литературный орган, «предназначенный для распространения в крае полезных сведений и современных известий... для ознакомления России с особенностями жизни, нравов и обычаев племен, населяющих Кавказский край». В. Л. Величко редактировал газету в 1896—1899 гг. Прекратила свое существование в 1901 г.

⁸ Величко, видимо, имеет в виду одну из армянских партий, выступавших за восстановление древнего государства «Великая Армения» путем отделения территорий, заселенных армянами и входивших в состав Российской и Османской империй и Ирана. Наиболее известны три партии: «Арменакан» — создана в 1885 г. на территории Турции; «Гнчак» — создана в 1887 г. в Женеве; «Армянская Революционная Федерация Дашнакцутюн» — создана в 1890 г. в Тифлисе.

⁹ Джаншиев Григорий Аветович (1851—1900) — российский историк, публицист, труды по истории реформ 60-70-х гг., активно выступал за улучшение положения армян в Турции.

¹⁰ Голицын Григорий Сергеевич (1838—1907) — князь, генерал от инфантерии, государственный деятель, с 1897 по 1904 г. главноначальствующий на Кавказе. По его почину имущество армянских церквей было взято под контроль правительства.

¹¹ Le Correspondant — французская ежедневная политическая газета.

¹² Reptilienfond — изначально секретный фонд для вознаграждения продажных журналистов, основанный канцлером Отто Бисмарком.

¹³ Лорис-Меликов Михаил Тариэлович (1825—1888) — граф, российский военачальник и государственный деятель, с февр. 1880 г. главный начальник «Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия», с авг. 1880 г. всесильный министр внутренних дел. Пользовался доверием императора Александра II, автор так называемой «конституции». Вскоре после убийства Царя под давлением консерваторов (прежде всего обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева) вынужден был уйти в отставку и уехать за границу.

¹⁴ Гиль — чушь, вздор, нелепица.

¹⁵ Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853—1902) — министр внутренних дел с 1898 г. Провел ряд мероприятий, главным образом, по крестьянскому вопросу. 2 апреля 1902 г. убит эсером Балмашевым.

¹⁶ Габсбурги — германско-австрийская династия, владевшая в 1282 — 1918 гг. Австрией (Австро-Венгерской империей), а в 1438—1806 гг. неизменно (с кратким перерывом в 1742—1745 гг.) удерживавшая титул императора Священной Римской империи.

РОКОВОЙ ВОПРОС

Впервые: «Русский вестник», 1902, №9.

¹ Иосиф Флавий (ок. 37 — ок. 100) — знаменитый еврейский историк и военачальник. Известен дошедшими до нас на греческом языке трудами: «Иудейская война» (о восстании евреев против римского владычества 66-70 гг.) и «Иудейские древности» (где изложена история евреев от сотворения мира до Иудейской войны).

² Нельзя не отметить, что, привлекая Священное Писание для характеристики еврейства, В. Л. Величко порой делает не вполне корректные и опасные выводы. Эту ошибку допускали и другие известные патриотические публицисты (М. О. Меньшиков, Г. В. Бутми, князь Н. Д. Жевахов, С. Ф. Шарапов и др.). Об этой проблеме в свое время писали активные участники черносотенного движения: архиепископ Димитрий Сперовский в статье «Святою Библиею нужно пользоваться благоговейно и осторожно. Предостережение ревнителям православной веры и русского дела по поводу статьи ген. М. И. Драгомирова об Иосифе Прекрасном» (1906) и архиепископ Никон (Рождественский) в статье «Слово правды нашим патриотам-антисемитам» (1915).

³ В юбилейный год рабы обретали свободу, а заложенное имущество возвращалось владельцам, этот закон был частью Завета Господа с богоизбранным народом; юбилейный год наступал после семи седмиц (семи семилетий), т.е. это был каждый 50-й год (см. подробнее Книга Левит, гл.25).

⁴ См. статью «Инородцы и окраины» в данном издании.

⁵ Дрюмон (Drumont) Эдуард Адольф (1844—1917) — французский писатель и политический деятель, член Палаты депутатов в 1898—1902 гг. Приобрел широкую известность благодаря книге «La France juive» («Еврейская Франция»), изданной в 1886 г. и ставшей бестселлером.

⁶ Эти строки были написаны в конце 1902 года, когда из среды самих студентов раздались голоса, возмущавшиеся насильственно навязываемой им обструкцией, и когда в жизни университета наступило временное затишье. [Изд.]

⁷ Бенедикт (Барух) Спиноза (1632—1677) — голландский философ еврейского происхождения, один из главных представителей философии Нового времени, рационалист, пантеист.

⁸ Георг Моррис Кохен Брандес (1842—1927) — датский литературовед еврейского происхождения, публицист, теоретик натурализма.

⁹ Вейнберг Петр Исаевич (1831—1908) — поэт, переводчик, историк литературы.

¹⁰ Руссо (Rousseau) Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель, философ и публицист, идеолог крайней демократии (прямого народоправства); идеи Руссо оказали большое влияние на подготовку и ход кровавой Французской революции.

¹¹ Сократ из Афин (469–399 до Р.Х.) – знаменитый античный философ, его считали идеалом истинного мудреца.

¹² Платон (427–347 до Р.Х.) – великий древнегреческий философ, ученик Сократа, основатель знаменитой Академии.

¹³ Энгельгардт (псевд. Гард) Николай Александрович (1867—1942) — русский писатель, поэт, публицист, литературный критик; сотрудник газеты «Новое время», один из учредителей «Русского собрания».

¹⁴ Misereor supra turbam (*лат.*) – Жаль мне народа (Мк. 8, 2)

¹⁵ Бендзе кепско (*польск.*) – Будет плохо.

¹⁶ Папков Александр Александрович (1868—1920) – церковный писатель и государственный деятель. Выпускник Училища правоведения, член-учредитель «Русского Собрания», губернатор Тавастгусской губернии в Финляндии. Член Предсоборного Совета и Священного Собора Российской Православной Церкви в 1917—1918 гг.

¹⁷ Засулич Вера Ивановна (1849—1919) — народница-террористка. Прославилась тем, что в 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, ранив его; была скандально оправдана судом присяжных.

¹⁸ «Вестник Европы» — «журнал исторический, политический и литературный», издавался в Петербурге с 1866 по 1918 г. Типичный либерально-буржуазный орган.

¹⁹ Клиент – в Древнем Риме свободный человек, отдавшийся под покровительство патрона и находившийся в зависимости от последнего.

²⁰ Речь идет о пьесе С. Литвина (Эфрона) и В. Крылова «Контрабандисты (Сыны Израиля)».

²¹ Tempora mutantur, et nos mutamur in illis (*лат.*) - Времена меняются, и мы меняемся с ними.

²² Театр Суворина (Театр Литературно-художественного общества) – русский театр, созданный в Санкт-Петербурге в 1895 г. Размещался в здании бывшего Апраксинского театра на Фонтанке, который построил в 1876–1878 гг. граф Антон Апраксин на принадлежавшем ему рынке (архитектор Л. Фонтана). Здание театра арендовала группа пайщиков, главным среди них был известный писатель и издатель А. С. Суворин. Ныне Большой Драматический театр им. Г. А. Товстоногова. Постановка спектакля «Контрабандисты» в Суворинском театре вызвала волнения молодежи.

²³ Гордиев узел – согласно греческой легенде, запутанный узел, которым фригийский царь Гордий привязал ярмо к дышлу телеги. Оракул предсказал: развязавший узел получит господство над миром. Александр Македонский в 334 году до нашей эры в ответ на предложение распутать узел разрубил его мечом («разрубить Гордиев узел» - принять быстрое и смелое решение запутанного и сложного вопроса).

СИОНИЗМ

Впервые: «Русский вестник», 1902, №10.

¹ *Mundus vult decipi ergo decipiatur* (лат.) – «Мир желает обманываться, пусть же обманывается».

² *E sempre bene* (итал.) — «Всегда хорошо!» Употребляется в значении: и хорошо получается, и отлично, и ладно!

³ Речь идет о деле начальника Могилевского железнодорожного округа Авринского, которого судили за взяточничество и воровство.

⁴ Вероятно, имеется в виду Федор Петрович Корнилов (1809—1895) – государственный деятель, московский гражданский губернатор в 1839—1861 гг., управляющий делами Комитета министров в 1861—1874 гг., член Госсовета, действительный тайный советник.

⁵ 1 мая 1902 г. в Вильне еврейский Бунд подготовил демонстрацию. Но не дремала и власть, новый губернатор В. фон Валь был настроен решительно. 1 мая рабочие объявили забастовку. Попытка полиции вернуть бастующих на рабочие места не принесла желаемого результата. Вечером на Немецкой улице, прилегавшей к еврейским кварталам, началась демонстрация. Рабочие, главным образом евреи, вышли

с лозунгами: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода! Да здравствует социализм!». Демонстрация была скоро разогнана полицией и эскадроном казаков. Около 50 человек было арестовано. 28 арестованных (из них 22 еврея) подверглись порке, а взятых с красным знаменем Ботвинника и Гиршеля обязали наблюдать за процессом экзекуции и поведать о нем обществу.

⁶ См. статью «Отвлеченный и живой человек» в данном издании.

⁷ Копен-Альбанселли – историк масонства, бывший франкмасон, автор книги «*Pouvoir occulte*» (полное название «Тайная сила против Франции»).

⁸ «*Le tout-Paris maçonnique*» – «Весь масонский Париж».

⁹ Варфоломеевская ночь – массовое убийство гугенотов (французских протестантов) в Париже в ночь на 24 августа 1572 г., праздник св. Варфоломея.

ИСХОД

Впервые: «Русский вестник», 1902, №11.

¹ Пьеса «Венецианский купец» (ок. 1596 г.) была написана В. Шекспиром для своей труппы, желавшей поставить пьесу, которая могла бы соперничать с популярным в те времена «Мальтийским евреем» Марло.

² Легист (*ист.*) — в средние века в Западной Европе юрист, разрабатывавший и внедрявший в юридическую практику римское право в противовес церковному праву.

³ Сыромятников (псевд. Сигма) Сергей Николаевич (1864—1933) — писатель, публицист, путешественник, член-учредитель Русского Собрания.

⁴ Гофштеттер Ипполит Андреевич (1860—1951) – поэт, философ, публицист.

⁵ Шикана — в науке гражданского права злоупотребление своим правом.

⁶ *Summum jus summa injuria* – т. е. «безусловно осуществленное право (иногда) равносильно высшему бесправию» — латинская поговорка; приводится у Цицерона.

⁷ Дизраэли (*Disraeli*) Бенджамин, граф Биконсфильд (*Beaconsfield*) (1804—1881) — премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874—1880 гг., лидер Консервативной партии; писатель.

⁸ *Vona fide* (*лат.*) – добросовестно, чистосердечно.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
РУССКИЕ РЕЧИ	31
Духовная сущность и свобода писателя	32
Интересное время	70
Отвлеченный и живой человек	92
Враг общественной нравственности	135
Как делают голову	147
Самоуправление и самодеятельность	161
Вопрос о рабочих	206
Иностранцы и окраины	229
Роковой вопрос	260
Сионизм	297
Исход	318
ПРИЛОЖЕНИЕ	356
Стихи В. Л. Величко из Сборника «Арабески», 1903 г.	356
КОММЕНТАРИИ	363

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности Института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 10 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 30 томов).

Редактор А. И. Михальский
Корректор О. Ю. Акакиева
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-499-242-50-80.

Подписано в печать 15.10.2009 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 17,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация (*вышел*)
- Русское Православие в трех томах (*вышли*)
- Русское государство (*вышел*)
- Русский патриотизм (*вышел*)
- Русское мировоззрение (*вышел*)
- Русский образ жизни (*вышел*)
- Русская география
- Русское хозяйство (*вышел*)
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература (*вышел*)
- Русское искусство
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское Православное воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организаций. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги Института русской цивилизации можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Энциклопедии русской цивилизации» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Покровский бул., 18/15, тел. 8(495)-916-29-41), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 14, тел. 8(499)-186-93-78) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)